

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ПЯТНИЦКАЯ Татьяна Николаевна

**ФОРМИРОВАНИЕ МОНАСТЫРСКИХ АНСАМБЛЕЙ
XVII ВЕКА
ЮГО-ВОСТОЧНОГО ПРИЛАДОЖЬЯ**

Специальность **05.23.20** – Теория и история архитектуры,
реставрация и реконструкция архитектурного наследия

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата архитектуры

Том 1

Научный руководитель:
кандидат архитектуры,
доцент Заяц Инна Сергеевна

Санкт-Петербург – 2014

Содержание

Введение	стр. 3
Глава 1. Предпосылки формирования архитектурно-пространственной и планировочной композиции монастырей XVII в.	
1.1. Церковно-канонические факторы	16
1.2. Географические и топографические факторы.....	25
1.3. Экономические и социальные факторы	30
1.4. Фактор функционального и иерархического зонирования.....	34
1.5. Композиция центрального ядра монастырского комплекса.....	40
1.6. Выводы по первой главе.....	42
Глава 2. Формирование типов церковных зданий монастырей XVII в. юго-восточного Приладожья	
2.1. Монастырские соборы.....	45
2.2. Трапезные палаты с церквями.....	51
2.3. Надвратные церкви.....	55
2.4. Изразцовый и кирпичный фасадный декор	59
2.5. Выводы по второй главе.....	64
Глава 3. Типологические закономерности жилых и административных зданий монастырей XVII в. юго-восточного Приладожья	
3.1. Братские кельи	67
3.2. Больничные кельи	75
3.3. Настоятельские, игуменские, архимандричьи кельи.....	79
3.4. Казначейские, казенные кельи.....	81
3.5. Выводы по третьей главе.....	83
Глава 4. Современные проблемы сохранения и использования русских средневековых монастырских комплексов	
4.1. Проблемы изменения функционального зонирования комплексов	86
4.2. Проблемы сохранения подлинного при адаптации зданий	93
Заключение. Выводы	98
Библиографический список используемой литературы	104

Введение

Северо-Западный регион России имеет огромное значение в истории и культуре нашей страны. Когда-то именно здесь возникла российская государственность, первые культурно-экономические центры – Ладога, Новгород, Псков. На Северо-Западе России, в том числе – на территории юго-восточного Приладожья, сосредоточено большое количество историко-культурных и природно-ландшафтных объектов культурного наследия, отражающих богатство и разнообразие российской цивилизации. Среди них одно из главных мест занимают средневековые монастырские ансамбли, которым посвящено данное диссертационное исследование.

В XX веке в России было утрачено большое количество памятников храмового зодчества, часть их использовалась не по назначению, новые церкви и монастыри не строились. Однако за последние десятилетия в духовной жизни современного российского общества происходят изменения мировоззренческих ориентаций. В сознании общества происходит возврат понимания ценности религии и церкви. В общем процессе возрождения культурно-исторического наследия увеличивается количество реставрированных и введенных в научный оборот памятников, созданных на основе православной русской традиции. Растет перечень работ, посвященных изучению храмового и монастырского наследия. Все больше исследователей занимаются историей возникновения и развития монастырских ансамблей, анализом их архитектуры и культуры. В этой связи изучение и реставрация монастырских комплексов становится особенно актуальным.

В связи с утратой культуры храмостроения в советское время, ныне возникла необходимость обращения к историческому опыту монастырского строительства. Основная задача архитекторов, занимающихся приспособлением сохранившихся монастырских ансамблей, заключается в возможно более полном сохранении специфики их архитектуры.

При существующем в настоящее время большом объеме восстановления сохранившихся монастырей возникает необходимость совместной деятельности архитекторов, реставраторов и практиков, и историков архитектуры. Практика реставрации с приспособлением к современным нуждам монастырских комплексов осложняется почти полной утратой традиций и опыта монастырского строительства. Изучение закономерностей развития архитектурно-пространственной композиции монастырей, типологических особенностей объемно-пространственной структуры их зданий должно помочь сохранению объектов культурного наследия при адаптации их к современным условиям; удержанию равновесия между потребностями современного монашеского быта и сохранности объекта культурного наследия.

Данная работа по исследованию монастырских ансамблей юго-восточного Приладожья средневековой Руси началась в 1970-х годах в связи с реставрацией и приспособлением нескольких монастырских комплексов, а именно: Успенский Богородичный и Введенский в Тихвине, Александро-Свирский Троицкий, Троицкий Зеленецкий, а также Успенский, Никольский и Иоанновский в Старой Ладогe. Эти монастыри расположены на землях, которые с конца XV до середины XVI веков входили в состав Нагорной половины Обонежской пятины Великого Новгорода. До конца 1980-х гг. в этих комплексах велись реставрационные работы с одновременным приспособлением под нужды музеев. В процессе проектирования выполнялись графические реконструкции монастырских ансамблей разных этапов жизни памятников на основе анализа собранных материалов. Большое количество исследовательского материала было получено в процессе ведения авторского надзора за реставрационными работами.

В начале 1990-х годов в каждом из вышеперечисленных комплексов возобновился православный мужской монастырь. С середины 1990-х годов реставрационные работы продолжились, правда, с минимумом исследовательских работ, уклоном в сторону «благлепного» воссоздания и

менее профессиональными строительными кадрами, как пример можно привести неудачное восстановление глав на надвратной церкви Вознесения с приделом Федора Стратилата в Успенском Тихвинском монастыре, выполненное не по обоснованному проекту. Тем не менее, новый исследовательский (архивный и натурный) материал появляется и сейчас, например, открытые в процессе производства работ изразцовые наличники Троицкого собора Зеленецкого монастыря. А вопрос сохранения культурного наследия, подчас уникального, стоит остро, как никогда.

Изученность темы

Все опубликованные материалы по теме можно разделить на несколько групп. К первой можно отнести работы по изучению архитектурно-пространственной организации, композиции и визуального восприятия русских средневековых монастырей, а также по определению их историко-культурной ценности. Это статьи и книги И.Л. Бусевой-Давыдовой [46], [53], Т.Н. Вятчаниной [70], Н.Ф. Гуляницкого [71], А.В. Иконникова [75], С.В. Ильвицкой [130], М.А. Ильина [76], А.И. Комеча [79], М.И. Мильчика [95], И.А. Рябушиной [114], К.Н. Сербиной [119], Ю.С. Ушакова [126] и др.

Ко второй можно отнести работы, посвященные отдельным храмам или центральным комплексам культовых построек в русских монастырских ансамблях XVI - XVII веков, в которых приводятся материалы архивных и натуральных исследований, а также имеется сравнительный анализ их архитектуры и объемно-пространственной композиции, выявляется их место в типологическом ряду подобных построек. Это исследования начала XX века М.В. Красовского [87], А.М. Павлинова [102], П.П. Покрышкина [107] и В.В. Суслова [122]. В наше время это труды Г.В. Алферовой [36], [37], [38], В.И. Балдина [40], Н.И. Брунова [45], Е.П. Варакина [60], М.В. Вдовиченко [62], А.И. Комеча [79], Е.Г. Одинец [100], С.С. Подъяпольского [106], Вл.В. Седова [116], А.А. Тица [123] и др. К этой же группе относятся исследования архитектуры монастырских комплексов юго-восточного Приладожья, изложенные в трудах Е.В. Кондратьевой [80], [81], [82], [83], [84], А.Н.

Милорадовича [94], М.И. Мильчика [95], Л.А. Секретарь [118], С.И. Сивак [120] и др.

А также работы Роберта Оустерхаута [101] и Dietrich Conrad [132], в которых рассматриваются средневековые строительные технологии.

К третьей группе относятся работы, посвященные проблемам монастырского строительства и символике пространственной формы монастыря, а также связи религиозно-символического содержания храмов с их архитектурой. Это в первую очередь исследования конца XIX – начала XX вв. И.Д. Мансветова [92] и А.О. Пруссак [110]. В наше время это работы А.Л. Баталова [41], К.В. Бобкова [42], И.А. Бондаренко [43], [44], И.Л. Бусевой-Давыдовой [47], [48], [50], [52], [54], [56], [57], В.В. Бычкова [59], Т.Н. Вятчаниной [67], [68], [69], Т.Н. Кудрявцевой [90], А.Г. Мельника [93], Вл. В. Седова [115], А.Г. Туманик [125].

К четвертой группе относятся работы, разрабатывающие концепцию современного методологического подхода к изучению русской храмовой архитектуры с учетом богословской основы и христианской символики. Это, в первую очередь исследования А.С. Щенкова [128], и А.С. Щенкова и Т.Н. Вятчаниной [129]; не потеряла своей актуальности работа Эрвина Панофского [103], как описание одного из методов поиска связи между между духовно-религиозным состоянием общества и формами храмовой архитектуры.

К пятой группе относятся неопубликованные материалы натуральных и историко-архивных исследований по монастырским ансамблям Ленинградской и Новгородской областей, хранящиеся в архивах ОАО НИиПИ «НИИ Спецпроектреставрация» (СПб) от [1] до [25], Департамента государственной охраны, сохранения и использования объектов культурного наследия Правительства Ленинградской области и Управления государственного Комитета охраны и использования памятников истории и культуры при администрации Новгородской области. А также историко-статистические описания монастырей, путеводители, каталоги и своды памятников от [26] до [35].

Изучение отдельных памятников средневековых монастырских комплексов не только для их реставрации и сохранения, но и с исследовательскими целями началось еще в XIX веке, с деятельностью Сулова В.В. [122]. Его работы, как теоретические, так и практические реставрационные, оказали существенное влияние на формирование представлений о развитии русского зодчества, до сих пор служат замечательным источником изучения русской архитектуры, фиксирующим ее состояние на рубеже XIX и XX веков.

После некоторого перерыва в первой половине XX в., исследования возобновились в послевоенное время, публиковались в специальных изданиях на протяжении 1950-х – 1980-х гг. Как правило, в них приводились описательные характеристики, результаты натурных исследований и графические реконструкции. Например, работа об ансамбле Симонова монастыря в Москве Р. Кацнельсона [77], Г. Рабиновича об ансамбле Псково-Печерского монастыря [112], Ю.В. Ранинского об ансамбле Донского монастыря [113], о Макарьевском монастыре в Калязине М. Цапенко [127].

Исследования монастырей как ансамблей стали вести лишь в начале 1980-х годов, рассматривались историко-культурная ценность: Бусева-Давыдова И.Л. [53], Комеч А.И. [79] и социально-экономические позиции: Сербина К.Н. [119]. Работы, связанные с анализом религиозно-символического содержания композиции монастырей и отдельных храмов, а также роли заказчика в создании архитектурного образа появились к началу 1990-х годов: Бондаренко И.А. [44], Вятчина Т.Н. [68], [69], Иконников А.В. [75]. Типологический анализ исследователи стали проводить лишь с начала 2000-х годов. В работе Ильвицкой С.В. [130] описаны закономерности становления композиции православных балканских монастырей, предложены научно-теоретические и практические основы типологии, функциональной и архитектурно-пространственной организации монастырей.

Изучение литературных и архивных источников показало, что накоплено много аналитического материала с описательными характеристиками и

анализом архитектуры как отдельных культовых и гражданских сооружений, так и монастырских комплексов. Были выявлены некоторые особенности планировочных композиций ансамблей. Для отдельных зданий проблема усложнена тем, что большое количество монастырских построек или утрачено, или неоднократно перестроено. Подавляющее большинство исследований касалось только храмовых построек. Типологического анализа келейных корпусов не было.

Все это указывает на необходимость проведения научного исследования типологических особенностей монастырских комплексов юго-восточного Приладожья. Требуется обобщение накопленных за последние десятилетия материалов изысканий с последующим применением полученных результатов при сохранении, реставрации и приспособлении монастырских комплексов для современных нужд.

В связи с вышеизложенными положениями определяется следующая **цель исследования**: систематизация и обобщение архивных, библиографических и натурных изысканий, выявление общих черт и особенностей первоначальной архитектуры монастырских ансамблей юго-восточного Приладожья, обозначение возможных путей сохранения, реконструкции и приспособления объектов культурного наследия.

Цель исследования определила основные **задачи** работы:

- изучить архитектурно-пространственную композицию монастырских комплексов юго-восточного Приладожья и определить их место в ряду планировочных схем монастырских ансамблей XVII века земель Великого Новгорода и центральной Руси;
- определить место церковных сооружений монастырских комплексов юго-восточного Приладожья в общей типологии подобных сооружений XVII века Новгородских земель и центральной Руси;
- установить типологические особенности келейных корпусов монастырей юго-восточного Приладожья, а также определить их сходство и

отличия от подобных зданий в монастырях XVII века новгородских земель и центральной Руси;

- разработать классификацию братских келейных корпусов для монастырских комплексов XVII в.

- рассмотреть сохранение средневековой монастырской келейной застройки как зданий, имеющих не только музейную и историко-культурную функцию, но и современную функцию действующего православного монастыря, а также уточнить функциональное зонирование монастырских комплексов при адаптации к современным условиям.

Объект исследования – здания и сооружения монастырских ансамблей юго-восточного Приладожья, их архитектура, типологические признаки, конструктивные особенности, строительные приемы, а также планировочные композиции.

Предмет исследования – традиционные принципы и приемы творческого процесса XVII века применительно к строительству монастырских ансамблей, разнообразие их применений, типология келейных корпусов. Зависимость формообразования русского православного храма XVII века от религиозно-богословского контекста.

Территориальные границы исследования.

Территориальные границы условно обозначены как юго-восточное Приладожье, здесь расположены следующие монастырские комплексы, возникшие в XVI-XVII веках:

1. Александро-Свирский Троицкий (Лодейнопольский район)
2. Антониев-Дымский (Тихвинский район)
3. Введено-Оятский (Лодейнопольский район)
4. Введенский (г. Тихвин)
5. Николо-Беседный (г. Тихвин; сохранился собор Николая Чудотворца, сильно перестроенный)
6. Николо-Боровинский (г. Тихвин, сохранилась перестроенная колокольня)

7. Никольский (с. Старая Ладога)
8. Свято-Троицкий Зеленецкий (Волховский район)
9. Успенский Богородичный (г. Тихвин)
10. Успенский (с. Старая Ладога)

В качестве аналогов привлекались монастырские комплексы Новгорода и Новгородской области: Антониев-Рождественский, Николаевский Вяжицкий, Свято-Духов, Свято-Озерный Валдайский Иверский, Спасо-Преображенский Хутынский, Троицкий Михаило-Клопский; Москвы и Московской области: Воскресенский Новоиерусалимский, Высокопетровский, Знаменский, Лужецкий (Ферапонтов), Николо-Перервинский, Ново-Голутвин (Коломна), Ново-Девичий, Ново-Спасский, Саввино-Сторожевский (Звенигород), Свято-Успенский (Александров), Симонов, Троице-Сергиева лавра; а также центральных и северных регионов Руси: Богородицкий Житенный (Осташков), Воскресенский (Углич), Елецкий Свято-Успенский (Чернигов), Кирилло-Белозерский, Крестный (Кий-остров), Михаило-Архангельский (Великий Устюг), Николаевский Антониев (Красный Холм), Пафнутьев-Боровский (Боровск), Свято-Троицкий Данилов (Переславль-Залесский), Свято-Троицкий Ипатьевский (Кострома), Свято-Успенская Флорищева пустынь, Солотчинский Рождества Богородицы (Рязань), Спасо-Преображенский Соловецкий Спасо-Прилуцкий (Вологда), Спасский (Ярославль) Филиппо-Ирапский (Вологодская область).

Такие территориальные рамки исследования оправданы тем, что в XVII веке архитектурные, технологические и, особенно, типологические признаки в строительстве имели общие черты, основанные на общности материальной и духовной культуры, социального устройства и быта.

Временные границы в основном определяются периодом с начала XVII до конца 1-й трети XVIII века. В качестве материала для сравнения иногда привлекаются монастырские здания XVI и первой трети XVIII веков.

Методика исследования. В данной работе за основу принята **комплексная методика**, которая включает несколько направлений:

- изучение монастырского ансамбля как комплекса систем: градостроительной, функциональной, архитектурной;
- разработка типологических классификаций монастырских зданий.

Используемые методы: структурно-функциональный, типологический, архитектурно-сравнительный и историко-эволюционный.

Материалами изучения служат архивы научно-исследовательских и проектных мастерских (обмерные чертежи, результаты натурных исследований, графические реконструкции, исторические справки), фотографии XIX-XX вв.

Автором проведены натурные обследования, включая фотофиксацию и обмеры, построек трех монастырей юго-восточного Приладожья: Богородичного Успенского тихвинского, Троицкого Александро-Свирского и Троицкого Зеленецкого, а также Валдайского Иверского монастыря. Кроме того, собран материал по 40 монастырям Северо-Западной и Центральной России. Изучено около 130 источников.

За основу взята методология, примененная С.В. Ильвицкой [130] в работах, посвященных изучению православных монастырей балканских стран. Исследователем применен «системный подход к проблеме изучения архитектуры православных монастырских комплексов и их адаптации к современным условиям, впервые направленный на разработку архитектурной типологии монастырей и зданий. Монастырский ансамбль рассматривается как динамично развивающаяся открытая система, включающая комплекс подсистем: - ландшафтно-градостроительная среда монастыря; - структурно-функциональные зоны его территории; - архитектура храмов и отдельных зданий» [130, с. 46]. Методика данного исследования заключается в том, что монастырь признается целостным архитектурно-типологическим и территориальным объектом-комплексом. С позиций типологии рассматривается как общая архитектурно-планировочная композиция, так и классификации некоторых типов монастырских зданий, в частности, келейных корпусов.

В табличной форме показаны архитектурно-типологические признаки монастырских комплексов, сложившихся к концу XVII в., и место в этом ряду монастырей юго-восточного Приладожья.

Кроме того, архитектура монастырских комплексов рассматривается с позиций общей культурной ситуации и тенденций духовно-религиозного сознания второй половины XVII века. Принципы этого метода описываются в работах Т.Н. Вятчаниной и А.С. Щенкова [129] и имеют общее с положениями Э. Панофского [103], сформулированными в известном труде «Готическая архитектура и схоластика». А именно – соотношение архитектуры и современных ей философии, литературы, социальных и политических течений.

Научная новизна работы заключается в следующем:

1. Проведено сравнение планировочных композиций монастырских комплексов юго-восточного Приладожья и новгородской и московской земель, сложившихся к XVII веку, по системе факторов, влиявших на них, а именно: церковно-канонические, географические и топографические, экономические и социальные, функционального зонирования. Определена наиболее часто встречающаяся формула для комплексов юго-восточного Приладожья: монастырь митрополичий, мужской, владелец вотчин, имеющий вблизи посад (городской тип), по социальной функции – мемориал в сочетании с ремесленно-торговой и усадебной функцией.
2. В классификации планировочной структуры по основному звену, формирующему пространственную композицию комплекса, для исследуемого региона определены следующие закономерности:
 - в монастырях, возникших в XVI веке и закрепивших в XVII веке раннюю планировочную композицию, основным звеном является главный собор;
 - в монастырях, изменивших в XVII веке раннюю планировочную композицию, основным звеном является или соборная площадь, или группа культовых зданий.

3. Определен основной тип монастырского собора, возводимого во второй половине XVII века в юго-восточном Приладожье, а именно: четырехстолпный трехапсидный пятиглавый (с малыми барабанами на сводах) храм на высоком подцерковье (но без поэтажного членения), с галереями и крыльцами с шатровым покрытием нижнего рундука; имеет широкие западные нефы при почти полном отсутствии восточного нефа и постановку восточной пары малых глав частично на алтарные своды, частично на подпружные арки, асимметрию пятиглавия.

4. Предложены типологические признаки для основных функциональных типов келейных корпусов, настоятельских, больничных, казначейских, возводимых в XVII веке в русских монастырских комплексах, а именно: размещение здания в комплексе в зависимости от функции, способ планировочно-функционального зонирования, вариант внутренних вертикальных коммуникаций, дифференциация фасадного декора.

5. Впервые предложена классификация секционных братских келейных каменных корпусов XVII века в русских православных монастырях по следующим признакам: пролетность и компоновка жилых и хозяйственных помещений в первичных ячейках и способ соединения ячеек в секции

6. Впервые рассмотрено сохранение средневековой монастырской келейной архитектуры как зданий, имеющих не только музейную и историко-культурную функцию, но и современную функцию действующего православного монастыря, а также предложено функциональное зонирование русских православных монастырских комплексов при адаптации к современным условиям.

Практическая ценность данного диссертационного исследования заключается в возможности использования собранных и проанализированных материалов для практического применения при реставрации и адаптации монастырских комплексов для действующих монастырей.

Результаты исследования также могут использоваться:

- для разработки экскурсионных программ, включающих как полный, так и частичный осмотр комплекса действующего монастыря туристическими и паломническими группами;
- в учебном процессе для составления рабочих программ, методических рекомендаций и индивидуальных планов по обучению студентов различных строительных и реставрационных специализаций;
- для выработки и утверждения зон охраны монастырских ансамблей как объектов культурного наследия;
- для выявления и уточнения предметов охраны.

Предметом защиты настоящей работы являются:

- общая характеристика архитектурно-пространственных композиций монастырей юго-восточного Приладожья;
- классификация архитектурно-типологических признаков объемно-планировочных схем братских келейных каменных корпусов XVII века в русских православных монастырях;
- пути сохранения и возможного приспособления келейных корпусов XVII века в действующих монастырях.

Внедрение.

Положения диссертации использованы при разработке следующих проектов:

- Богородичный Успенский монастырь (г. Тихвин):
 - Архимандричьи кельи. Реставрация и приспособление под выставочные залы музея (осуществлено в 1988 г.).
 - Северные братские кельи. Реставрация с частичным воссозданием и приспособление под братский келейный корпус (окончание работ – в 2014 г.).
 - Крестовоздвиженская церковь. Воссоздание утраченного пятиглавого завершения – градостроительная реставрация (осуществлено в 2013 г.).
 - Келарские кельи. Реставрация с приспособлением под жилой корпус (частично осуществлено в 2009 г.)
- Валдайский Иверский Свято-Озерский Богородицкий монастырь:

- Казначейские кельи. Реставрация с приспособлением под жилой корпус (осуществлено в 2006 г.)
- Братские кельи. Реставрация с приспособлением под жилой корпус (осуществлено в 2006 г.)
- Церковь Якова Боровичского с больничными кельями Реставрация с приспособлением под больничные кельи (осуществлено в 2006 г.)
 - Свято-Троицкий Зеленецкий монастырь:
 - Южные братские кельи. Реставрация с приспособлением под жилой корпус (осуществлено в 2003 г.)
 - Западный хозяйственный корпус. Реставрация с приспособлением под настоятельские кельи (окончание работ в 2014 г.)
 - Троицкий собор. Воссоздание первоначального завершения и покрытия (2012 г.); комплексная реставрация (окончание работ в 2016 г.)

Структура и объем диссертации. Работа состоит из двух томов. Первый том включает введение, четыре главы и заключение, а также примечания, список литературы из 133 наименований и словарь архитектурно-строительных и церковных терминов. Второй том содержит список иллюстраций, иллюстративные листы с обмерами, графическими реконструкциями, чертежами, фотографиями, а также таблицами (в приложениях).

Глава 1. Предпосылки формирования архитектурно-пространственной и планировочной композиции монастырей XVII века

Планировочная и пространственная организация монастырей имела определенные закономерности с момента возникновения самых первых русских обителей. Древнерусский монастырь в архитектурном отношении представлял собой сложный организм, составные части которого были связаны друг с другом функционально, композиционно и идейно-символически. Пространственная организация монастырей, сложившихся к XVII в., отличалась не то чтобы единообразием, но общностью принципов.

Перечень классификационных признаков для исследования типологии балканских монастырей был предложен С.В. Ильвицкой. Он состоит из четырех групп: функциональные, церковно-канонические, ландшафтно-территориальные и архитектурно-композиционные [130, с. 54].

В данной главе рассматривается система факторов, влияющих на пространственно-планировочные композиции русских монастырей. Эта система основана на классификации балканских монастырей, но дополнена и развита в связи с особенностями монастырского строительства в России.

1.1. Церковно-канонические факторы

Средневековые монастыри, в том числе и русские, возникали как замкнутые идеальные миры, как противостояние несовершенному окружающему миру и организация их архитектурно-пространственной композиции никогда не была случайной. Формирование монастырского комплекса было подчинено определенному канону. Образно-символической моделью монастыря был космос. А.В. Иконников сформулировал причину, по которой средневековый монастырь менее зависел от внешних предпосылок, нежели современное ему городское образование: «Стремление к отражению идеальной модели высшей, совершенной устроенности, было обычным для строителей монастырских комплексов. Их пространственная структура становилась промежуточной ступенью между инобытием идеального и

земным, обыденным порядком – как и форма их общежития по отношению к формам светского бытия» [75, с. 39].

Для российских монастырей общежительный устав, вначале студийский, а затем иерусалимский, устанавливается с XIII в. [92, с. 85]. Состоял он из двух больших разделов: литургического и дисциплинарного, т.е. правил и последовательности церковных служб и порядка монастырской жизни [92, с. 269]. В течение XIV-XVII вв. правила дополнялись в зависимости от местных условий и обычаев, в основном, увеличивая перечень славяно-русских святых. И.Д. Мансветов пишет: «... для России XV и XVI в. были эпохой возвышения государственной и церковной власти, ознаменовались подъемом народного духа, сознания национальной независимости и преобладающего значения Руси в ряду других православных обществ. Возвысить значение отечественной святыни и поднять культ отечественных святых было совершенно в духе и потребности того времени» [92, с. 285]. И далее, он же: «Этот перечень появился вероятно в начале XVII в. и, совпадая с началом патриаршества, как нельзя лучше соответствует по своему направлению эпохе наибольшего развития церковной власти на Руси и сознания церковной самостоятельности» [92, с. 286]. Общежительный устав в некотором смысле влиял на состав зданий комплекса, например, на необходимость возведения общей трапезной палаты или помещений для ремесел, переписывания и хранения книг.

За сакрально-композиционную основу общежительных монастырей было принято описание Небесного Града Иерусалима, приведенное в «Откровении святого Иоанна Богослова». И.Л. Бусева-Давыдова пишет: «На изображениях горнего Иерусалима по периметру располагаются «жилища праведных» – прямая аналогия монастырским кельям. В небесном граде протекал живоносный источник и процветали сады; сады и источники имелись и на территории монастыря, причем нередко возникновение источников связывалось с чудесами основателей монастырей, получая тем самым не только утилитарное, но и сакральное значение...

Такие параллели давали достаточно оснований считать монастырь подобием небесного града; различия же, касавшиеся числа ворот, длины стен других деталей, представлялись несущественными. Таким образом, единообразие архитектурно-планировочных приемов построения древнерусских монастырей может объясняться единой идейно-символической основой, которую нельзя не учитывать при изучении ансамблей Древней Руси» [46, с. 207]. Недаром на иконах, изображающих святых с монастырями, композиция конкретного монастыря идеализирована, приближена к идеальной (рис. 1.1).

Форма четырехугольника как основы для планировочной композиции православных монастырей закрепилась именно в связи с представлением о монастыре как образе Царствия Небесного на земле. Средневековые писатели, описывая устройство Троице-Сергиевой лавры (рис. 1.2) или Успенского Тихвинского монастыря подчеркивают изначально заданную четырехугольность комплекса [75, с. 40] (рис. 1.3).

В «Житии» Сергия Радонежского впервые было сформулировано идеальное представление о композиции монастыря в связи со строительством Троице-Сергиева монастыря: «Кельи убо четверообразно сотворити повеле посреди их церковь во имя живоначальная Троицы, отовсюду видима яко зеркало...» [40, с. 120]

Также широко известно описание типологической схемы Успенского Богородичного монастыря в Тихвине: «И на сем же месте... церковь древяну постави... присовокупи же к ней трапезу велику... Близ же сея, благовести ради колокольного... содела стройное древяно соделание... По сем постави 42 келий четверообразно убо окрест церкви сия устроив келию к келий совокупив и уравнив под один покров крепостно и стройно. Посреде ж убо лавры стояще богоматери церковь яко некое око, всюду и благолепием своим вся удивляющее; округ же ее аки четырьми стенами от четырех стран келиями зрится ограждена и отовсюду преславно всеми видима» [цитир. по 75, с. 41].

Упорядоченность, центричность, концентрическое зонирование – эти составляющие типологической схемы также несут символическое содержание и особенно характерны для периода средневековья. Пространственная система монастыря не была статичной, а подчинялась движению литургического действия: прохождение через Святые врата, подход к собору, участие пространства всего соборного двора. Символический смысл имеют многие монастырские постройки и части территории. Ограда монастыря, монастырская стена очень редко имела оборонное значение, основное назначение ограды – идеологическое, она символически отгораживала земной мир от «иноного», от мира «иноков» [75, с. 19]. Святые врата с надвратной церковью осуществляли небесную защиту монастыря, в крупных монастырях (например, в Богородичном Успенском тихвинском, Иверском Валдайском, Донском московском) было 2-3 надвратных храма (рис. 1.4). Символическим элементом, связывающим земное и Небесное, церковное и светское, была трапезная, часто входящая в центральную группу зданий, а регулярная правильность очертаний и ритмичная секционность келейных корпусов выражали равенство монашеской братии. Во многих монастырских комплексах устраивались пруды «Иордань», райские сады. Наивысший пример символичности монастырского комплекса – это топография Ново-Иерусалимского монастыря, основанного патриархом Никоном в 1656 г. [74, с. 123]. Под Москвой должен был быть воссоздан комплекс святых мест Палестины, на территории монастыря появились холм Сион, Елеонский холм, холм Фавор, река Истра была переименована в Иордань, а Воскресенский собор создан по образцу Храма Гроба Господня [74, с. 252 - 254] (рис. 1.5).

И планировочные композиции, и архитектурные формы монастырских комплексов воспринимались современниками как система символов, хорошо им понятных.

Существенное значение имело традиционное влияние на церковное строительство законов Кормчей книги¹, о чем пишет исследователь Т.Н.

¹ Сборник основных документов церковного права, как закон применялся с X века

Кудрявцева. Управление всем церковным строительством сосредотачивалось в руках епископа. И если основать и строить монастырь мог любой человек, то централизованный контроль за каноничностью строительства законодательно оставался за церковной властью. В этих правилах не указывалось, где и какие именно храмы и монастыри следует строить, но определялась «строгая централизация всего церковного строительства, устанавливается то духовное основание их возникновения, без которого не должно происходить и внутреннее развитие собственно храмовой архитектуры – воля епископа и, наконец, ставится условие обязательного освящения и фиксации («на хартию да напишутся») всех новых построек» [90, с. 176].

По церковно-каноническим факторам православные монастыри средневековой Руси можно объединить в следующие группы (прилож. 3, табл. I):

- по системе подчиненности (лавры, ставропигиальные, митрополичьи, пустыни и скиты);
- по составу обитателей монастыря (мужские и женские);
- по владению земельной собственностью (вотчинные и безвотчинные).

Наиболее многочисленная группа для второй половины XVII в. – это мужские митрополичьи вотчинные монастыри, к ним принадлежит подавляющее большинство монастырей, от крупных духовных центров, таких, как Спасо-Преображенский Соловецкий монастырь, до небольших пригородных, таких как Антониев-Дымский (рис. 1.6).

В монастырских комплексах юго-восточного Приладожья так же, как и по всей России, архитектурно-пространственная композиция формировалась с учетом религиозно-символической составляющей.

Так, например, Свято-Троицкий Зеленецкий монастырь, возникший как Зеленецкая пустынь, был основан между 1565 и 1570 гг. Мартирием Зеленецким. Первоначально все постройки комплекса были деревянными, но уже в 1601 г. появляется каменная церковь во имя Богородицы Одигитрии. В

Смутное время монастырь подвергался нападению шведско-польских отрядов и был сожжен, затем вновь отстраивался в дереве (за исключением разоренной, но сохранившейся церкви Одигитрии) [22, с. 20 – 24].

К 1630-м гг. в монастыре находятся деревянные Троицкая церковь, восемь монашеских келий, ограда монастыря и каменная церковь Одигитрии с деревянной трапезной. В таком виде комплекс оставался до 1680-х гг., т.е. к моменту строительства каменного монастыря по составу построек это был полноценный общежительный монастырь с подчинением новгородскому митрополиту. Создание нового каменного ансамбля и его облик тесно связаны с именем крупного церковного деятеля новгородского митрополита Корнилия, который был и заказчиком и идейным вдохновителем архитектурного образа ансамбля (рис. 1.7). В 1663-1664 гг. Корнилий был в Зеленецком монастыре строителем, затем – иеромонахом. В 1665-1668 гг. он становится архимандритом Успенского Тихвинского монастыря. В начале 1668 г. в должности игумена Корнилий вновь перешел в Зеленецкий монастырь. Но уже в 1673 г. Корнилий был возведен в должность митрополита Казанского и Свияжского, а через полгода переведен на кафедру в Новгород [22, с. 30].

В течение 20 лет пребывания на новгородской митрополии Корнилий вел большое строительство в новгородской епархии. Тесные контакты митрополита с московской патриархией и непосредственно с патриархом Никоном отмечали еще современники. Крушельницкая Е.В. пишет: «Общий характер ансамбля тяготеет к новгородскому зодчеству XVI века, что говорит о заказчике строительства, митрополите Корнилие, как о приверженце старых традиционных архитектурных форм. Корнилий был последователем патриарха Никона, выступавшего против обмирщения церковной архитектуры» [88, с. 14].

В 1680-х годах в Троицком Зеленецком монастыре по указаниям Корнилия ведется грандиозное каменное строительство, за 6-8 лет создается новый архитектурный ансамбль, дошедший до нашего времени с небольшими

изменениями [22, с. 31]. Монастырь был выстроен в короткий срок по единому замыслу. К таким монастырям во второй половине XVII в. относятся Валдайский Иверский монастырь (рис. 1.8), Крестный монастырь на Кий-острове (рис. 1.9), Ново-Иерусалимский монастырь (рис. 1.10). Инициатором возведения этих трех монастырей, а также подлинным руководителем их строительства был патриарх Никон [37, с. 93]. Митрополит Корнилий, последователь патриарха Никона как в религиозных идеях, так и в отношении к церковному строительству, строит свой монастырь.

Все здания, выстроенные в новгородской епархии при участии Корнилия отличает прямое обращение к новгородской архитектуре XVI в. И.Л. Бусева-Давыдова отмечает характерное для второй половины XVII в. обращение к традициям прошлого. «Возврат к традициям после долгого периода разрухи и раздоров расценивался как обращение к «золотому веку» отечественной истории. В зодчестве появляется повторение типологии храмов второй половины конца XVI в....» [55, с.210]. Известно особое отношение митрополита к Троицкому Зеленецкому монастырю, здесь он провел последние годы своей жизни. В своем молитвенном прошении новгородским митрополитам в 1693 г. Корнилий пишет: «Всегда ту пустынь в душе своей написанную и в уме воображенную я имел и, словно была она всегда пред глазами видел. Недостаток церковных вещей, сколько нужно, святыми иконами, ризами, книгами, всякой утварью и колоколами восполнился за счет келейной казны... Были созданы церкви, трапезная, колокольня, кельи и ограда каменные, и братии собралось немалое число...» [цитир. по 88, с. 129 - 131].

Планировочная композиция ансамбля Троицкого Зеленецкого монастыря в основе имеет канонический почти правильный четырехугольник, комплексу присуща четкая концентрическая планировка: в центре – ядро культовых зданий, вокруг – келейные корпуса (из-за миниатюрности монастыря линия корпусов не замкнута), далее – монастырская ограда. Видно явное сходство планировочной композиции с Валдайским Иверским

монастырем, Александро-Свирским Троицким монастырем (рис. 1.11), Воскресенским монастырем в Угличе (рис. 1.12), Михаило-Архангельским монастырем в Великом Устюге (рис. 1.13).

Другой крупный монастырский комплекс юго-восточного Приладожья, Александро-Свирский Троицкий монастырь, был основан в начале XVI в. (1506 г.) [1, с. 3]. Первоначально он также был деревянным, первые каменные храмы появились еще при Александре Свирском, в первой половине XVI в. – Троицкий собор и Покрова Богородицы с трапезной палатой [1, с. 6]. Единый ансамбль (каменные храмы, окруженные деревянными кельями) сложился уже в конце XVI в. В 1649 г. в центре монастыря была возведена каменная звонница [1, с. 10].

В 1673 г. настоятелем монастыря был назначен энергичный и деятельный игумен Гермоген. При нем в монастырь приезжал на богомолье новгородский митрополит Корнилий, посещение не прошло бесследно, в 1676 году митрополичья грамота закрепила главенствующее положение Троицкого Александро-Свирского монастыря в церковно-административной системе управления Олонецкого края. При игумене Гермогене началось интенсивное строительство ансамбля. В конце 1670-х гг. были построены каменные двухэтажные келейные корпуса Троицкого монастыря, так называемой «каменной ограды», т.е. окончательно сложилась планировочная композиция ансамбля [1, с. 11]. Грамоту на постройку ограды выдал царь Федор Алексеевич, как цитирует в исторической справке А.А. Корнилова: «... каменную ограду со всякими крепостями» [1, с. 12]. Монастырь в плане имеет вид правильного четверугольника, присутствует четкая концентричность застройки, особенность комплекса – келейные корпуса составляют сплошную линию ограды, иных стен нет (рис. 1.14). В определении композиции каменного монастыря принимал участие новгородский митрополит Корнилий, он определил место надвратной церкви Иоанна Предтечи и выдал грамоту на ее сооружение [3, с. 34].

Особое место в системе монастырских комплексов юго-восточного Приладожья занимает Богородичный Успенский Тихвинский монастырь, который был образован повелением Иоанна Грозного в 1560-х годах вокруг построенного к 1516 г. каменного Успенского собора, места хранения православной святыни – иконы Богородицы, попавшей в Россию из Константинополя [23, с. 33]. Первоначально все остальные постройки комплекса были деревянными. Планировка монастыря сразу задумывалась по идейно-символическому канону, что отмечено во многих летописях XVI и XVII вв. [75, с. 41]. Деревянные келейные корпуса окружали монастырский двор правильным четырехугольником, а деревянные стены с башнями – почти правильным многоугольником окружали кельи. Успенский собор являлся своего рода реликварием чудотворной иконы, бесспорно уникальным священным местом монастыря, вероятно, именно поэтому рядом с ним не поставили ни церковь с трапезной, ни колокольню, расположив их в южной линии построек (рис. 1.15).

Каменный ансамбль сложился к концу XVII - началу XVIII веков, практически повторив композицию деревянного комплекса. Наличие прудов, настоятельского и братского садов, трех надвратных храмов, подчеркнутая геометричность линий корпусов и стен полностью соответствуют символическим образам средневекового сознания.

Одновременно с Успенским Богородичным мужским монастырем в 1560 г. на другом берегу р. Тихвинки был основан Введенский девичий монастырь . [72, с. 44]. Все строения его в XVI в., включая собор, были деревянными. Каменные здания собора Введения пресвятой богородицы и трапезной палаты с церковью Рождества Пресвятой Богородицы выстроены до 1650 г. при инокине- царице Дарье (из рода бояр Колтовских, опальной супруги царя Иоанна Грозного) [72, с. 45]. Судя по изображению монастыря на чертеже спорных земель, композиционная схема Введенского монастыря почти повторяла, в меньшем масштабе, композицию Успенского Богородичного монастыря. Расположение собора, трапезной палаты с церковью,

трехпролетной звонницы и келейных корпусов двух монастырей совпадает почти полностью (рис. 1.16).

Остальные монастырские комплексы, находившиеся на территории юго-восточного Приладожья в XVII в., значительно уступали по размерам и значению вышеперечисленным. В истории формирования ансамблей двух Староладожских монастырей, Успенского и Никольского, (рис. 1.17, 1.18) есть общая особенность, а именно, эти монастыри образовались в начале XVI в. вокруг домонгольских соборов XII в. Как монастырские комплексы они впервые упоминаются в писцовой книге 1500 г. [6, с. 18]. Небольшие монастыри Антониев-Дымский, Введено-Оятский, Николо-Беседный и Николо-Боровинский имели варианты канонических планировочных композиций (рис. 1.19, 1.20, 1.21).

1.2. Географические и топографические факторы

Идеальную планировочную схему при устройстве монастыря осуществить почти никогда не удавалось, хотя место для будущего монастыря выбиралось тщательно и постепенно. Приходилось учитывать природные очертания рельефа местности или существующие уже постройки, которые хотелось бы сохранить. Подчинение очертаний монастыря природному ландшафту характерно для монастырей, внешние стены которых возводились в XVI веке, например, Псково-Печерский монастырь [112, с. 59] (рис. 1.22) или Кирилло-Белозерский (рис. 1.23). При сложном рельефе геометрическую, жесткую планировку соблюдали в центральной представительской части комплекса, а территории с непростым рельефом осваивали за счет хозяйственных зон. Особенно это характерно для внешних стен, возведенных в XVII веке [75, с. 42]. Такое решение присуще Валдайскому Иверскому монастырю (рис. 1.24), нижегородскому Печерскому Вознесенскому монастырю (рис. 1.25), Спасо-Преображенскому Соловецкому монастырю (рис. 1.26), московскому Симонову монастырю (рис. 1.27, 1.28) и другим.

М. П. Кудрявцев полагает, что в Древней Руси при планировании градостроительного комплекса на месте основным правилом было «подобие

расположения застройки, элементов планировки и композиционных акцентов расположению видов растительности на элементах рельефа» [89, с. 6]. То есть, композиционные акценты комплекса подчеркивали более высокие уровни рельефа. Действительно, есть немало средневековых ансамблей, подтверждающих этот тезис, например, Успенский собор Валдайского Иверского монастыря (рис. 1.29), собор Рождества Пресвятой Богородицы Саввино-Сторожевского монастыря, но иногда композиция выстраивалась с учетом других факторов. Так, монастыри юго-восточного Приладожья, в основном, создавались на равнинной местности, обладающей иными ландшафтными и топографическими признаками. Территория эта входила в новгородские владения, которые в конце XV в. были разделены на пять неравных частей, пятин, клиньями расходящихся от Новгорода, Вотскую, Обонежскую, Бежецкую, Деревскую и Шелонскую (рис. 1.30). Самой обширной была Обонежская пятина, она простиралась до Беломорского побережья; граница между двумя ее половинами – Нагорной и Заонежской – проходила по реке Ояти. Территория юго-восточного Приладожья в основном входила в пределы Нагорного Обонежья. По юго-восточному Приладожью проходили важные торговые пути Великого Новгорода, шла оживленная торговля. В XIV в. здесь на пересечении торговых путей возникают погосты – торговые, административные и церковные центры [80, с. 5 – 6].

По ландшафтно-территориальным признакам средневековые монастырские комплексы можно объединить в следующие группы (прилож 4, табл. II):

- монастырь с монастырским посадом (городской);
- обособленный комплекс на территории вблизи поселений;
- изолированный в ландшафте комплекс.

В зависимости от принадлежности к той или иной группе развивалось хозяйство монастырского комплекса. Для первой группы были характерны разнообразные народные промыслы, иконописное дело, книгопечатание, торгово-ярмарочная деятельность, благотворительность. Для

второй группы – различные виды сельского хозяйства, ремесленничество. Для третьей группы – сельское хозяйство, миссионерская деятельность.

Монастыри юго-восточного Приладожья классифицируются по ландшафтно-территориальным признакам следующим образом.

К третьей группе относится Свято-Троицкий Зеленецкий монастырь, который расположен на небольшом плоском острове среди болот «Зеленецкие мхи». Каменный монастырь возводился практически на пустом месте, церковь Благовещения 1601 г. была разобрана, ничто не мешало выдержать в трассировке монастырских стен правильный четырехугольник. Небольшое отклонение к западу посреди западной стены вызвано, по-видимому, желанием акцентировать значение Святых врат с надвратной церковью Иоанна Богослова, а маленький скос юго-западного угла связан скорее всего именно с топографией, старым руслом небольшой протоки, на месте которой прошел осушительный ров вокруг монастыря (рис. 1.31). Как пишет В.В. Фомин: «... в 1684 году непроходимые болота и самый монастырь осушил каналами и прудами; устроил везде для проезду мосты, обнес монастырь оградой каменною, вышины в 3 сажени, вокруг же простирающуюся на 232 сажени...» [22, с. 41]. Именно с работ по осушению территории и устройству дорог было начато строительство. Была благоустроена основная дорога, ведущая к Новгороду; вторую дорогу протянули на запад, через болота, к дороге, идущей на Тихвин, вдоль реки Сясь [22, с. 50].

В первоначальной планировке ансамбля, как и в монастырях, выстроенных патриархом Никоном в 1650-1660-х гг., сочетаются два направления. С одной стороны – композиция основана на регулярности: пятиугольный (почти четверугольный) абрис монастырской ограды, центральная ось (запад-восток) всего комплекса, компоновка центральной группы зданий. С другой стороны – присутствует живописное (асимметричное) расположение зданий, в том числе небольшая сдвигка осей центральных объемов по отношению к основной оси монастыря, а также

выделение в ансамбле южной площади, на которую ориентированы южные ворота комплекса.

В настоящее время характерной чертой этого комплекса является то, что исторически сложившаяся окружающая среда до сих пор составляет единую экосистему с монастырским ансамблем. Тип застройки современного поселка и его местоположение с южной стороны от монастыря повторяет место и характер древней застройки, а все остальное пространство примыкающей к монастырю территории, как и в XVII веке, занято лесами и болотами (рис. 1.32). Атмосфера изолированной лесной пустыни практически сохранена.

К той же третьей группе лесных комплексов относится Александров-Свирский Троицкий монастырь, но он находится в другом топографическом положении. Монастырь, состоящий из двух ансамблей, расположен на высоком перешейке между озерами Роцинское и Святое. К моменту образования каменного Троицкого монастыря (вторая половина XVII в.) к западу от него начал формироваться второй монастырь – Александров-Свирский Преображенский [1, с. 18]. Оба комплекса расположены на высоком плоскогорье над озером, развивались как два равноценных ансамбля, расположенных среди лесов и озер. Оба имеют регулярную планировку, хотя Троицкий сформировался к концу XVII в., а Преображенский – к концу XIX в. Ландшафтное окружение – холмы, извилистые берега озер, ручьи – подчеркивает заданную геометричность планировочных схем монастырей (рис. 1.33).

К этому же типу монастырей в ландшафте можно отнести Введено-Оятский, расположенный на берегу р. Оять (рис. 1.34) и Антониев-Дымский монастырь (1.35).

К первой группе, группе городских монастырей, относятся Богородичный Успенский и Введенский тихвинские монастыри, а также старолadoжские Успенский и Никольский комплексы. Тихвинский Успенский монастырь расположен на низком берегу реки Тихвинки. К моменту основания монастыря вокруг Успенского собора существовал Пречистенский

погост, который был перенесен за Вязицкий ручей специально, чтобы расчистить место для комплекса, и стал городским посадом, а позже – городом [26, с. 23]. Низкое место на заливных лугах было не особенно удачным для строительства и требовало тщательной подготовки территории. Я.И. Бередников пишет: «... определенное место для построения монастыря, как неровное и болотистое с протекающим источником, было разчищено, разровнено и осушено выкопанными канавами; устье источника, протекавшего через монастырь, было заграждено, а образовавшаяся в виде небольшого озера вода, подземными трубами отведена в реку Тихвинку. Приготовив таким образом землю для созидания монастыря, Сырков начал построение самих зданий» [26, с. 24]. Конечно, это текст XIX в., но Я.И. Бередников пользовался рукописными материалами монастырского архива. На выровненной площадке строго геометрично расположили каре внутренних зданий, но при трассировке стен и башен монастырской ограды принимали во внимание береговые линии реки Тихвинки и Вязицкого ручья, существовавшие к тому времени московскую и новгородскую дороги. Внешняя монастырская стена воспринималась современниками символическим четырехугольником, но по сути направления стен учитывали топографическую ситуацию. Успенский монастырь изначально является посадским, городским, поэтому для планировки ограды, мест башен имели значение основные направления улиц посадской структуры (рис. 1.36).

Введенский девичий монастырь был основан одновременно с Успенским, и, судя по летописным данным, теми же мастерами [26, с. 51]. Отличие состоит в том, что Введенский комплекс расположен на высоком, противоположном, берегу Тихвинки, но в отдалении от самого берега. Рядом с ним протекает запруженный Введенский ручей и, хотя он тоже имел небольшой посад, все же был более камерным, более сельским монастырем (рис. 1.37). Староладожские монастыри, Успенский и Никольский, были основаны в конце XV в. вокруг более ранних, XII в., храмов; на момент их создания они находились рядом с приходскими структурами [6, с. 17]. К XVII

в. эти комплексы были вписаны в градостроительную ткань Старой Ладogi (рис. 1.38).

Ныне утраченные Николо-Боровинская пустынь и Николо-Беседный монастырь возле Тихвина относились ко второй группе монастырей, которые основывались на подступах к городскому посаду, по направлениям важных дорог [4, с. 29] (рис. 1.39, 1.40).

1.3. Экономические и социальные факторы

Экономика монастырей в основном зависела от их принадлежности к тому или иному определенному назначению и характеру деятельности.

С.В. Ильвицкая для монастырей Балкан разработала следующую классификацию: скальные монастыри (скиты) – монастыри-крепости – монастыри-резиденции – монастыри-мемориалы – монастыри-усадьбы – монастыри-музеи – монастыри-подворья. [130, с. 56] Для русских монастырей XVI-XVII вв. можно предложить классификацию по социальной функции, основанную на их социокультурной роли: монастыри-пустыни, монастыри-крепости, монастыри-мемориалы (хранители чудотворных икон, основанные канонизированными подвижниками), монастыри-феодалы, монастыри-управляющие в церковно-административной системе, монастыри-лавыры (дополнительная функция – обучение) (прилож. 5, табл. III).

Для монастырей юго-восточного Приладожья можно отметить следующее: во второй половине XVI в. эта территория переживала полосу экономического кризиса. Е.В. Кондратьева пишет: «В 1570 г. Иван IV взял земли Обонежской пятины в опричнину; экономическое положение края по-прежнему оставалось тяжелым. В этот период при поощрении правительства в крае возникает несколько малых монастырей, таких как Островский Оятский, Тихвинский Введенский, Троицкий Зеленецкий. Появление этих монастырей вряд ли можно объяснить стратегическими соображениями. Они были призваны оживить экономику края и устранить массы беженцев и бесприютных монахов, пострадавших от войны» [80, с. 6].

Во второй половине XVII в. в юго-восточном Приладожье ведется такое же большое строительство, как и по всей России. Монастыри заново отстраиваются или поновляются [80, с.7]. Экономическое состояние монастырей Нагорного Обонежья в середине XVII века было различным.

Так, Свято-Троицкий Зеленецкий монастырь (лесная пустынь) после Смутного времени находился в стесненном положении, к началу 1680-х гг. имел деревянные постройки и обветшавшую каменную церковь Одигитрии 1601 г. [22, с. 26]. После появления митрополита Корнилия на новгородской кафедре получил земли, деревни, средства на строительство каменного монастыря и украшение его. В конце XVII в. к Зеленецкому монастырю были приспаны четыре Староладожских монастыря, он имел три подворья в Новгороде и одно в Тихвине. После смерти Корнилия довольно быстро опять превратился в бедную пустынь [22, с. 53, 56]. В дальнейшем сохранялся за счет уважения к основателю монастыря преподобному Мартирию Зеленецкому, отдельных вкладов, но крупного строительства уже не велось. Когда в 1850-х гг. у монастырского руководства появилось желание перестроить монастырь, увеличив здания, средств хватило только на небольшие пристройки к Троицкому собору, а планы расширения корпусов остались нереализованными [22, с.149], (рис.1.41).

Напротив, Александрo-Свирский Троицкий монастырь уже имел к началу XVII в. монументальные каменные постройки. Они возникли в первой половине XVI в. при поддержке великого князя Василия Иоанновича [1, с. 25]. В этом проявилось желание иметь укрепленный пункт недалеко от восточного побережья Ладожского озера. К моменту окончательного оформления ансамбля (строительство каменных звонницы и келейных корпусов, образующих монастырскую ограду) был оформлен как монастырь, управляющий церковно-административными делами Олонецкой губернии, имел значительные земельные владения, получал единовременные целевые выплаты на строительство от царя Федора Иоанновича [1, с. 27]. И во второй

половине XVII в. возобновил каменное строительство: звонница, келейные корпуса и Троицкий собор [1, с. 10-12].

Богородичный Успенский Тихвинский монастырь, помимо того, что изначально строился и как монастырь – хранитель чудотворной иконы, и как монастырь-крепость, со второй половины XVI в. владел большими земельными угодьями и деревнями, занимался ремеслами, в том числе – иконописью, возле монастыря проходила ежегодная ярмарка. Многие строительные работы финансировались из средств монастыря, помимо жертвований на строительство от царей Иоанна Грозного [23.2, с. 65], Федора Алексеевича и Петра Алексеевича [23.8, с.94].

Во второй половине XVII в. монастырь обладал достаточными средствами для ведения большого каменного строительства, крепостных стен и келейных корпусов. К.Н. Сербина пишет: «В течение всей второй половины XVII в. власти Тихвинского монастыря неоднократно поднимали перед центральным правительством в Москве вопрос о замене деревянных укреплений каменными... Правительство всякий раз разрешало построить «каменный город» на монастырские средства и силами зависимого от монастыря населения. Монастырь же добивался получения субсидии от государства, но безуспешно. Отчаявшись в получении субсидии, монастырские власти с 1669 г. начинают самостоятельно готовиться к «большому каменному строению» – делают огромные запасы кирпича, извести, специально посылают за «Свейский рубеж» тихвинского посадского человека И. Шпилькина с шестью «монастырскими работниками» и товарами на сумму 200 руб. для обмена их на «связное железо» [119, с. 49].

Введенский тихвинский монастырь в это же время не имел больших земельных владений [119, с. 58], но каменное строительство в нем во второй половине XVII в. велось за счет пожертвований (трапезная палата с церковью Рождества Богородицы и звонница), так же как и в старолadoжских монастырях, тихвинских малых монастырях и Введено-Оятском.

При формировании заказа можно отметить характерное и для XVII в. влияние на архитектуру построек заказчиков. Например, перед строительством в Александро-Свирском Троицком монастыре надвратной церкви Иоанна Предтечи игумен монастыря Гермоген в 1675 г. формулирует свои требования к будущей постройке: «А делать бы ему (мастеру) те Святые врата как ты (стряпчий) послал чертеж, только не по евому ему надобно быть вдоль с воротами всего восемь сажень, а поперек четыре сажени косых. Подле ворот быть надобно кельи, а наверх быть полатки, чтобы внутри в полатки жиры были поперек три сажени ... а верх бы по полатному, а крыт бы тесом» [1, с. 66; прилож. 10]. А новгородский митрополит Корнилий в грамоте 1676 г. описывает свое видение образа этой же церкви: А верх бы на той церкви был не шатровой, и олтарь сделать круглой тройной, и в церкви в олтарной стене посреде были б царские двери» [1, с. 66]. Т.е. игумена интересует планировочная структура и размеры будущего здания, а митрополита – образ.

Заказчик, например, настоятель монастыря, мог дать планировочную схему требуемого здания, но не описывать архитектуру, решить которую вполне был способен «подмастерье», опытный руководитель бригады каменщиков. В порядной 1686 г. на строительство северных братских келий Успенского Богородичного монастыря в Тихвине каменщику Якову Агапиту указывается: «... подряжен ... на каменное дело, ... три кельи братцких да к ним трой сени, два обхода каменные, все в одной связи, мерою длина ..., поперечнику ...» [16, с. 49, прилож. 11], т.е., приведены минимальные основные требования (рис. 1.42, 1.43).

Что касается классификации монастырей по социальной функции, то, как правило, каждый комплекс имел несколько направлений жизнедеятельности. В Тихвине Успенский Богородичный был крепостью, мемориалом (хранение иконы-святыни), владельцем сельскохозяйственных угодий и иконописной школой, широко известной в XVII в.; Введенский тихвинский монастырь – хранителем памяти о царице Дарье, ремесленным и усадьбой; Александро-Свирский Троицкий монастырь – мемориалом св.

Александра Свирского, усадьбой и резиденцией в церковно-административной системе управления Олонецкого края; Троицкий Зеленецкий – мемориалом (св. Мартирий Зеленецкий) и усадьбой; малые тихвинские монастыри (Антониев-Дымский, Николо-Беседный и Николо-Боровинский) – усадьбами, мемориалами и отчасти – сторожевыми на подступах к городу.

1.4. Фактор функционального и иерархического зонирования

Функциональное зонирование монастыря состоит в наличии в его планировочной схеме четко выделенных зон. Функциональные зоны комплекса располагались концентрически. «Концентричность расположения построек подсказывалась мирозерцанием наших предков, укорененным в их сознании все тем же принципом иерархичности, господствовавшей, по их представлению, в мироустройстве – на всех его ступенях, в том числе и в структуре церкви, государства, семьи. Идея иерархичности была чрезвычайно сильна не только на Руси, но вообще в средневековом сознании. Характерны воззрения почти всех народов мира о ступенчатости, спирали развития, о круге – вселенной и о системе концентрических колец – небесных сферах. В древнерусском строительстве эти идеи находили отражение в архитектурно-планировочных построениях ансамблей и городов» [75, с. 43].

Бусева-Давыдова И.Л., Рябушина И.А. в своих работах выделяют четыре функциональные зоны монастырей: входную группу зданий, храмовую площадь, жилой и хозяйственный дворы [46, с. 205], [114, с. 196],

- входная зона расположена обычно перед надвратной церковью со Святыми воротами, ориентирована на собор и связана планировочно с парадным (соборным) двором;

- храмовая (соборная) площадь имеет в центре главный собор, вокруг него могут находиться другие церкви, часовни, колокольни и звонницы, трапезная палата;

- жилая зона включает монашеские корпуса, обычно расположенные по периметру монастырского двора, в этот же ряд могут входить трапезная с

церковью, другие церкви, колокольни (или звонницы), реже – хозяйственные постройки; как правило эти здания формируют фоновую застройку соборной площади;

- хозяйственные дворы располагаются за жилыми зданиями, часто между келейными корпусами и монастырской оградой, кроме хозяйственных построек в этой зоне могли быть огороды, парники, теплицы, во вторых хозяйственных дворах – странноприимные дома, кузницы, конюшни (рис. 1.44).

Ильвицкая С.В. для монастырей Балкан добавляет еще семь зон, в основном связанных с современным использованием монастырских комплексов (социально-культурную, просветительскую, гостевую, социально-бытовую, производственную и рекреационную) [130, с. 109 - 110].

С нашей точки зрения для комплексов XVII в. в особую функциональную зону возможно выделить монастырские сады.

А.А. Медведева предлагает довольно подробную и обоснованную классификацию монастырских средневековых садов по сумме типопределяющих признаков: внутримонастырские; сады, прилегающие к монастырю и ландшафтная организация монастырских земель [131, с. 13]. В данной работе рассматриваем только внутримонастырские сады как одну из функциональных зон. Предполагается, хотя тема эта еще недостаточно исследована, что садоводство как искусство продвигалось на Русь с юга. С начала XIV века сады появляются при московских монастырях, христианская культура связывает образ сада с образом рая. Монастырские сады по назначению можно разделить на открытые для всех и специальные (только для братии монастыря). Специальные, в свою очередь делятся на братские и настоятельские сады. По утилитарной функции монастырские сады делятся на плодовые, аптекарские, цветочные, хозяйственные (огороды). Братские и настоятельские сады размещались у соответствующих келейных корпусов, настоятельские – чаще в западной части монастыря (рис. 1.45). Плодовые, аптекарские и хозяйственные – на периферии, у монастырской стены, в

северной, южной или восточной части. Ассортимент растений монастырских садов был достаточно широк, часто выращивали растения в кадках, которые летом выставлялись во дворы.

«Все монастырские постройки образовывали четкую иерархическую систему, группируясь по функциональному признаку и соподчиняясь между собой. Собор доминировал над трапезной, трапезная – над близстоящими поварней и пекарней, а те являлись центром для ледников, сушил и амбаров. Это решение, имеющее чисто утилитарные основания, в то же время воплощало принцип иерархии, господствовавший в культуре средневековья» [99, с. 54].

Расположение келейных корпусов в концентрических функциональных зонах также имело свои закономерности и особенности. Например:

- настоятельские (игуменские, архимандричьи, наместнические и т.д.) кельи, как правило, находились у Святых ворот, в западной линии построек; могли соединяться переходами с трапезной палатой или собором;
- братские кельи (сестринские, клиросские, пономарские и т.д.) обычно повторяли очертания монастырских стен, иногда (в больших монастырях) образуя замкнутое каре вокруг соборной площади;
- больничные кельи, как правило, имели свою церковь, должны были иметь дополнительный вход извне монастыря или с внешнего хозяйственного двора, т.к. во время эпидемий обслуживали не только монастырь;
- «административные» кельи (келарские, казначейские, экономские и т.д.) чаще стояли в одном ряду с братскими кельями, но ближе к культовым постройкам или настоятельским кельям;
- различные хозяйственные кельи (житенные, поварни, кузницы, бани и т.д.) располагались на хозяйственных дворах, ближе к монастырским стенам или (редко) включались в основную линию келейной застройки;
- в больших монастырях, имеющих 2 и более хозяйственных дворов, окруженных монастырскими стенами, во внешний двор могли быть включены паломнические и гостиничные здания, а также конюшенные дворы.

Для средневековых монастырских комплексов Руси можно выделить еще три принципа разработки планировочных схем, из тех, о которых пишет С.В. Ильвицкая по отношению к монастырям Балкан. На наш взгляд, они не являются первичными в формировании композиции ансамбля, а вытекают из функционального зонирования и иерархичности объемов, а также церковно-канонических требований. Это:

- принцип концентричности планировки (главенство собора, периметральность застройки, использование пространства между монастырскими стенами и келейными зданиями для хозяйственных дворов и садов) [130, с. 132];

- принцип упорядоченности и цельности комплекса (более стабильная планировка центральной храмовой зоны и подверженная изменениям, но подчиненная архитектуре культовых зданий застройка жилой зоны) [130, с. 122];

- принцип согласованности композиции ансамбля с природной средой (монастыри вписываются в окружающую природную среду с учетом ее ландшафтных особенностей) [130, с. 124].

Схемы функционального зонирования для монастырей юго-восточного Приладожья соответствуют основным принципам построения монастырских комплексов, характерным для XVI - XVII вв.

Так, Богородичный Успенский Тихвинский монастырь, наиболее полно отвечающий этим правилам, имел практически полностью сложившийся каменный ансамбль к концу XVII в. Крупный монастырь, расположенный рядом с посадом, имел большую территорию и развитый набор зданий. В центре находилась храмовая площадь с Успенским собором в середине. Площадь ограничивал правильный прямоугольник внутреннего каре монастырских зданий. В линии этих зданий кроме келейных корпусов находились Покровская церковь с трапезной палатой и звонница. Развитая входная зона располагалась между надвратной церковью во Введенской башне западной монастырской стены и надвратной церковью Вознесения с

приделом Федора Стратилата над Святыми воротами между архимандричьими и казенными кельями в западной линии внутреннего каре зданий. Между монастырской оградой и келейными корпусами с юга и востока находилась развитая хозяйственная зона, с прудами и огородами, с севера – жилая братская зона. В западной части (у входной зоны) имелись настоятельский и братский сады: «один из них к северу – настоятельский, с беседкою; а другой к югу – братский, с двумя небольшими прудиками, для временного помещения в них живой рыбы»² За монастырской стеной находилась большая часть хозяйственных дворов (конюшенные, скотные, кузницы) и гостиницы. Местоположение функциональных зон мало изменялось на протяжении XVII-XIX веков (рис. 1.46).

Введенский монастырь в Тихвине, также сохранивший первоначальную планировку, даже в расположении трапезной палаты и звонницы по южной линии застройки в своем функциональном зонировании в упрощенном виде повторяет схему Успенского Богородичного монастыря.

Напротив, Свято-Троицкий Зеленецкий монастырь создавался как малый монастырь, пустынь, поэтому набор основных зданий небольшой. Четко выделена центральная группа построек: Троицкий собор, Благовещенская церковь с трапезной палатой и колокольня, соединенные деревянными переходами в одну линию. Вокруг этих главных зданий параллельно монастырским стенам свободно расположены четыре двухэтажных каменных келейных корпуса. Святые врата с надвратной церковью ориентированы строго по оси крыльца Троицкого собора. Храмовая зона включает в себя центральную группу построек и пространство к западу от нее, до западной стены со Святыми вратами. Пространство к югу от Троицкого собора, площадь между собором, южными и восточными кельями является жилой зоной монастыря. Характерно, что в этом комплексе на первоначальный период (1680-е гг.) отсутствуют настоятельские кельи. Устраивая Зеленецкий монастырь фактически для себя, как свое любимое

² Историко-статистическое описание первоклассного Тихвинского Богородицкого большого мужского монастыря. 3-е изд. Новгород, 1906, С. 133

место, митрополит Корнилий предназначил для своего проживания одно из деревянных строений, размещавшихся внутри каменной ограды наряду с кирпичными корпусами. Хозяйственная зона охватывает восточную часть монастыря (там размещались огороды, парники и деревянные амбары) и пространство между трапезной палатой, северными кельями и западным зданием поварни. Плодовый сад находился в восточной части территории, а настоятельский – у западной стены, ближе к братским кельям. Возможно, какая-то часть сада была между братскими кельями и южной стеной.

В описи первой половины XVIII в. перечисляются много всякой разнообразной «декоративной птицы, – павлины, журавли, гуси, голуби, и прочие птицы, выступавших здесь, по-видимому, в роли символических райских птиц. Они должны были населять «райский сад», который находился в западной зоне монастыря, с севера и юга «от Святых ворот» [22, с. 45].

Остальные необходимые постройки были деревянными и находились вне стен монастыря, в хозяйственной зоне с южной стороны комплекса (рис.1.47).

А Александро-Свирский Троицкий монастырь ко второй половине XVII в. – моменту формирования монастырского комплекса в каменный ансамбль – имел уже сложившееся центральное ядро культовых построек. Троицкий собор, Покровская церковь с трапезной палатой и звонница сформировали пространство соборной площади. Каменные келейные корпуса, являясь одновременно монастырской оградой, завершили комплекс и выявили функциональное зонирование. Соборная площадь с запада завершалась западными воротами, над которыми находились настоятельские кельи, от этих ворот начиналась короткая дорога, связывающая Троицкий монастырь с Преображенским. Монастырь был небольшим по территории, постройки стояли компактно. Пространство между восточными жилыми корпусами и центральной группой зданий было жилой и хозяйственной зоной. Над Святыми воротами в южной стене была сооружена надвратная церковь Иоанна Предтечи и входная зона получилась расположена под прямым углом

к фронту церковных построек и соборной площади. Такое нетипичное планировочное решение связано с трассировкой исторической дороги от Новгорода, подходящей к монастырю именно в таком направлении.

С севера от Троицкого собора находилась хозяйственная зона и больничные кельи с церковью Иоанна Дамаскина (рис. 1.48).

Староладожские монастыри и малые тихвинские комплексы, несмотря на сложные топографические условия, обладали строгой геометричностью планировочной композиции (рис. 1.49).

1.5. Композиция центрального ядра монастырского комплекса

В предыдущих частях 1-й главы были рассмотрены внешние факторы, влиявшие на планировочные схемы средневековых русских монастырей. Композиция центрального ядра ансамбля, т.е. культовых зданий, одновременно и зависит от этих факторов и сама является предпосылкой для формирования архитектурных образов отдельных зданий.

И.А. Рябушина в своих исследованиях провела анализ визуального восприятия объемно-пространственной и планировочной структуры монастырей XV-XVII вв. и предложила четыре основных композиционных группы центральной группы (как правило, культовых зданий) монастырского ансамбля. «В первой группе (более 52 % всех ансамблей) основным формирующим композицию звеном является пространство непосредственно прилегающей к главному собору площади, вокруг которой группируются основные сооружения. Во второй группе (около 14%) – центральным элементом служит сам объем собора. В третьей (около 14%) – композиция формируется живописной, но достаточно компактной группой сооружений и раскрывается лишь в процессе движения к главному собору. В четвертую группу (более 20%) входят монастыри, основные формирующие элементы которых расположены в одну линию, т.е. по фронту, и соединены между собой переходом...» [114, с. 198].

Взяв за основу классификацию И.А. Рябушиной, рассмотрим планировочные схемы монастырей юго-восточного Приладожья в XVII в. в

зависимости от основного звена, формирующего центральную композицию (прилож. 6, табл. IV).

Свято-Троицкий Зеленецкий монастырь относится к ансамблям, в которых основным формирующим композицию звеном являются культовые здания, расположенные в одну линию. В центре – Троицкий собор, к северу – Благовещенская церковь с трапезной палатой, к югу – колокольня. Композиция сформировалась единовременно, по единому замыслу. Объемно-планировочные схемы Троицкого собора и Благовещенской церкви с трапезной палатой почти точно повторяют схемы построек подобного типа XVI в. Изначально, по идее митрополита Корнилия, эти три постройки объединены деревянными переходами по второму ярусу. Фронт композиции развернут в сторону основного входа – Святых врат с церковью Иоанна Богослова, крыльцо Троицкого собора ориентировано строго по оси Святых врат (рис. 1.48). К монастырям с такой композицией центрального ядра относятся Спасо-Преображенский монастырь (Соловки), Вяжицкий монастырь (Великий Новгород) (рис. 1.51), Флорищева пустынь (Владимирская область), Троице-Гледенский монастырь (Великий Устюг) (рис. 1.52, 1.53).

В отличие от Зеленецкого комплекса, Александро-Свирский Троицкий монастырь имеет центром композиции соборную площадь, образованную Троицким собором, звонницей (в центре) и Покровской церковью с трапезной палатой, причем эта композиция складывалась на протяжении середины XVI – второй половины XVII вв. Галерея Троицкого собора соединена деревянным переходом с крыльцом Трапезной палаты. К монастырям с такой планировочной композицией относится Воскресенский монастырь в Угличе. Композиционно соборная площадь развернута не на Святые врата, а на южные ворота с дорогой к Преображенскому монастырю, т.е. в планировочной схеме комплекса отражена символическая связь между двумя равными по значимости ансамблями (в Преображенском монастыре находятся мощи преподобного Александра Свирского) (рис. 1.54). В Михаило-

Архангельском монастыре Великого Устюга – такая же градостроительная ситуация: фронт застройки развернут на 90° по отношению к Святым воротам (рис. 1.55).

Богородичный Успенский и Введенский Тихвинские монастыри относятся к ансамблям, в которых центральным элементом является монастырский собор. Для Успенского комплекса это обусловлено значением собора как реликвария чудотворной иконы и тем, что монастырь сооружался вокруг него под внимательным наблюдением Иоанна Грозного, которому была весьма близка идея жесткой иерархии мироздания. Все остальные постройки регулярными концентрическими зонами окружают собор. Каменная застройка XVII в. повторила местоположение деревянных зданий, можно считать, что композиционный замысел ансамбля, сложившегося к концу XVII в., не изменился с середины XVI в. и является первоначальным. Звонница и Покровская церковь с трапезной палатой вписаны в застройку южной линии внутреннего каре монастырских зданий, как равные по значимости келейным корпусам. Планировка женского Введенского монастыря, основанного одновременно с Большим Успенским изначально повторила эту же идею (рис. 1.56).

Никольский и Успенский старолadoжские монастыри возникли в самом начале XVI в. вокруг соборов XII в., небольшое количество деревянных построек и деревянная же ограда окружали соборы, ставя их в центр композиции. Такая же компоновка, монастырский собор в центре, характерна и для малых монастырей возле Тихвина – Антониев-Дымского, Николо-Боровинского и Николо-Беседного.

1.6. Выводы по первой главе

1. Средневековый монастырский комплекс был сложным архитектурно-пространственным организмом, части которого были связаны между собой идейно-символически, функционально и композиционно. Поскольку в течение всего XVI и XVII веков в построении монастырей соблюдались принципы универсальной средневековой модели, их планировочные приемы, в

основном, были подчинены единым закономерностям. Проведено сравнение планировочных композиций монастырских комплексов юго-восточного Приладожья и новгородской и московской земель, сложившихся к XVII веку по следующей системе факторов: церковно-канонические, географические и топографические, экономические и социальные. Монастырские комплексы юго-восточного Приладожья были основаны в течение XVI века как комплексы деревянных построек, окончательная архитектурно-пространственная структура их в камне сложилась к концу XVII века. Анализ планировочных типов монастырей рассматриваемого региона по вышеприведенным факторам дает следующую наиболее часто встречающуюся формулировку: монастырь митрополичий, мужской, владеющий земельными вотчинами; большее количество монастырских комплексов имеет вблизи посад (городской тип), следующий по распространенности – монастырь в ландшафте (лесной); по социальной функции большее количество монастырей представляют собой мемориалы в сочетании с ремесленно-торговой и усадебной функцией. Такой тип является также наиболее частым для русского монастыря XVII века.

2. В классификации планировочной структуры по основному звену, формирующему пространственную композицию комплекса, определены следующие закономерности:

- в монастырях, возникших в XVI веке и закрепивших в XVII веке раннюю планировочную композицию, основным звеном является главный собор; таковы Богородичный Успенский и Введенский монастыри в Тихвине, Александрo-Свирский Преображенский монастырь, а также Успенский и Никольский в Старой Ладогe, возникшие вокруг приходских соборов XII века;
- в монастырях, изменивших в XVII веке первоначальную планировочную композицию, основным звеном является или соборная площадь, или группа культовых зданий; таковы Александрo-Свирский Троицкий монастырь и Троицкий Зеленецкий монастырь;

- для монастырей юго-восточного Приладожья преобладающей композицией является комплекс с собором в центре: 6 из 11 ансамблей; такая же ситуация с московскими монастырями – 6 из 12 ансамблей. В то же время среди новгородских и северных монастырей преобладает композиция, которую формирует группа культовых зданий: 6 из 13 комплексов.

3. На композиционный замысел двух монастырей: Троицкого Зеленецкого и Александро-Свирского Троицкого оказал влияние новгородский митрополит Корнилий.

4. Троицкий Зеленецкий монастырь является уникальным ансамблем, выстроенным в 1680-х годах по единому замыслу крупной личности второй половины XVII в., новгородского митрополита Корнилия.

Глава 2. Формирование типов церковных зданий монастырей XVII века юго-восточного Приладожья

Монастырские комплексы юго-восточного Приладожья были основаны в течение XVI века на землях бывшей Обонежской пятины Великого Новгорода. В дальнейшем, на протяжении всего XVII в., новые монастыри возникали только в виде исключения. Первоначальные постройки монастырских комплексов были, как правило, деревянными. Своего наивысшего развития в камне монастырские ансамбли юго-восточного Приладожья достигли к концу XVII века, хотя монастырское строительство продолжалось и в XVIII-XIX веках. Тему исследования архитектуры монастырей юго-восточного Приладожья начала в 1970-х годах Е.В. Кондратьева [80], [81], [83]. Безусловно, самыми значимыми элементами комплексов (и в идейном, и в функциональном, и в архитектурном плане) были культовые монастырские постройки: соборы, трапезные палаты с церквями, надвратные и другие церкви. В этой работе не ставилась цель подробно описать сложение типов церковной архитектуры на протяжении XVI-XVII вв., а приводится перечисление типологических особенностей монастырских храмов XVII века, опираясь на уже существующую классификацию М.В. Вдовиченко [62, с. 140-145]. В типологическом ряду определяется место храмов монастырских ансамблей рассматриваемого региона и времени. Кроме того, в работе описываются конструктивные или декоративные особенности, характерные именно для этих построек.

2.1. Монастырские соборы

Подавляющее число памятников церковного строительства XVII века наследуют традиционные формы и типы конструкций от XVI столетия.

М.В. Вдовиченко описывает основные направления развития архитектуры этого времени. «Одним из самых многочисленных среди них является тип соборного храма, насчитывающий более сотни сооружений. Он объединяет и шестистолпные, и четырехстолпные, и двустолпные пятиглавые храмы, представляя собой некий мегатип, составляющий генеральный образ

многоглавого храма с несущими сводами и купола внутренними столбами» [62, с. 130].

Зодчество юго-восточного Приладожья XVII века имеет общие черты с новгородским зодчеством, однако при возведении крупных монастырских комплексов на средства царской казны видно большее следование московским традициям. «Особенно ярко это проявилось в Тихвинском Успенском монастыре, где московский мотив завершения храмов ярусами кокошников стал излюбленным и был повторен на трех сооружениях» [80, с. 7].

Что касается проблемы авторства рассматриваемых соборов, то нужно отметить, что в сохранившихся документах появляются имена «подмастерьев каменных дел» или «каменщиков», о которых говорится в таком контексте. Но исходя из опыта изучения строительства в XVII веке, это все-таки, скорее, подрядчики, нежели авторы замысла образа храма. «Подобная точка зрения не исключает возможности участия «подмастерьев каменных дел» в решении некоторых профессиональных проблем, связанных с выбором различных вариантов отдельных конструктивных узлов, типов и форм декорации, а также пропорционального решения. Однако выбор главных образцов и разработка общей объемно-пространственной композиции осуществлялись заказчиком сооружения, с которым также обговаривались отдельные формы, привнесение новых элементов или, наоборот, отказ от каких либо традиционных черт образца» [62, с. 125] Роль заказчика, по мнению М.В. Вдовиченко и И.Л. Бусевой-Давыдовой возросла к концу XVII века [62, с. 127] [47, с.46].

Справедливость вышеприведенной формулировки можно подтвердить, рассматривая архитектуру четырех хорошо сохранившихся монастырских соборов XVII века юго-восточного Приладожья. Это соборы Троицкого Зеленецкого, Александро-Свирского Троицкого монастырей, собор не сохранившегося Иоанновского монастыря в Старой Ладоге и Знаменский собор в Новгороде (прилож. 7, табл. V).

Троицкий собор Троицкого Зеленецкого монастыря (1682-1684 гг.) возводился практически одновременно с новгородским Знаменским собором

(1682-1688 гг.) Оба здания представляют собой тип четырехстолпного трехапсидного пятиглавого (с четырьмя несветовыми малыми барабанами на сводах) храма на высоком подцерковье (но без поэтажного членения), с галереями и крыльцами с шатровым покрытием нижнего рундука. Выбор типа и архитектурного образа храма принадлежал новгородскому митрополиту Корнилию. Троицкий Зеленецкий собор был заложен на месте предшествующей деревянной церкви и освящен в 1684 г., о чем свидетельствует храмосдаточная надпись на портале западного входа в собор (рис. 2.1, 2.2). Строительство возглавляли каменщики Валдайского Иверского монастыря Ивашка Шадрин, Афонька Тюфякин и Прошка Фомин [22, с.48]. Одной из особенностей объемно-планировочной структуры собора является палатка над дьяконником (южная апсида): пол палатки выложен муравлеными изразцовыми плитками, из пространства помещения (вероятно, ризницы) внутристенная кирпичная лестница ведет на кровлю, но в саму палатку стационарной лестницы нет, подъем осуществлялся по приставной лестнице за иконостасом (рис. 2.3). Как аналог можно вспомнить Успенский собор Валдайского Иверского монастыря с его хорами над алтарными пространствами (рис. 2.4). Храм имел полигональное покрытие, луковичные главы. Сдвинутые к западу лопатки боковых фасадов не соответствуют положению столбов в плане.

Вл.В. Седов считает, что Знаменский новгородский собор и Троицкий Зеленецкий собор (вместе с Никольским собором Вяжицкого монастыря отнесенные им к соборам митрополита Корнилия) связаны с архитектурой Ростовской епархии эпохи митрополита Ионы (1652-1690 гг.), с ее конструктивными схемами и декором [116, с. 82]. Не споря с тем, что ростовская архитектура оказала влияние на новгородские соборы 1680-х гг., заметим, что пятиглавие с центральным световым барабаном и глухими барабанами на сомкнутых сводах встречается в это время и в новгородской и в московской архитектуре, которая также оказывала влияние на новгородское зодчество второй половины XVII в.

Особенностью же объемно-планировочной композиции, присущей Троицкому Зеленецкому собору (но не Знаменскому новгородскому), является уменьшение восточного нефа и, в связи с этим, асимметрия пятиглавия (рис. 2.5). В дальнейших соборах, Александро-Свирского и Иоанновского монастырей эта особенность сохраняется и даже увеличивается.

Кирпичный же декор Троицкого Зеленецкого собора в большей степени имеет сходство с кирпичным декором юго-восточного Приладожья, утопленные в толщу стены кирпичные наличники (рис. 2.6), аркатурных поясов на барабанах собора вообще нет, только пояса поребрика, бегунка и фризы изразцов, а изразцовый декор совсем не имеет аналогов в ростовской архитектуре этого периода. Хотя основной вывод исследователя: «Новгородские памятники эпохи Корнилия образуют отчетливую группу, в которой выявилась личность заказчика, влиявшего, как и другие архиереи вт. пол. XVII в., на создание в епархиальном центре своеобразной и очень характерной архитектуры» [116, с. 83] безусловно правилен.

В 1695 г. был выстроен собор Иоанна Предтечи в Иоанновском монастыре Старой Ладogi. Монастырь этот был приписан в 1685 г. к Троицкому Зеленецкому монастырю и грамоту на строительство храма дал новгородский митрополит Корнилий [17, с. 54]. Это объясняет стилистическую родственность церкви Иоанна Предтечи с Троицким собором Зеленецкого монастыря, прежде всего в композиции плана (рис. 2.7) и асимметрии пятиглавия, даже более ярко выраженной, чем в Зеленецком соборе. Западный неф церкви Иоанна Предтечи очень широкий, шире центрального, западная пара глав поставлена по оси нефа и далеко отстоит от центральной главы. Восточного же нефа практически не существует и восточная пара глав стоит наполовину на подпружных арках, наполовину – над алтарной частью [17, с. 26]. Кирпичный декор церкви Иоанна Предтечи родственен сооружениям Зеленецкого монастыря, ниши с килевидным завершением и двухступчатые ширинки есть на Зеленецкой колокольне (рис.

2.8). Новгородский мотив поребрика украшает фасады и Иоанновской церкви и зеленецких построек (рис. 2.9).

Троицкий собор Александро-Свирского Троицкого монастыря предполагали построить по подобию Знаменского новгородского. Сохранился порядный договор, в котором «были точно установлены размеры будущего здания, дано описание фасадов, столбов, покрытия и галерей, тщательно разработан декор: профили оконных наличников и дверных порталов.

Покрытие церкви предполагалось сделать четырехскатным с пятью главами над основным объемом и одной небольшой главкой над алтарем» [1, с. 20; прилож. 10].

Сохранились подробные записи в приходо-расходных книгах, подтверждающие точное выполнение договора. Собор был освящен в 1698 г., а в 1699 г. построен деревянный переход между южной галереей собора и северным крыльцом в трапезную палату [3, с. 19].

Наличие архивных документов позволило представить, каким образом было сформулировано задание на строительство собора. Документ называется «Роспись церковному каменному строению» и состоит из двух частей: описание храма (роспись) и перечисление всех занятых на строительстве людей (порядная). В составлении договора участвовали архимандрит Гермоген и монах Макарий (со стороны заказчика – монастырской власти), а со стороны подрядчика – ярославские крестьяне – подрядчики во главе с Яковом Агафоновым [3, с. 35]

Троицкий собор типологически родственен Знаменскому новгородскому и Троицкому зеленецкому соборам, но имеет существенные отличия в решении объемов алтарной части (рис. 2.10, 2.11, 2.12). «Его двухъярусная (*двухсветная Т.П.*) центральная апсида целиком раскрыта внутрь храма, а равные ей по внешней высоте боковые апсиды раскрыты в интерьер лишь в своей нижней части, а наверху имеют замкнутые помещения, попасть в которые можно по внутрискатным лестницам. Интересно, что они были предусмотрены уже в росписи: «а промеж олтарными столпами перемытчики

перемкнуть и весть стена до верха ж до свода, а в тех стенах учинить проходные лестницы в ризницу и в книгохранительницу и своды свести особные как пристойные, а по конец учинить жира» [85, с. 50]. Такой прием характерен для ярославского зодчества, но (в упрощенном варианте: ризничная палатка в верху южной апсиды) присутствует и Троицком соборе зеленецкого монастыря.

Таким образом, в образе Троицкого собора выражены требования заказчика (выбор образца и габаритов здания) и опыт подрядчиков-ярославцев (помещения над боковыми апсидами, профили кирпичного фасадного декора).

Видна стилистическая близость собора более ранним сооружениям монастыря: каменных келейных корпусов, составляющих монастырскую ограду, надвратной церкви. Е.В. Кондратьева объясняет это непосредственным участием в строительстве собора мастеров-каменщиков, много лет работавших на каменном деле в этом монастыре под руководством тихвинского подмастерья Ивана Лукьянова [83, с. 48].

Соборы XII века староладожских монастырей и Успенский собор начала XVI века тихвинского ансамбля не оказали влияния на создание главных соборов Зеленецкого, Александро-Свирского и Иоанновского комплексов. В то же время сильно перестроенный в XIX веке собор Введения во храм Пресвятой Богородицы Введенского тихвинского монастыря, выстроенный в начале XVII века, имеет много общего в объемно-планировочной структуре с тремя вышеописанными монастырскими соборами (рис. 2.13). Первоначально он представлял собой четырехстолпный трехапсидный храм с заглубленным подклетом, скорее всего, трехглавый. Восточный неф практически отсутствовал, малые главы располагались на восточных столбах и сводах алтарей. Асимметричная композиция завершения здесь имеет ту же конструктивную основу, что и три рассмотренных ранее монастырских собора.

Каменные соборы Александро-Свирского Преображенского монастыря выстроены раньше соборов «времени митрополита Корнилия», Спасо-

Преображенский собор в 1644 г., а церковь Захария и Елизаветы в 1668 г. [3, с.64] (рис. 2.14). Спасо-Преображенский собор представляет собой крестово-купольную четырехстолпную постройку с тремя апсидами, покрытие, вероятно, было полаточным, щипцовым. Особенностью композиции этого храма является наличие северного придела и южной паперти, выстроенных одновременно с собором. Такая первоначальная композиция близка более поздней церкви Иоанна Предтечи в Старой Ладоге.

Церковь Захария и Елизаветы, выстроенная рядом со Спасо-Преображенским собором в 1668 г., представляет собой редко встречающийся тип храма «иже под колоколы». В юго-восточном Приладожье такая постройка единственная, прототип ее – Духовская церковь Троице-Сергиевой лавры 1477 г. (рис. 2.15)

2.2. Трапезные палаты с церквями

В процессе многовекового существования монастырей менялись условия быта, монастырские уставы, символические и идейные каноны, поэтому, естественно, должны были меняться и функциональные структуры монастырских зданий, в том числе, возможно, что в особенности, трапезных палат. Эволюцию объемно-пространственных структур и архитектурных композиций монастырских трапезных исследовал угличский архитектор-реставратор С.Е. Новиков на примерах памятников средней России [98], [99].

Первые трапезные на Руси появились с введением в монастырях общежительного устава, предписывающего монахам общую трапезу, еще в XV в. Вначале здания были палатного типа, без церковного объема. С.Е. Новиков приводит перечень основных построек подобного вида. Это трапезные монастырей Троице-Сергиевского (1469 г.), Симонова (1485 г.), Андроникова (1506 г.), Пафнутьев-Боровского (1511 г.), Макарьевского в Калязине (рис.2.16). Этот тип здания представлял собой двухъярусный куб, состоявший из двух основных конструктивно-функциональных частей: квадратного в плане одностолпного помещения трапезной и примыкающего к нему с востока объема, объединяющего в себе два малых помещения

(хлебодарню и раздаточную. Можно предположить, что состав основных помещений и их функции складывались под влиянием византийских традиций (конкретнее – древнеафонских) [98, с.90].

В XVI в. к ним пристраиваются небольшие церкви. Композиция таких зданий стала представлять собой комплекс из двух разных по назначению объемов: двухэтажного хозяйственного корпуса и примыкающей к нему церкви. К выделению специального церковного помещения привело развитие церковного элемента здания) [98, с. 91]. Главной особенностью трапезных конца XV- XVI вв. является способ перекрытия больших пролетов при помощи столба, стоящего в центре и поднимающегося на высоту всего объема; пространство перекрывалось по частям, используя известные типы сводов: цилиндрические, сомкнутые, крестовые.

О шести этапах в развитии церковных трапезных в конце XV – XVI столетиях пишет исследователь Фомин В.В. [22, с. 82]. Для последнего этапа характерно размещение раздаточной и келарской палат с западной стороны главного объема, расположение церкви по главной оси здания. Существенной особенностью некоторых трапезных церквей являлось наличие у них яруса звона. Появление его было продиктовано необходимостью давать сигналы сбора на ежедневные трапезы. Звоннички могли располагаться в разных местах: в западном щипце здания трапезной (Спасо-Преображенский Соловецкий монастырь), отдельный объем на стене здания (Александро-Свирский монастырь), в оконных проемах крылец (Успенский тихвинский монастырь).

Продолжил исследования монастырских трапезных на примерах новгородской архитектуры А.Н. Милорадович [94]. Он убедительно доказал, что трапезная Александро-Свирского монастыря была первой в череде новгородских трапезных 1550-х гг., что композиция памятника сложилась на основе ростовских прототипов (с некоторыми московскими чертами) [94, с.

44], и что непосредственной предшественницей здания была трапезная Троице-Макарьевского монастыря в Калязине³.

Основное назначение трапезных – комплекс помещений для хранения припасов и для ежедневных или праздничных трапез. Состав хозяйственных помещений: хлебопекарня, отдаточная палата, келарская, кладовые); для приготовления пищи в монастырях обычно строилась поварня (как правило – первой из келейных корпусов), на первом этаже трапезных только пекли хлеб. На втором этаже располагалась одностолпная палата и небольшая церковь, которая являлась лишь частью трапезной, необходимой для монастырского быта. Церкви при трапезных палатах служили одновременно теплыми, зимними, церквями, на зиму туда переносили главную храмовую, монастырскую, икону.

С.Е. Новиков подчеркивает сходство интерьеров монастырских трапезных палат с царскими палатами, характерное и для XVII в. [99, с. 56].

Е.В. Кондратьева называет наиболее интересными памятниками новгородской школы XVI в. монастырские трапезные [83, с. 47].

В монастырях юго-восточного Приладожья XVII веком датируются две каменные трапезные палаты с церквями. Это трапезная с церковью Рождества Богородицы в Введенском тихвинском монастыре и трапезная с Благовещенской церковью в Троицком Зеленецком монастыре.

Более ранняя трапезная Введенского тихвинского монастыря выстроена около 1645 г. [27, с. 93], трапезная Троицкого Зеленецкого монастыря – в 1683-1686 годах [22, с. 93]. Аналогами их объемно-пространственных структур являются трапезные палаты XVI в. этого же региона: Покровская церковь с трапезной палатой Александро-Свирского Троицкого монастыря (1535 г.), Покровская церковь с трапезной палатой Богородичного Успенского монастыря (1583 г.) и Никольская церковь с трапезной палатой Михаило-Клопского монастыря (рис. 2.17), хотя полного повторения планировочной структуры, конечно, нет.

³ Приписывается ростовскому мастеру Григорию Борисову, построена в 1525-1530 гг.

До нашего времени в юго-восточном Приладожье сохранилось несколько трапезных палат XVII века.

Так, например, Благовещенская церковь с трапезной палатой Свято-Троицкого Зеленецкого монастыря имеет планировочную композицию, почти полностью совпадающую с более ранними трапезными (рис. 2.18, 2.19). К одностолпной, квадратной в плане трапезной палате, поставленной на подклет, с востока примыкает собственно церковь с апсидой, с запада – паперть и келарская. Планировки подклета и второго этажа практически совпадают. Расположение церкви, келарской и раздаточной палат на втором этаже, входы на второй этаж с северных крылец практически повторяют соотношение помещений трапезных Александро-Свирского и Успенского тихвинского монастырей (рис. 2.20). Раздаточная палата так же традиционно располагалась в юго-западном углу объема. Впрочем, планировка трапезной малого монастыря несколько упрощена по сравнению с подобными же зданиями больших монастырей: северные крыльца ведут в сразу в объем церкви (без сеней) и келарскую палату, а южное крыльцо – в помещение, которое мы атрибутируем как раздаточную. Конструктивная схема также повторяет трапезные XVI в.: одностолпные палаты перекрыты коробовыми сводами с распалубками, помещение церкви – крутым сомкнутым сводом (рис. 2.21). Известно, что строили Благовещенскую церковь с трапезной мастера-каменщики, работавшие в Валдайском Иверском монастыре, однако Зеленецкая трапезная палата не имеет ничего общего в планировочной композиции ни с церковью Богоявления Господня, недавно возведенной ими же в Иверском монастыре (1669 г.), ни с другими монастырскими трапезными второй половины XVII в. [22, с. 112] (рис. 2.22, 2.23). На выбор типа здания мог оказывать влияние основной заказчик, т.е. митрополит Корнилий. Архаичность архитектурных форм присуща и другим новгородским храмам, строившимся или перестраивавшимся при митрополите Корнилии.⁴ Структура фасадов церкви и трапезной палаты, напротив, близка новгородской

⁴ В Новгороде: Знаменский собор, церковь Флора и Лавра, церковь Федора Стратилата.

архитектуре XVII в., а обилие фасадной изразцовой керамики характерно для храмов, выстроенных по заказу этого новгородского митрополита⁵.

Более ранняя трапезная Введенского тихвинского монастыря с церковью Рождества Богородицы в основе своей совпадает с планировочной композицией трапезных палат XVI века, но обладает двумя характерными особенностями, отличающими ее от остальных построек этого типа и времени. Во-первых, церковь Рождества Богородицы имеет две апсиды (рис. 2.24). Тема появления в 1640-х годах двухапсидных храмов, на очень короткий период, около 25 лет, не рассматривается в этой работе, но нельзя не отметить, что кроме этой церкви в юго-восточном Приладожье две апсиды имел не сохранившийся собор Антониев-Дымского монастыря, выстроенный также в середине 1640-х гг. Кроме того, помещение церкви здесь значительно больше известных нам церквей при трапезных XVI века.

Фасады церкви и палаты решены в формах новгородской архитектуры XVII века, но с упрощением декора. Отсутствуют наличники, развитые карнизы, покрытие церкви, скорее всего было позакомарным. Некоторая, довольно сильная сбивка раскладки лопаток на фасадах церкви, относящаяся к первоначальному периоду, предполагает изменение фасадного решения в процессе строительства (рис. 2.25).

Во-вторых, трапезная палата не имеет келарской и раздаточной помещений, а также внутрискладных лестниц для связи первого и второго ярусов. Возможно, это связано с тем, что к палате было пристроено здание игуменских келий, помещений которого могли быть использованы и для трапезной (рис. 2.26).

2.3. Надвратные церкви

Надвратные храмы строились на Руси, начиная с XI в. В.П. Выголов⁶ предполагает, что прототипом первой из известных нам древнерусских церквей такого рода – церкви Благовещения над Золотыми воротами в Киеве

⁵ Помимо широких рамочных прямоугольных наличников оконных проемов 2 этажа трапезной палаты, Благовещенская церковь имела главу, покрытую муравленым изразцовым лемехом.

⁶ Выголов В.П. Надвратные храмы древней Руси (проблемы эволюции и происхождения). В кн.: Памятники русской архитектуры и монументального искусства: столица и провинция. М., 1994.

(около 1037 г.) – стала церковь во имя Богоматери Портаитиссы (Вратарницы) в Иверском монастыре на Афоне (рубеж X-XI веков). Впоследствии, однако, надвратные церкви становятся явлением, свойственным только древнерусской архитектуре, и не встречаются ни в архитектуре западных, ни в архитектуре восточных христианских стран.

Многие иностранные путешественники XVI—XVII вв. писали об уникальности надвратных храмов, подчеркивали их русский характер.

Львовский купец Мартин Груневег, немец по происхождению, посетивший Киев в 1584 г., сообщает, что над Золотыми воротами, которые "в большей части разрушены... устроена часовня — по обычаю русичей, украшающих сверху свои ворота красивыми церквушками, отдавая богу в охрану"⁷. Также побывавший в середине XVII в. на Руси Павел Алеппский, неоднократно упоминает, что русские ставят маленькие церкви над воротами монастырей.

Ближайшими аналогами надвратных храмов древней Руси В.П. Выголов считает небольшие церковки и часовни восточно-христианских монастырей, которые размещались в крепостных башнях (пиргах) над их входными воротами. Такие церкви мы находим в некоторых монастырях Греции. Наиболее широкое распространение они получают в святогорских монастырях на Афоне. «Здесь в целом ряде обителей — Великая Лавра, Иверон, Ватопед, Каракала и Костамониту — в башнях над входными воротами существовали маленькие церкви-капеллы или часовни, по-гречески именуемые "параклисами"⁸ (рис. 2.27).

К XVII в. сооружение надвратных храмов стало очень интенсивным, особенно в монастырских комплексах. [66, с. 27]

Для XVI-XVII вв. отмечается большое разнообразие типов и форм надвратных храмов, среди которых встречаются почти все объемно-композиционные и планировочные приемы культового зодчества этого времени. «Здесь и бесстолпные одноглавые храмы с сомкнутым

⁷ Выголов В.П., указ. соч., С.

⁸ Выголов В.П., указ. соч., С.

(Архангельский Великоустюжский монастырь) и крещатым сводами (Симонов), трехглавые (Покровский Суздальский) и пятиглавые (Иосифов Волоколамский и Ростовская митрополия); двустолпные одноглавые (Спасо-Прилуцкий) и пятиглавые (Борисоглебский Ростовский); четырехстолпные пятиглавые (Ростовская митрополия); одношатровые (Спасо-Преображенский Ярославский) и двухшатровые (Ферапонтов) ярусные типа восьмерик на четверике, трехчастные (Новодевичий) и четырёхлепестковые (Новый Иерусалим) и т.п. Характерно, что и в это время надвратные храмы не образуют особый тип здания, отличный от других видов культовой архитектуры» [66, с. 32] (рис. 2.28, 2.29).

В монастырях юго-восточного Приладожья нам известны всего две надвратные церкви, выстроенные в XVII веке, это церковь Иоанна Богослова Свято-Троицкого Зеленецкого монастыря и церковь Иоанна Предтечи Александро-Свирского Троицкого монастыря, причем обе они не сохранились. Но архивные и натурные данные позволяют выполнить графические реконструкции и представить, по крайней мере, объемно-планировочную структуру.

Церковь Иоанна Богослова Троицкого Зеленецкого монастыря, располагавшаяся над западными святыми воротами, занимала в ансамбле важное смысловое и композиционное значение (рис. 2.30). Она была выстроена вместе со всем комплексом в 1680-е гг. и просуществовала до 1770-х гг., когда престол ее был перенесен в подклет Троицкого собора, а сама церковь частично разобрана.⁹ [22, с. 125]. Графическая реконструкция, выполненная на основании архивных данных и результатов натурных исследований, позволяет представить себе тип храма и внешний вид его. Первый ярус объема (собственно ворота) состоял из двух мощных пилонов, поставленных друг от друга на расстоянии около 4,5 м и перекрытых цилиндрическим сводом. В южном пилоне находилось узкое помещение с окном на запад и входом из ворот. В северном пилоне находилась

⁹ В 1827-1834 гг. на ее месте был выстроен настоятельский корпус, в структуру которого были включены конструкции Святых врат

внутристенная лестница со входом с востока и помещение под ней с запада (вход из ворот). На втором ярусе находился по центру объем церкви, перекрытый сомкнутым (или коробовым) сводом, объем алтаря не был выделен апсидой, мог отделяться от помещения собственно церкви аркой, как, например, было в надвратной церкви Вознесения в Успенском тихвинском монастыре. Что касается структуры фасадов, то, основываясь на фрагментах, оставшихся на монастырской стене и двух гравюрах, можно предположить, что церковь имела угловые лопатки, четырехскатное (палаточное) покрытие, односкатное покрытие боковых объемов лестницы и ризницы. Глава была покрыта керамическим муравленным лемехом. Окна по западному и восточному фасадам, скорее всего, имели изразцовые наличники, в соответствии с декоративной системой основных культовых памятников ансамбля (рис. 2.31).

Надвратная церковь Иоанна Предтечи Александро-Свирского Троицкого монастыря вместе со Святыми воротами была выстроена в 1676 г. при возведении кирпичных жилых и хозяйственных зданий по периметру монастыря, как своего рода каменной ограды; строительство началось именно с надвратного храма. Инициатором являлся игумен Гермоген, он нанимает каменщиков, оговаривает облик и размеры здания [83, с. 48].

Святые врата находились в восточном конце южного прясла ограды, состояли из основного арочного проема и второго, более низкого проема для пешеходов. Небольшой храм над воротным проездом имел палатное (на восемь скатов) покрытие (рис. 2.32). Апсиды, скорее всего, выступали на восток по южной монастырской ограде. Формы декора должны были быть похожи на кирпичный декор корпусов монастырской ограды и церковь при больничных кельях. Отсутствие изразцов и кирпичный декор, близкий по типу, скорее келейным корпусам тихвинского монастыря, нежели декору трапезной палаты и звонницы¹⁰.

¹⁰ В 1670-1690-х гг. на строительстве в Александро-Свирском монастыре работали тихвинские каменщики

2.4. Фасадный декор

2.4.1. Изразцовый фасадный декор

Отдельной темой архитектуры рассматриваемого периода и места является изразцовый декор. Керамическим убранством фасадов Новгорода и Приладожья много занималась Е.В. Кондратьева [81]. Увлеченность фасадной керамикой характерна вообще для русской архитектуры XVII в., а для церквей Новгорода и новгородской епархии это увлечение приобрело к тому же своеобразные формы. «Расцвет изразцового декорирования фасадов новгородских сооружений приходится на 1680-е гг. В самом Новгороде в это время украшались изразцами как вновь возводимые, так и перестраиваемые храмы» [81, с. 16]. Самым распространенным приемом была установка изразцов в нишах ширинок (Преображенский собор Хутынского монастыря, Знаменский собор), которые образовывали фризы папертей или ряды лопаток. Возможно, это связано с использованием в новгородских памятниках небольших печных изразцов. Такой вариант декора применен на фасадах колокольни Зеленецкого монастыря, на паперти Троицкого собора Александро-Свирского монастыря, (рис. 2.33).

Самым богатым керамическим убранством отличаются постройки Троицкого Зеленецкого монастыря. Троицкий собор имеет керамический вал в основании закомар, широкие рамочные изразцовые наличники оконных проемов, фризы из муравленных изразцов на барабанах (рис. 2.34, 35), изразцовый западный портал с керамической же храмовоздатной надписью. На первоначальном крыльце был шатер из многоцветных изразцов. Главки на Благовещенской церкви, надвратной церкви Иоанна Богослова и на кладовой палатке над северными воротами были покрыты поливным изразцовым лемехом [22, с. 79]. На фасадах трапезной палаты и Троицкого собора сохранились кресты из изразцовых плиток.

Характер обрамления окон зеленецкой трапезной сходен с единственным сохранившимся наличником окна в настоятельском корпусе Валдайского Иверского монастыря (рис. 2.36). В Иверском монастыре

изготовление печных изразцов было организовано еще в 1650-е гг. белорусскими мастерами. Печные изразцы тогда использовали и для отделки фасадов. «В 1658 г. часть гончарных мастеров из Иверского монастыря была взята Никоном в Воскресенский монастырь близ Истры (Новый Иерусалим), где они под руководством белорусского мастера П.И. Заборского наладили производство ценной фасадной керамики, составляющей объемные ордерные композиции» [120, с. 241]. Это было уникальным решением для своего времени.

Новгородский митрополит Корнилий, организовывая изготовление специальных фасадных изразцов на месте строительства комплекса зеленецкого монастыря, как повторение опыта патриарха Никона, привлек мастеров из Валдайского Иверского монастыря [22, с. 135]. Этот факт объясняет оригинальность изразцового декора и, в ансамбле монастыря, единство с постройками.

Любопытно, что на зданиях Богородичного Успенского тихвинского монастыря, выстроенных в 1660 – 1690-е гг. фасадный изразцовый декор полностью отсутствует. Объяснить это можно тем, что архитектура ансамбля основных культовых зданий здесь уже сложилась в XVI в. и задала основное направление декорации фасадов. Жилые и хозяйственные корпуса, создававшиеся, начиная с 1640-х гг., имеют богатый кирпичный декор.

В новгородской архитектуре специальную фасадную керамику изготавливали крайне редко, собственно, известно только два таких случая: здания Зеленецкого Троицкого монастыря и трапезная церковь Вяжицкого монастыря.

2.4.2. Кирпичный фасадный декор

По мнению исследователя И.Л. Бусевой-Давыдовой, развитие архитектурного декора XVII в. имеет два этапа [49, с. 43]. На первом этапе характерно применение фигурного и простого кирпича, из которого выполнялись выступающие детали фронтона (наличники, карнизы, порталы, фронтоны и т.д.) Главная особенность кирпичного декора в том, что он

является единым целым с кирпичной стеной. «Он не наложен на стену, а как бы вырастает изнутри, сохраняя прочную материальную связь с кладкой. Это хорошо заметно в простейшем мотиве кирпичной декорации – поребрике, строящемся из тех же кирпичей, что и стена здания, только введенных в кладку не боковой поверхностью, а углом. «Сухарики» также выдают непосредственную связь с массивом стены, не говоря уже о своеобразных полочках... Но и в случае более сложной декорации – балясинок, кубышек, наборных колонок – сохраняется главное, роднящее декор со стеной: его метрически - геометризованный характер» [49, с. 44]. Второй этап (новый декор) генетически связывается с искусством Европы, чаще всего является белокаменной резьбой, принадлежностью Московской Руси. Имеет не стилевую, а знаковую функцию «...была знаком принадлежности заказчика, мастера, постройки к новой культурной традиции, родственной общеевропейской» [49, с. 46]. На рассматриваемые ансамбли юго-восточного Приладожья фасадный декор второго этапа практически не оказал влияния, вероятно, из-за традиционно сильного влияния новгородской архитектуры.

Кирпичный же декор фасадов наиболее распространен на зданиях второй половины XVII в. в монастырях юго-восточного Приладожья. Не только келейные корпуса, построенные в это время, но и храмовые здания имеют «узорочную» декорацию в чем-то совпадающую с московскими образцами, в чем-то имеющую новгородские аналоги, в чем-то – самобытную.

Яркий пример являет собой оригинальное оформление трех окон первого этажа южного фасада трапезной палаты Троицкого Зеленецкого монастыря, выходящих на северный фасад Троицкого собора (рис. 2.37). Различное решение верха трех наличников, острый «стрельчатый» верх у двух из них («коруной»), объединение трех проемов одной сплошной ковровой композицией из «нишек-ширинок» – приемы, не встречающиеся ни в монастырских ансамблях, ни в отдельных храмах этого периода для архитектуры современного Новгорода. В Троицком Зеленецком ансамбле этот мотив на других зданиях тоже не встречается.

Плотное заполнение стены кирпичным декором («боязнь пустоты») отмечает И.Л. Бусева-Давыдова как один из признаков московского узорочья второй половины XVII в., подчеркивая стремление к простому рядоположению одинаковых деталей[49, с. 47]. Ковровую композицию из нишек южного фасада зеленоцкой трапезной можно было бы отнести к московскому влиянию. Но сочетание нишек с видом завершения оконных наличников, а также сведениями о строительстве трапезной позволяет предложить более точный вариант развития событий.

Аналогами завершения наличников могут быть оконные наличники церкви Рождества Богородицы Каргополя, 1683 г. (рис. 2.38) и церкви Иоанна Предтечи в Толчкове, Ярославль, 1671-1677 гг. (рис. 2.39).

Г.В. Алферова, много лет изучавшая Каргополь и Каргополье, приводит данные из истории строительства церкви Рождества Богородицы.

«Митрополиту Великого Новгорода и Великих Лук Корнилию каргопольцем Лаврентием Родионовичем сыном Карнашева была направлена челобитная с просьбой: «построить в Каргополе вместо деревянной каменную церковь и с трапезою каменною во имя Рождества Богородицы...»¹¹ В 1678 г. митрополит Корнилий дает предписание: «...воздвигнуть вновь каменную с трапезою во имя Пречистой Богородицы Рождества, а верхи б на той каменной церкви были б не шатровые, а алтари сделать круглые тройные, а придел во имя Климента учинить от настоящей церкви с уступом, чтобы настоящей церкви от приделу никакого утеснения не было б»¹² То есть митрополит принимает активное участие в формировании образа храма.

Позволим себе высказать предположение, что в какой-то момент, в начале строительства трапезной палаты (1683 г.), бригада каменщиков или каргопольских, или из иного города, но имевших отношение к строительству церкви Рождества Богородицы, были привлечены к возведению Благовещенской церкви с трапезной палатой и работали около трех месяцев, выполнив часть здания. Затем, по каким-то причинам, возможно, из-за

¹¹ Алферова Г.В. Каргополь и Каргополье. М., 1973, С.56

¹² Там же, С.57

предпочтения митрополитом Корнилием изразцового фасадного декора кирпичному на центральных зданиях ансамбля, работу продолжили другие мастера. А на южном фасаде трапезной палаты появилась композиция из трех оконных проемов, отличающихся своим оформлением от декора не только этого здания, но и остальных памятников ансамбля.

Собственно Благовещенская церковь завершается главкой на граненом барабане, а под карнизом – широкий орнаментальный кирпичный фриз из повторяющихся рядов «бегунка» и «поребрика».

Троицкий собор Зеленецкого монастыря имеет и изразцовый и кирпичный декор, четко структурированный по ярусам. Оконные проемы подклета декора не имеют, проемы первого света собора – оформлены кирпичными наличниками в стиле «русского узорочья», проемы второго света собора имеют широкие рамочные изразцовые наличники. Размеры оконных проемов также увеличиваются от подклета к проемам второго света собора. Кирпичные наличники первого света собора по всем фасадам сохранили западающие профили, а на апсидах – сохранились практически полностью. Взяв за основу классификацию приемов кирпичного декора в зодчестве юго-западного Приладожья, разработанную Е.В. Кондратьевой, [82, с. 105-109] к 1 группе можно отнести наличники оконных проемов северного фасада и апсид. Эта группа наличников характеризуется наиболее последовательным применением среднерусских приемов, к ней относится декор новгородского Знаменского собора, Никольского собора в Вяжищах. В их схеме боковые колонки из лекального кирпича опираются на кронштейны, которые объединены профильной тягой; пересечение колонки с верхней профильной тягой образует подобие капители; завершение может иметь различный контур (рис. 2.40).

Кирпичные наличники первого света собора по южному фасаду принадлежат к 3 группе, главным отличительным признаком которой является рельефное обрамление с провисающей килевидной кривой завершения, заглубленное в толщу стены (рис. 2.41). Встречается, в основном, в

новгородской архитектуре: архиепископский дворец в Новгороде, притвор церкви Федора Стратилата на Ручью, трапезная Деревяницкого монастыря, Лихудов корпус новгородского кремля (рис. 2.42), казенная палата Успенского тихвинского монастыря. Е.В. Кондратьева считает, что наличники этой группы встречаются только на жилых и хозяйственных корпусах, но раскрытые в 2012 г. наличники Троицкого собора полностью соответствуют признакам 3 группы. Однако, исследователь подчеркивает, что «самым интересным в зодчестве Новгорода и Приладожья этой поры является создание наличника местного типа с характерным очертанием килевидной арки и многоступенчатым рельефом, утопленным в толщу стены, нигде, кроме этих районов, не встречающегося (третья группа)»¹³. Самый характерный пример этой группы декора – наличники первого света Троицкого собора Зеленецкого монастыря.

В системе декора Троицкого собора Александро-Свирского монастыря имеются на паперти-галерее и барабане пояса-фризы из пятиугольных нишек с утопленным профилем в виде полувала. Это практически повторение на другом уровне элементов декора фасада трапезной палаты с Покровской церковью. Этот же элемент декора был применен в постройках 1640-1680-х годов Александро-Свирского Преображенского монастыря. С другой стороны, оконные проемы оформлены наличниками, построенными по типу 2 группы (классификация Е.В. Кондратьевой [82, с. 102]), распространенной для юго-восточного Приладожья в 1680-1690-х гг. (рис. 2.43, 2.44).

2.5. Выводы по второй главе

1. Церковное зодчество монастырей юго-восточного Приладожья в основе своей имеет типологию и традиции новгородского зодчества первой половины XVI в. Связь юго-восточного Приладожья с Новгородом сохранялась и после присоединения его к Москве, так как монастыри, расположенные на его территории, входили в новгородскую епархию.

¹³ Кондратьева Е.В. Особенности узорочья в зодчестве Приладожья // История и теория архитектуры и градостроительства. Л., 1980, С. 109

2. Монастырские храмы 1680-1690-х годов юго-восточного Приладожья имеют общие черты объемно-планировочной композиции: широкие западные нефы при почти полном отсутствии восточного нефа, постановка восточной пары малых глав частично на алтарные своды, частично на подпружные арки, асимметрия пятиглавия.

3. Три монастырских собора, выстроенных в последней четверти XVII века, принадлежат к группе построек, в которых проявилась личность заказчика, новгородского митрополита Корнилия.

4. Собор Введения Богородицы Введенского тихвинского монастыря, выстроенный в начале XVII века, имеет в своей объемно-пространственной структуре черты, которые позднее развились в планировке соборов 1680-1690-х годов юго-восточного Приладожья.

5. На протяжении второй половины XVI-XVII вв. на архитектуру монастырских построек юго-восточного Приладожья оказывало большое влияние московское зодчество и традиции зодчих средней полосы России (в частности, Ярославля и Костромы). Влияние это связано:

- с царскими заказами для некоторых самых ответственных монастырских зданий;
- с использованием на большом строительстве мастеров из центральной России, изредка – из Москвы;
- личными вкусами монастырского руководства или новгородских митрополитов.

6. Трапезные палаты с церквями середины – второй половины XVII века в монастырях юго-восточного Приладожья в основе своей имеют объемно-планировочную структуру новгородских монастырских трапезных XVI столетия, но каждая из них обладает самобытными чертами.

Так, планировочная композиция трапезной палаты с церковью Благовещения Троицкого Зеленецкого монастыря при почти точном совпадении состава помещений изменена для образа жизни малого монастыря. А церковь Рождества Богородицы Введенского монастыря имеет две апсиды и

упрощенный состав трапезной палаты, возможно, недостающие помещения располагались в здании игуменских келий, находящихся в одной связи с трапезной.

7. Две надвратные церкви, выстроенные в XVII веке, церковь Иоанна Богослова Свято-Троицкого Зеленецкого монастыря и церковь Иоанна Предтечи Александро-Свирского Троицкого монастыря, не сохранились. Но по графическим реконструкциям можно представить объемно-планировочную композицию и структуру фасадного декора. Планировки церквей зависели от расположения Святых врат, над которыми они находились. При размещении на западных вратах, апсиды восточного фасада могли не выступать за общий объем и общая композиция, скорее всего, строилась симметрично. При нахождении церкви на южных вратах, апсиды строились по стене, выступая за объем храма на восток. Покрытие церквей в обоих случаях было палаточным, новгородским. Фасадный декор в большой степени зависел от сложившегося к этому времени ансамбля монастырских построек.

8. Изразцовый и кирпичный фасадный декор монастырских храмов рассматриваемого региона имеет и общие, и отличительные черты по сравнению с декоративными формами и системами новгородской и московской архитектуры второй половины XVII века.

9. Декоративные приемы, набор элементов фасадного декора более ранних построек каждого монастыря учитывался при строительстве последующих зданий, участвуя в создании стиля ансамбля, разного для каждого комплекса.

10. Постройки Троицкого Зеленецкого монастыря имеют самобытный фасадный изразцовый и кирпичный декор, отличающийся как от московского варианта изразцового декора, характерного для этого времени, так и от новгородского. Для зданий Зеленецкого монастыря изразцовый фасадный декор изготавливался на месте строительства, мастерские были организованы новгородским митрополитом Корнилием на основе мастерской Валдайского Иверского монастыря.

Глава 3. Типологические закономерности жилых и административных зданий монастырей XVII в. юго-восточного Приладожья

Пространственная организация монастырей в XVII в. имела определенную общность принципов. Основные предпосылки и внешние факторы, формировавшие композицию планировочных схем монастырских комплексов, рассмотрены в 1 главе данной работы. Там же показаны плановые композиции монастырей юго-восточного Приладожья.

Как правило, застройка размещалась концентричными зонами: центральное место занимал собор, к нему непосредственно примыкала площадь (соборный двор), вокруг которой находились сакральные постройки: трапезная палата с церковью, отдельные храмы, звонница или колокольня. Эту центральную зону окружали жилые и хозяйственные корпуса, затем – монастырская ограда, за которой размещались земельные владения вотчинного монастырского хозяйства, а также гостиницы и гостиные дворы для паломников, служебные дворы, скотные дворы, мельницы и т.д.

При общем стремлении к центричности монастырской планировки, реальная жизнь, рельеф местности, этапы образования ансамбля, влияние заказчиков строительства и экономика монастыря вносили изменения, иногда довольно значительные, в каноническую схему. Размещение келейных зданий, имеющих одинаковую функцию, также подчинялось определенным закономерностям (рис. 3.1). Настоятельские (игуменские, архимандричьи, митрополичьи) кельи в большинстве случаев располагались недалеко от главного входа, рядом со Святыми воротами, как бы указывая на одно из основных требований к главе монастыря – надзирать за монашествующими. Братские (клиросские, пономарские, сестринские и т.д.) кельи обычно повторяли очертания монастырских стен, иногда образовывая замкнутое пространство соборной площади. Больничные кельи размещались так, чтобы иметь дополнительный вход снаружи монастыря и, поскольку имели и карантинную функцию, обычно в дальнем углу монастырского двора. Различные хозяйственные кельи включались в основную линию келейной

застройки, например, Житенные кельи в Успенском тихвинском монастыре (рис. 3.2), квасоварня и поварня в Александро-Свирском монастыре, поварня в Троицком Зеленецком монастыре, или размещались на хозяйственном дворе, так, как поварня в тихвинском монастыре. Кельи с административными функциями (казенные, казначейские, экономские и т.д.) встраивались в ряд братских корпусов, но территориально тяготели к культовым зданиям или настоятельским кельям.

В крупных монастырских комплексах, имеющих два и более хозяйственных дворов, окруженных монастырскими стенами, во внешний двор могли быть включены паломнические и гостиничные здания, а также конюшенные дворы. Кроме того, на местоположение келейных корпусов влияла традиция расположения каменных построек на местах первоначальных деревянных, имевших ту же функцию.

Каменные монастырские келейные здания XVII века представляют собой ценнейший источник сведений о древнерусском гражданском зодчестве.

В этой главе рассматриваются закономерности и различия в архитектуре и объемно-пространственной структуре келейных корпусов монастырей юго-восточного Приладожья относительно соответствующих построек монастырских комплексов новгородской, московской земли и других регионов Руси XVII века.

Для братских келейных корпусов дана классификация объемно-планировочных структур.

3.1. Братские кельи. Типология объемно-пространственной структуры

Первые каменные братские кельи, согласно нашим исследованиям, появились в монастырях средневековой Руси в начале XVII в¹⁴. к этому же типу относятся келейные корпуса с названиями: сестринские, клиросские, пономарские (название зависит от того, для какой именно категории монахов предназначалось здание). Братские келейные корпуса являются, конечно,

¹⁴ Братские кельи Спасо-Преображенского ставропигиального Соловецкого монастыря, 1610-е гг.

жилыми зданиями, но специфика монастырской жизни не могла не отразиться на их объемно-пространственной структуре. Можно выделить планировочные особенности братских келий как монастырских зданий, а именно:

- Секционность – главная особенность этого вида построек, единственные секционные здания XVII века, братские кельи состоят из собранных в корпуса одинаковых ячеек.
- Обязательная изолированность каждой ячейки в здании.
- Вход в каждую ячейку для первого этажа с двух сторон здания, как с соборного, так и с хозяйственного двора, т.е. проход здания насквозь.
- Расположение жилых помещений со стороны соборного двора, а чуланов, дровяников, мастерских, «нужных» мест со стороны хозяйственного двора.

Состав помещений в типовой ячейке менялся в зависимости от иерархии обитателей келейного корпуса. В здании могли жить монахи, иеромонахи, клирошане, художники и т.д. Судя по немногим дошедшим до нашего времени документам порядных записей или записей приходо-расходных книг (прилож. 11), монастырское келейное здание всегда строилось для конкретной оговоренной функции. Полный набор помещений ячейки: сени, иногда двое сеней, жилое помещение или келья, кухня, мастерская (палаты для послушания), чуланы. Помещения тамбура, дровяника, «нужного» места размещались в пристройках к корпусу и в ячейку не входили, в порядных оговаривались отдельно. Вариации компоновки были достаточно разнообразными.

Нами предлагается классификация первичных ячеек братских келий, основанная на выделении следующих типологических признаков:

- Состав помещений в ячейке.
- Расположение помещений внутри ячейки.

Реконструкции первоначальных объемно-планировочных структур выполнены автором на основе обмерных и архивных материалов,

находящихся в архивах ОАО НИиПИ «НИИ Спецпроектреставрация» (СПб), Департамента государственной охраны, сохранения и использования объектов культурного наследия Правительства Ленинградской области и Управления государственного Комитета охраны и использования памятников истории и культуры при администрации Новгородской области. А также привлечены опубликованные материалы по различным монастырским

Все многообразие планировочных схем ячеек братских келий можно разделить на однопролетные и двухпролетные (прилож. 8, табл. VI).

К однопролетным относятся следующие планировочные типы:

1. «Клетская ячейка». Состоит из жилой кельи и проходных сеней, такого же размера или более узких. Прослеживается генетическая связь каменной кельи с деревянной архитектурой.

2. «Келья-тройня двухуровневая». Состоит из жилой кельи и проходных сеней на первом этаже и помещения мастерской на втором этаже (на всю ширину первого этажа ячейки).

3. «Келья-двойня» (определение М. Красовского). Состоит из двух жилых помещений и проходных сеней между ними с отдельными входами в каждую келью. Преимуществом структуры каменного здания от деревянной архитектуры.

4. «Деленая келья-двойня». Состоит из двух жилых помещений и сеней между ними, разделенных капитальной перегородкой без проема (при этом изначально делится свод, возведенный одновременно с перегородкой).

5. «Анфиладная ячейка». Состоит из трех помещений, расположенных по одной оси: сени – проходная жилая келья – дополнительная келья.

К двухпролетным секциям относятся следующие планировочные схемы:

6. «Скитская ячейка». Здание делится несущей стеной по ширине на две неравные половины, в большей размещаются сени с проходом в две жилые кельи, в меньшей – черные сени, кухни, мастерские.

7. «Келья-тройня» (определение В. Балдина). Здание делится несущей стеной по ширине на две неравные половины, в большей размещаются сени и жилая келья, в меньшей – мастерская.

8. «Ячейка глаголем». Состоит из жилой кельи и соединенных с ней с двух сторон (но не анфиладно, а буквой «Г») подсобной кельи и сеней.

9. «Т-образная ячейка». Состоит из двух жилых келий, расположенных одна за другой по ширине здания, объединенных одними сенями, размещенными по ширине здания.

10. «Ячейка коридорного типа». Состоит сеней и жилой кельи, но вход в сени – из общего коридора, идущего по всей длине здания, разделенного капитальными стенами с дверными проемами на отсеки. Это уже переходный тип к планировкам братских келий XVIII в.

11. Крайне редко для братских келий встречается тип планировочной ячейки с «внутрестенным нужником». Состоит из жилой кельи и сеней, в наружной стене которых находится помещение «отхода».

Типовые для каждого корпуса ячейки объединялись в здание братских келий также разнообразными способами. В объемно-пространственных структурах братских корпусов существуют следующие варианты компановки ячеек: симметричное и несимметричное (прилож. 9, табл. VII).

Для симметричного соединения характерны следующие варианты:

1. Соединение «брусом» (определение М.Красовского). Две ячейки примыкают друг к другу сенями, имеют между ними общую стену.
2. Соединение вокруг лестницы. Сени двух секций примыкают с двух сторон к стенам лестничной клетки, но не связаны с ней дверными проемами.
3. Зеркальное соединение. Две секции (как правило, однопролетные), соединяются зеркально, относительно общей капитальной стены.

При несимметричной компановке встречаются следующие варианты:

4. Последовательное соединение. К общей капитальной стене примыкает с одной стороны келья одной ячейки, с другой – сени следующей ячейки.

5. Сложное соединение. В одну линию соединены ячейки разных типов.
6. Соединение «глаголем». Две ячейки соединены с частичным сдвигом вдоль торцевой стены.

Однако планировочная схема келейного корпуса включала в себя не только ряд типовых ячеек, но и подсобные хозяйственные помещения, которые, как правило, размещались в пристройках со стороны хозяйственного двора. Для всех братских келейных зданий существуют общие планировочные принципы:

- В сени первого этажа вели два входа, с соборного и хозяйственного дворов, т.е. сени были проходными.
- Входы в отхожие места, хозяйственные тамбуры, дровяники, топочные и другие хозяйственные помещения, осуществлялись из сеней.
- Топка печей велась из сеней или топочных тамбуров.
- Типовые ячейки соединялись торцевыми стенами, окна в жилой келье для однопролетной ячейки были с двух сторон.

Следует выделить и такую составляющую объемно-пространственной структуры братских келий, как коммуникационные узлы. Существовали различные варианты их решения, но все приемы исходили из уже названных выше основных планировочных принципов: изолированности каждой келейной ячейки и секционности здания.

Для одноэтажного здания изолированность решалась простым способом, а именно, достаточно было устроить отдельные входы в каждые сени и тамбуры пристроек.

Для двухэтажного здания известны такие основные группы коммуникационных узлов, как внутрстенные и междустенные лестницы, наружные лестницы, крыльца и галереи. Лестницы могли быть внутренними и наружными, иметь набор дополнительных помещений: сени, тамбуры, площадки, чуланы. Основным требованием остается изолированность. При расположении келий на двух этажах, входы в каждую келью устраиваются изолированно от других (рис. 3.3, 3.4).

Итак, можно сделать вывод о достаточно большом разнообразии объемно-планировочных структур братских келий при строгом соблюдении довольно жестких канонических правил монастырского строительства, существовавших в XVII веке.

Планировочные схемы братских келейных корпусов соответствующим образом отражались на фасадах. Основными приемами декоративной системы были:

- Дифференциация декора фасадов по их ориентации – на соборную площадь или на хозяйственный двор (рис. 3.5, 3.6).
- Поэтажная дифференциация декора фасадов (рис. 3.7).
- Деление фасада лопатками, которые отмечали положение поперечных несущих стен, т.е. выявляли на фасаде планировочную схему здания.
- Соответствие группировки и отделки проемов расположению помещений различного назначения (рис. 3.8).
- Отсутствие междуэтажных тяг при довольно развитых венчающих карнизах.
- Наличие узких продухов-окошек в уровне чердака (рис. 3.9, 3.10).

Позднее, в XVII-XIX веках, с появлением слуховых чердачных окон, эти продухи закладывались.

Собственно, все эти признаки характерны, в той или иной степени, для келейных корпусов любой функции, а для братских келий существенно то, что фасадный декор повторяется в каждой секции.

Все вышеназванные признаки братских келий имеет хорошо сохранившийся южный братский корпус Троицкого Зеленецкого монастыря (середина 1680-х гг.). Некоторые перепланировки XIX века не мешают видеть первоначальную объемно-планировочную композицию, которая относится к соединенным зеркально вокруг лестницы двухуровневым кельям-тройням. А именно, на первом этаже размещались жилые кельи с сенями и чуланами (четыре секции), а на втором – мастерские (палата для послушания), каждая на всю длину секции. Входы на лестницы были из сеней. Пристройка со

стороны хозяйственного двора с отхожими местами, топочными и дровяниками была одноэтажной, только для жилых помещений, со входами из сеней (рис. 3.11, 3.12).

К этому же типу принадлежат двухэтажные северные братские кельи Успенского тихвинского монастыря (1692 г.) и более ранний также двухэтажный корпус северных братских келий Ново-Спасского монастыря в Москве (1644 г.). Только входы московского корпуса на второй этаж были организованы внешними крыльцами, в отличие от внутрискладных лестниц построек тихвинского и зеленецкого монастырей.

Одноэтажные клиросские кельи Успенского тихвинского монастыря (1687 г.) относятся к более распространенному типу последовательного (или зеркального) соединения клетских ячеек. Таковы, в частности, келейные корпуса второй половины XVII в. Ипатьевского (Кострома), Данилова (Переславль-Залесский), Ново-Спасского (Москва), Пафнугьев-Боровского (Боровск) (рис. 3.13), Николаевского (Красный Холм), Николо-Перервинского (Подмосковье) монастырей.

К редкому типу ячеек «келья-тройня», объединенным вокруг лестницы по двум этажам относится планировка восточного корпуса (серед. 1680-х гг.) Троицкого Зеленецкого монастыря (рис. 3.14). Планировочные схемы этого типа имеют более ранние корпуса Троице-Сергеевой лавры, Спасо-Преображенского Соловецкого монастырей, т.е. московского региона, поэтому можно предположить наличие среди строителей Зеленецкого монастыря московских мастеров или, по крайней мере, их знакомства с архитектурой вышеназванных монастырей.

Что касается келейных корпусов Троицкого Александро-Свирского монастыря, выстроенных «оградой» во второй половине XVII в., то они были сильно перестроены в XIX веке. Однако по результатам визуального осмотра можно с достаточной степенью уверенности определить их как однопролетные, соединяющие клетские, анфиладные и кельи-двойни (рис. 3.15, 3.16). В остальных монастырях рассматриваемого региона (Введенский

Тихвинский, Никольский и Успенский Старо-Ладожские, Введенский Оятский, Антониев-Дымский и малые тихвинские комплексы) во второй половине XVII в. келейные здания были деревянными.

Система и характер фасадного декора келейных корпусов отличается от структуры декора монастырских храмов. Для храмового строительства, в котором принимали участие мастера разных городов средневековой Руси, характерно большее следование среднерусским образцам. Келейные же здания строились преимущественно местными мастерами, в их декоре видна новгородская интерпретация форм кирпичного декора. Обязательным было соблюдение стилевого единства фасадного декора келейной периметральной застройки даже для зданий, построенных с разницей в 20-30 лет. Так, например, единым стилем, при разнообразии деталей, обладает кирпичный декор корпусов внутреннего каре зданий Успенского тихвинского монастыря, выстроенных с 1668 года (Казенные кельи, первый этаж) по 1692 год (Северные братские кельи) (рис. 3.17).

3.2. Больничные кельи

Для монастырских больничных келий второй половины XVII века при разнообразии типов объемно-планировочных структур существовали, тем не менее, общие и обязательные композиционные приемы:

- Объединение в одной постройке церковного объема и больничных палат с подсобными помещениями (рис. 3.18).
- Устройство планировочно-функционального зонирования по вертикали (поэтажно).
- Изолирование пространства церкви и больничных палат разными входами (рис. 3.19).
- Наличие дополнительного входа в церковь извне монастырского комплекса, со стороны монастырской ограды или хозяйственного двора; возможно, из-за того, что во время эпидемий церковь обслуживала не только монастырь.

- На второй этаж здания, в сени или притвор перед церковью вело крыльцо или наружная лестница (рис. 3.20).
- Оконные проемы больничных палат были ориентированы на главный монастырский собор.
- Декор фасадов, выходящих на соборный двор или иную монастырскую площадь, был богаче, нежели декор фасадов, выходящих на хозяйственные дворы.

Типология объемно-планировочных композиций больничных келий XVII века в их развитии разрабатывалась в 1998 г. архитектором-реставратором Е.П. Варакиным. По опубликованной им классификации для больничных келий второй половины XVII столетия были характерны следующие компоновочные решения: симметрично-распашная композиции и композиция «кораблем» [60, с. 134, 153].

Для симметрично-распашной композиции блокировки объемов корпуса характерна группировка вокруг церкви помещений больничных келий, т.е. собственно больничных палат, сеней, жилых келий, кладовых, «ретирад-отходов», это основной набор помещений. В здании больничных келий могла находиться и богадельня. Т.е. здание больничных келий сочетало в себе несколько функций, лечебную, карантинную, жилую, церковную, гостиничную, что отражалось как в местоположении постройки в монастырском комплексе, так и в объемно-планировочной структуре

К этому типу композиционного решения принадлежит наибольшее количество монастырских больниц XVII века. Одно из первых зданий такого вида это больничные кельи с церковью Зосимы и Савватия Троице-Сергиевой лавры 1637 г. (рис. 3.21). Затем хорошо известны больничные кельи с церковью Евфимия Великого Кирилло-Белозерского монастыря 1644 г. (рис. 3.22), больничные кельи с церковью преп. Иоанна Лествичника Саввино-Сторожевского монастыря 1655 г. (разобраны в 1782 г.) и больничные палаты Новоиерусалимского монастыря 1698 г. (рис. 3.23, 3.24). Больничные кельи с церковью Ильи Пророка Пафнутьев-Боровского монастыря имеют

симметричную композицию, но с блокировкой помещений по диагонали (рис. 3.25, 3.26).

Для композиции «кораблем» характерно расположение церкви и собственно больничного корпуса по одной оси «запад-восток». К этому типу относятся больничные кельи Успенского монастыря Александровой слободы, построенные в конце XVII века (рис. 3.27), больничные кельи с церковью Иакова Боровичского Валдайского Иверского монастыря, также относящиеся к концу XVII столетия (рис. 3.28).

В монастырях юго-восточного Приладожья каменные больничные кельи второй половины XVII века сохранились только в Успенском тихвинском и Троицком Александро-Свирском монастырях. Оба здания принадлежат к первому композиционному типу, симметрично-распашной блокировки помещений.

Больничные кельи в церковь 12 апостолов Успенского тихвинского монастыря выстроены в 1680 г. бригадой тихвинских камешников под руководством тихвинского «подмастерья каменных дел» Якова Агапитова и достаточно хорошо сохранились [60, с. 148]. Здание включено в восточную линию периметральной застройки вокруг Успенского собора (рис. 3.29).

Двухсветная церковь, бесстолпная квадратная в плане, расположенная в центре корпуса, слегка выдвинута на восток и имеет два входа с хозяйственного монастырского двора, с юга и севера. Основной вход в церковь – по первому этажу, через притвор, изолированно от входов в больничные палаты с сенями, находящиеся симметрично по сторонам церкви. Первый этаж в документах XVII века назывался «две больницы каменные» или «нижние кельи», в отличие от верхнего этажа, который назывался «над болницами палаты каменные жилые с сенми», «верхние полаты», «верхние полаты от келий» [60, с. 141].

В палаты второго этажа входили через наружное крыльцо. Архитектура здания сложилась под влиянием более ранних построек ансамбля. Так, церковь завершали три ряда кокошников, московский мотив, идущий еще от

завершения Успенского собора 1615 г., и поддержанный в архитектуре Покровской церкви трапезной палаты 1585 г. и церкви Вознесения с приделом Федора Стратилата на Святых воротах 1600 г. (рис. 3.30). Фасадный декор и церкви и палат продолжает стилистику декора келейных корпусов монастыря: килевидные наличники оконных проемов второго этажа и дверных порталов, поребрик и бегунок в карнизах (рис. 3.31).

В самом конце 1690-х годов объемно-планировочная схема тихвинских больничных келий была успешно повторена в Новоиерусалимском монастыре, возможно, это связано с переходом архимандрита Боголепа из Новоиерусалимского в Успенский тихвинский монастырь в 1697 г. и вероятной отправкой в Новоиерусалимский монастырь тихвинского «подмастерья» Якова Агапитова [60, с. 154].

Каменные комплексы XVII века Введенский в Тихвине и Троицкий Зеленецкий, а также малые тихвинские монастыри больничных палат не имели. Возможно, в небольших монастырских комплексах больничные палаты занимали несколько помещений в келейных корпусах или были постройками из дерева, располагавшимися внутри монастырского двора.

В Александро-Свирском Троицком монастыре здание больничных келий частично утрачено. Оно было выстроено в 1688 году и находилось в западной части северных корпусов ограды [1, с. 34]. Сами больничные кельи утрачены, но иконография и расположение проемов церкви позволяют предположить симметричный тип композиции больничного комплекса, с четырьмя кельями, двумя сенями и церковью у средних палат [1, с. 14].

Церковь Иоанна Дамаскина были выстроены в 1716 г. [3, с. 65]. бесстолпная одноапсидная постройка была крыта на четыре ската и имела одну небольшую главу (рис. 3.32). Архитектура объема, созданного в начале XVIII века, выполнена в традициях XVII столетия, это разбивка лопаток, луковичная глава, декор из поребрика и бегунка [1, с. 64]. Пояс ширинок отвечает декору более ранних построек комплекса, трапезной палаты и Троицкого собора. Сохранившиеся наличники, по исследованиям Е.В.

Кондратьевой [82, с. 105], принадлежат к декору, характерному именно для юго-восточного Приладожья (рис. 3.33)

3.3. Настоятельские, игуменские, архимандричьи кельи

Настоятельские (игуменские, архимандричьи) корпуса строятся в монастырях с момента их возникновения, как правило, еще в деревянной застройке комплексов. Смена деревянных келейных корпусов каменными, начавшаяся в первой половине XVII в., имела некоторые закономерности, проявлявшиеся практически во всех монастырях, как в объемно-планировочных, так и в композиционных принципах.

Планировочные особенности настоятельских келий как монастырских зданий XVII в. таковы:

- Размещение здания вблизи Святых ворот, планировочная связь с надвратной церковью, возможно использование надвратной церкви в качестве домовой для настоятеля (рис. 3.34).
- Расположение жилых покоев настоятеля на втором этаже, в то время как на первом находятся монашеские кельи, хозяйственные кладовые, т.е. помещения, функционально ориентированные на весь монастырь.
- Деление внутреннего пространства здания продольной стеной по всем этажам на две неравные части: большая, состоявшая из жилых и представительских комнат, всегда была обращена к соборному двору; меньшая, в которой располагались чуланы, сени, лестницы, «отходы», ориентировалась на хозяйственный двор (рис. 3.35).
- Анфиладность обеих половин второго этажа. В отличие от изолированности секций монашеских келий братских корпусов, здесь сохранилась планировочная структура, характерная для жилых палат средневековой знати, в которых существовали помещения как изолированные, так и последовательно расположенные (рис. 3.36).
- Устройство «палатки», каменной или деревянной, над несколькими помещениями второго этажа, обычно в центре здания (рис. 3.37).

- Расположение внутривенных лестниц таким образом, чтобы обеспечить возможность попадания на второй этаж как с соборного, так и с хозяйственного дворов.

- Размещение «отходов» (ретирад) не в пристройках, а внутри стены, обращенной к хозяйственным дворам (3.38).

В монастырях рассматриваемого региона каменные настоятельские кельи в XVII в. были выстроены в Успенском тихвинском и Александровском Троицком монастырях. Игуменские кельи Введенского тихвинского, старолadoжских и Троицкого зеленецкого монастырей во второй половине XVII столетия были деревянными.

Настоятельские кельи Успенского тихвинского монастыря выстроены в 1686 г. бригадой тихвинских каменщиков под руководством Ивана Оптекирева, в приходе-расходной монастырской книге он назван подмастерьем [8, с. 17]. На чертеже спорных земель Ивана Зеленина и Петра Евстафьева 1678 г. на этом месте показаны деревянные игуменские кельи (рис. 3.39). Двухэтажный каменный объем сохранил, несмотря на многочисленные перестройки свою планировочную структуру и фрагменты декора, что позволило выполнить в 1980-х годах реставрацию здания.

Архимандричьи кельи Успенского тихвинского монастыря имеют как общие, вышеперечисленные, планировочные черты, так и композиционные приемы, присущие только этому зданию. Такими особенностями являются:

- Разделение корпуса по первому этажу сводчатым проездом на два флигеля (рис. 3.40).

- Использование одного помещения сеней первого этажа для входа на главную лестницу (в комнаты настоятеля) и как сеней кельи на первом этаже, возможно, канцелярского помещения.

Система фасадного декора соответствует кирпичному декору, распространенному во второй половине XVII века в юго-восточном Приладожье [82, с. 107]. Западный фасад имеет скромный декор, дверные проемы без порталов, но арка проезда с киотом и небольшие окна на лестницу

оживляют плоскость стены. Восточный фасад, выходящий на соборный двор, декорирован богаче, с большим набором деталей наличников. Подчеркнуто выделены портал и наличник оконного проема в главные сени. Однако, декор Архимандричьих келий все же проигрывает по рисунку декору находящихся рядом Казенных келий, выстроенных в 1676 г. более опытным тихвинским подмастерьем Яковом Агапитовым (3.41).

Настоятельские кельи Троицкого Александро-Свирского были выстроены в начале 1680-х годов, в составе «каменной ограды» из двухэтажных корпусов, которые составили замкнутое каре вокруг Троицкой церкви, Покровской церкви с трапезной палатой и звонницей [1, с. 32]. Постройка размещалась в середине западной линии каре зданий. Кельи сохранились в очень перестроенном виде, можно сказать только, что объем первого этажа разделялся проездной аркой, фиксирующей дорогу от Спасо-Преображенского монастыря. На первом этаже, в просторных сводчатых однопролетных помещениях первоначально находились монастырские мастерские. В составе помещений второго этажа, собственно покоев игумена, входила домовая церковь, от которой сохранились своды с распалубками.

В целом, размещение настоятельских келий в монастырских комплексах рассматриваемого региона и периода и их объемно-планировочные структуры имеют вариации композиций корпусов этого времени и той же функции в монастырях новгородской и московской земель.

3.4. Казначейские, казенные кельи

Особенностью казначейских келий XVII века является своеобразное сочетание в одном здании жилой и «административной» функций. В монастырских комплексах такие корпуса размещались в ряду келейной застройки, ближе к западной линии.

Характерные черты планировок таких келий:

- Сочетание в корпусе складских и подсобных помещений на первом этаже с жилыми и «деловыми» помещениями второго этажа. Функциональная ориентация первого этажа на весь монастырь (рис. 3. 42).

- Разделение входов на первый и второй этажи при помощи крылец или галерей с крыльцами.
- Разделение планировочной структуры жилого этажа на две части, секции, для двух хозяев, с похожим набором помещений, с отдельными входами и подобной, но не повторяющейся планировкой. Возможно разделение секций в объемах здания (рис. 3.43).
- Сочетание в планировке второго этажа жилых и «деловых» помещений.
- Устройство «отхожих мест» в наружной стене или пристройке, обращенной на хозяйственный двор, отдельно для каждой секции (рис. 3.44).

В монастырских комплексах рассматриваемого региона в XVII веке были выстроены несколько зданий подобной функции. Это казенные кельи 1678 г. и казначейские кельи 1686 г. Успенского тихвинского монастыря, казначейские кельи 1688 г. Троицкого Зеленецкого монастыря. В остальных монастырях келейные корпуса такого рода были деревянными.

Казначейские кельи Троицкого Зеленецкого монастыря при соблюдении основных планировочных принципов имеют оригинальную объемную композицию. Они состоят из двух объемов разной ширины, двухэтажного и трехэтажного, соединенных по второму этажу сенями (рис. 3.45, 3.46). В монастырской описи 1734 г. приводится описание корпуса: две кельи казначейских каменных ж под теми кельями кладовая полата два погреба летних каменные» [22, с. 151]. Более подробные сведения об объемно-планировочной структуре здания дает опись 1739 г.: палата о трех апартаментах, состоят в оградной стене, мерою в длину на 14, в ширину на 5 сажень. В тех палатах покоев: келья казначейская, вторая брацкая, печь образцовая, вторая кирпичная. Промежду теми кельями двои сени, да в нижнем апартаменте две палаты кладовые холодные, два погреба летних» [22, с. 151]. А опись 1771 г. называет не упомянутое в ранних документах помещение третьего этажа: в верхнем апартаменте кладовая одна в ней всякие вещи» [22, с. 152]. Казенная келья соединялась лестницей с кладовой палатой

и проходом в стене с кладовой же палаткой над северными воротами. Отхожие места для обеих келий размещались рядом, в наружной, северной, стене с выходом в них из сеней.

Двухэтажные келарские кельи Успенского тихвинского монастыря выстроены с соблюдением основных планировочных приемов этого типа зданий (рис. 3.47). Первый этаж отдан под складские помещения, второй этаж состоит из двух секций, судя по описям – келаря и эконома [22, с. 154].

При разнице в построении объемов и фасадном декоре этих двух зданий, типовые признаки у них очень похожи. В строительстве зеленецкого корпуса принимали участие тихвинские каменщики. Подобная планировка почти точно повторена в казначейских кельях 1680-х годов Иверского Валдайского монастыря (рис. 3.48).

Более ранние казенные кельи Успенского тихвинского монастыря имеют меньше типовых признаков, нежели постройки 1680-х годов (рис. 3.49). Вероятно, это связано с тем, что в нем не предполагалось жилых помещений. Первоначально он был одноэтажным и представлял собой две параллельные анфилады небольших комнат, по всей вероятности, кладовых. Вторым этапом над ним были надстроены две небольшие одностолпные палаты, вход в которые осуществлялся с наружного крыльца (рис. 3.50), [12, с. 58].

3.5. Выводы по третьей главе

1. Келейные корпуса монастырских комплексов юго-восточного Приладожья обладают композиционно-планировочными приемами как общими для монастырской архитектуры XVII века, так и специфическими, соответствующими конкретному монастырю или региону.

2. На строительстве монументальных сооружений монастырей юго-восточного Приладожья в XVII в. работали мастера из средней России, иногда из Москвы, в то время как келейные корпуса и небольшие церкви строили, в основном, местные мастера.

3. Для застройки XVII в. монастырских комплексов характерно стилевое единство келейных корпусов, выстроенных даже с разницей в 20 - 30 лет, а также преемственность их фасадного декора от декора более ранних монастырских построек.

4. Основные типовые признаки планировочных структур братских келейных корпусов: секционность; изолированность каждой ячейки в корпусе; входы в каждую ячейку для первого этажа с двух сторон здания; расположение жилых помещений со стороны соборного двора, а чуланов, дровяников, мастерских, «нужных» мест со стороны хозяйственного двора.

5. Основные типовые признаки планировочных структур больничных келий: объединение в одной постройке церковного объема и больничных палат с подсобными помещениями; устройство планировочно-функционального зонирования по вертикали (поэтажно); изолирование церкви и больничных палат разными входами; наличие дополнительного входа в церковь извне монастырского комплекса, со стороны монастырской ограды или хозяйственного двора; поэтажное изолирование помещений крыльцом или наружной лестницей; ориентация оконных проемов больничных палат на главный монастырский собор.

6. Основные типовые признаки планировочных структур архимандричьих, игуменских, настоятельских келий: размещение здания вблизи Святых ворот, планировочная связь с надвратной церковью; расположение жилых покоев настоятеля на втором этаже, в то время как на первом находятся монашеские кельи, хозяйственные кладовые, т.е. помещения, функционально ориентированные на весь монастырь; деление внутреннего пространства здания продольной стеной по всем этажам на две неравные части: большая, состоявшая из жилых и представительских комнат, обращена к соборному двору; меньшая, в которой располагались чуланы, сени, лестницы, «отходы», ориентирована на хозяйственный двор; анфиладность обеих половин второго этажа; возможность устройства «палатки», каменной или деревянной, над несколькими помещениями второго

этажа; расположение внутростенных лестниц таким образом, чтобы обеспечить возможность попадания на второй этаж как с соборного, так и с хозяйственного дворов; размещение «отходов» (ретирад) не в пристройках, а внутри стены, обращенной к хозяйственным дворам.

7. Основные типовые признаки планировочных структур казенных, казначейских келий: сочетание в корпусе складских и подсобных помещений на первом этаже с жилыми и «деловыми» помещениями второго этажа; функциональная ориентация первого этажа на весь монастырь; разделение входов на первый и второй этажи при помощи крылец или галерей с крыльцами; разделение планировочной структуры жилого этажа на две части, секции, для двух хозяев, с похожим набором помещений, с отдельными входами и подобной, но не повторяющейся планировкой, возможно разделение секций в объемах здания; сочетание в планировке второго этажа жилых и «деловых» помещений; устройство «отхожих мест» в наружной стене или пристройке, обращенной на хозяйственный двор, отдельно для каждой секции.

Глава 4. Проблемы сохранения средневековых монастырских комплексов при адаптации к современным условиям

Исследователь А.С. Щенков не так давно сформулировал современное положение, в котором находится область охраны культурного наследия: «XXI в. – во многом принципиально новый период в культурной жизни общества, и это неизбежно отражается на проблеме сохранения наследия и реставрации памятников культуры. Происходят культурные трансформации всего мирового сообщества, вступающего в эру глобализма, что затрагивает и нашу страну» [128, с. 20]. Сторонами этой проблемы являются быстро развивающееся паломничество и светский туризм, а также новые современные подходы к устройству монастырского хозяйствования и к условиям жизни современного монашества. Основной задачей в этой ситуации является сохранение специфической архитектуры русских монастырских ансамблей, развивавшихся в течение многих веков. При приспособлении существующих в разной степени сохранности средневековых монастырских комплексов, это условие сложно выполнить, особенно, учитывая наблюдающиеся в настоящее время тенденции расширения социально-культурной роли монастырей.

Монастырские комплексы, как правило, являются объектами культурного наследия. Одновременно с этим значением, они являются местом жизни современных церковных организаций. Конечно, на действующие монастыри накладываются государством соответствующие обременения и обязанности, но существующие органы контроля за сохранностью памятников не всегда успевают проследить за их выполнением. Отношения в области сохранения, использования и государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) напрямую связаны с землепользованием и градостроительной деятельностью, поэтому регулируются кроме закона № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 с внесенными изменениями, еще и земельным законодательством

РФ и законодательством РФ о градостроительной и архитектурной деятельности. В рамках этого законодательства разработаны и действуют подзаконные акты: земельный, градостроительный и водный кодексы, инструкции о разработке зон охраны объектов культурного наследия. Существует и система согласования и утверждения проектной документации по реставрации и приспособлению памятников истории и культуры.

Из этого следует, что работа по сохранению и использованию памятников, тем более, монастырских ансамблей, является видом деятельности комплексным, включающим в себя различные стороны, научные, реставрационные, строительные и т.д. Однако в настоящее время довольно редко приходится видеть комплексные проекты реставрации и приспособления монастырей, чаще работы идут по отдельным зданиям.

Примеров продуманной комплексной реставрации с приспособлением последнего времени за сравнительно короткое время, по продуманной программе при профессиональном качественном надзоре можно назвать Валдайский Иверский монастырь (рис. 4.1) и Новоиерусалимский монастырь (рис. 4.2).

Достаточно часто работами по приспособлению зданий комплекса к современным условиям занимается сам монастырь, так называемым «хозспособом». В этом случае не всегда может быть профессионально решена противоречивая задача совмещения таких параметров как сохранение «подлинного» и устройство «удобного» без ущерба для памятника. К тому же часто появляется желание воссоздать тот или иной значимый объект, не имея к этому достаточных научных данных. В результате появляются необоснованные воссоздания, которые современным обществом воспринимаются как подлинные и идентичные, например, воссоздаваемый в Вологодской области комплекс Синозерской пустыни (рис. 4.3). Таким образом, формируется новая, ничем не обоснованная история строительства и архитектуры средневековой Руси.

В этой ситуации основополагающими моментами при адаптации монастырских комплексов к современным условиям представляются следующие требования:

- сохранение системы исторического функционального зонирования монастыря. Необходимые добавляемые современные зоны должны быть встроены в существующую структуру, сохраняя историческую планировочную композицию и историческую функциональную систему каждого монастыря;

- сохранение «подлинного» в комплексе, начиная от ансамблевых признаков, и заканчивая каждым отдельным монастырским строением, будь то собор или монастырский амбар. К подлинным факторам может быть отнесено: исторические конструкции и исторические строительные и отделочные материалы разных периодов существования памятника; историческая объемно-планировочная структура здания; исторические системы фасадного декора и сам декор, росписи на фасадах и в интерьерах и.т.д. Для ансамблей подлинным являются планировочная схема комплекса, историческое благоустройство.

Вышеперечисленное «подлинное» должно являться предметом охраны, зафиксированным в соответствующих документах государственными органами охраны объектов культурного наследия, но далеко не для всех памятников это правило соблюдено.

4.1. Изменения в функциональном зонировании комплексов

В настоящее время происходят серьезные изменения в функциональном зонировании действующих монастырских комплексов. В связи с появлением новых функций в современных монастырях, увеличивается перечень необходимых для них помещений. Новыми видами деятельности для монастырей являются просветительско-музейная и туристическая, в сочетании с увеличенной паломнической. Увеличиваются площади инфраструктуры обслуживания и новых форм хозяйствования (производственные площади).

В существующих монастырских зданиях, как правило, охраняющихся как памятники истории, культуры и архитектуры, необходимое количество служб разместить не всегда удастся. Поэтому, большое значение приобретают те функциональные зоны, которые не играли заметной роли или вообще отсутствовали в монастырях, формировавшихся в течение XVI – XIX веков. Это гостиничная, социально-культурная, просветительская, социально-бытовая, производственная и рекреационная зоны. К этим зонам при адаптационном проектировании должны предъявляться определенные ограничения. Классификация современного монастырского зонирования частично основана на работе С.В. Ильвицкой, посвященной балканским монастырям [130, с. 108 - 110].

- Гостиничная зона. Частично может располагаться на территории комплекса в исторических гостиничных корпусах, но большая часть должна быть размещена за пределами основного ансамбля. Такое зонирование отвечает и существовавшему в XVIII – XIX вв. обычаю. Возможно приспособление служебных и жилых корпусов хозяйственной монастырской зоны, расположенной вне ограды. Для современных балканских монастырей характерна связь гостевой и входной зоны; строительство гостиниц, мотелей, кемпингов, кафе и ресторанов, торговых киосков, ярмарок, стоянок для машин, иногда – устройство туристической деревни [130, с. 110]. В той или иной степени, чаще стихийно, возле действующих российских монастырей в последние десятилетия формируется подобная зона, однако, лучше, если это процесс происходит по продуманному плану (рис. 4.4). Новое строительство, регулируемое режимами, вблизи комплекса возможно.

- Социально-культурная зона. В нее входят помещения музеев, музейных фондов, а также выставочные залы, хранилища для ценных монастырских реликвий. В этой же зоне должны находиться экскурсионно-паломнические службы, торговые киоски, кассы и санузлы. Может располагаться частично на территории монастыря, в исторических зданиях,

частично – во входной зоне, в которой допустимы временные сооружения (рис. 4.5).

- Просветительская зона. К ней относятся библиотеки, архивы, теологические учебные заведения. Часть этих помещений исторически находится в зданиях, включенных в периметральную застройку соборного двора, но часть может быть выведена за основной комплекс. Как правило, территория, на которой находятся учебные заведения, монастырские архивы и т.д., должна быть закрыта от посещения паломнических и туристических групп, требование уединенности должно соблюдаться при адаптационном проектировании (рис. 4.6). Некоторые из этих функций можно вписать в келейные корпуса с минимальными современными внедрениями, например, библиотечные читальные залы, компьютерные центры, небольшие конференц-залы. Сюда же можно отнести действующие в некоторых монастырях воскресные школы, детские клубы, православные медицинские центры.

- Социально-бытовая зона. В нее входят кухни, пекарни, прачечные, бани, больницы с больничной церковью, богадельни с церковью или часовней, трансформаторные подстанции, котельные и другие инженерные сооружения. Эта зона примыкает к жилой зоне и хозяйственным дворам. В настоящее время по сравнению с историческим зонированием смещена по направлению к хозяйственной зоне. Например, средневековые больничные кельи с церквями, исторически находившиеся в периметральной жилой застройке, сейчас чаще используются как музейные помещения, выставочные или фондовые, а богадельни выносятся за хозяйственные дворы. В валдайском Иверском монастыре инженерные сооружения (газовая котельная и трансформаторная подстанция), а также гаражи были вписаны в комплекс воссозданных построек хозяйственного двора к югу от монастыря (рис. 4.7). Сохранено место хозяйственного комплекса, функция, форма, изменен материал – вместо дерева – кирпич. Котельная для Успенского тихвинского

монастыря выстроена в хозяйственной зоне возле Духовного училища к востоку от монастырского ансамбля (рис. 4.8).

- **Производственная зона.** В ней размещаются мастерские иконописные и художественные, декоративно-прикладного искусства, ткацкие и вышивальные, керамические, резьбы по дереву и т.д., небольшие типографии и печатные мастерские. Некоторые мастерские могут занимать корпуса исторической жилой зоны периметральной застройки, некоторые располагаться в служебных корпусах хозяйственных дворов.

- **Рекреационная зона.** Может занимать территории как внутри монастырских дворов, так и вне их, ближе к гостевой и входной зонам. В ней могут находиться фрагменты монастырских садов, кроме братских и настоятельских, пруды для разведения рыбы, огороды лекарственных трав, деревья декоративные и плодовые, кустарники, малые архитектурные формы. Так, во Введенском тихвинском монастыре дипломный проект СПбГАСУ 2012 г. под руководством канд. арх. Возняк Е.Р. предлагает сочетание рекреационной и входной зон (рис. 4.9).

Анализируя перечисленные тенденции, видно, что при современной функциональной системе монастырского комплекса происходит частичное наложение одних зон на другие, например, братские, казначейские, настоятельские и другие подобные исторические корпуса могут в современных условиях находиться как в жилой, так и в социально-культурной, просветительской или производственной зоне.

Сохранение основных принципов формирования плановой композиции необходимо для каждого ансамбля, новое зонирование должно с охранять и дополнять историческое. Новое строительство в исторических монастырских комплексах допустимо только на местах утраченных построек. Кроме того, при проектировании, особенно на территориях внутри комплексов, необходимо соблюдать обязательное требование уединенного уклада монашеской жизни. Для решения этой задачи одним из основных приемов

является разведение людских потоков, дублирование входов в комплекс, устройство новых входных зон, автостоянок и санузлов.

Уникальностью организации архитектурного пространства монастырских ансамблей является как бы «интерьерное» решение внутренних хозяйственных дворов, между жилой периметральной застройкой и монастырской оградой, что дает дополнительные возможности для современного зонирования, например узкие хозяйственные дворы Спасо-Преображенского Соловецкого, Успенского Тихвинского, Саввино-Сторожевского и других монастырей в современной монастырской жизни могут иметь самую различную функцию, от садов и экспозиционных помещений до хозяйственных (рис. 4.10, 4.11).

При адаптации монастырских комплексов в России можно использовать положительный опыт балканских монастырей, а именно сохранение самобытной архитектуры при строительстве современной качественной инфраструктуры (дороги, гостиницы и обслуживание), благоустройство территории [130, с. 260]. Для каждого монастырского комплекса рекомендуется составление программы его развития, в которой вначале следует выявить его историческую социально-функциональную основу (см. 1 главу, прил. 5, табл. III) и определить потенциальные возможности его адаптации. Например, Успенский Богородичный монастырь в Тихвине исторически был крепостью, мемориальным (почитание иконы Тихвинской Богородицы), ремесленно-торговым и владельцем земельных вотчин. В настоящее время сохранилась и развивается функция хранения иконы Тихвинской Богородицы, следовательно, в большей степени развиваются паломническая, туристическая и связанная с ними гостиничная функции, а также музейная и ремесленно-торговая. С учетом того, что монастырь находится в городе, некоторые функции, связанные с туризмом и музейной деятельностью, могут быть размещены в городской среде. Напротив, Троицкий Зеленецкий монастырь всегда был в большей степени малым лесным монастырем и до сегодняшних дней сохранил свою связь с почти не

изменившимся ландшафтом. В этом случае целесообразно сохранить атмосферу пустыни, действующего монастыря и ограничить посещение комплекса небольшими группами, для проживания которых достаточно небольшой гостиницы, воссозданной на месте здания XIX века.

По такой приблизительно схеме можно предлагать варианты дополнительного зонирования для приспособляемых исторических монастырских комплексов.

4.2. Проблемы сохранения подлинного при адаптации исторических зданий

При адаптации построек монастыря к современным условиям самое важное и самое трудное в исполнении – это сохранение подлинного в дошедших до нас постройках, являющихся как памятниками архитектуры и истории, так и «живыми» монастырскими строениями. Историческая объемно-планировочная структура здания, размеры и связь помещений представляют ценность здания как объекта культурного наследия и именно к этим параметрам должна быть подобрана соответствующая новая функция. По этой же причине исключается выбор функции, требующей в будущем расширения.

Монастырские ансамбли наилучшим образом подходят для решения комплексных задач реставрации и приспособления. При наличии построек различного назначения и неоднородной художественной и исторической ценности имеется возможность сочетать реставрационные и функциональные требования. Казалось бы естественно, что реставрация и приспособление памятника должны решаться одновременно и быть взаимоувязанными, но, к сожалению, на практике это встречается далеко не всегда. Например, приспособление келейных корпусов Александро-Свирского Троицкого монастыря проходит без реставрационных работ и даже без обследований (хотя бы предварительных) (илл. 4.12, 4.13).

Адаптация памятника к современным условиям, наделение его современной функцией – одно из средств сохранения объекта культурного

наследия, условие его жизнеспособности. Требуется максимальное уважение к памятнику, обязательное сохранение подлинного. При реконструкции недопустимо уничтожение подлинных исторических архитектурных фрагментов, например, стен, сводов, лестниц. Воссозданные формы, в отличие от подлинного, не имеют культурной, художественной и исторической ценности, не являются объектом культурного наследия. Если предлагаемое приспособление требует утраты подлинных конструкций или архитектурных деталей, следует изменить современную функцию. Приоритет при работах на объекте культурного наследия должен быть у памятника, задачи современной реконструкции должны быть вторичны по отношению к памятнику.

Идеальным вариантом является совпадение первоначальной функции здания с современной, но даже и в этом случае, как правило, требуется провести некоторые строительные работы, хотя бы введение инженерных сетей. Для келейных корпусов возможны перепланировки с использованием перегородок из современных материалов; вынос сантехнических помещений или лестничных клеток в существующие или воссоздаваемые пристройки; прокладка инженерных коммуникаций с минимальным штрабливанием стен, по поверхности конструкций (илл. 4.14, 4.15). Очень осторожно следует относиться к использованию современных систем вентиляции, кондиционирования, теплым полам. Необходимые расчеты требуется производить для каждого памятника отдельно, понимая, что любое историческое здание за несколько веков стало обладать уникальным температурно-влажностным режимом.

Например, трапезные палаты очень сложно адаптировать к современным требованиям и нормам проектирования столовых. На первый взгляд, функция не меняется, но набор помещений и алгоритм их использования для XVII века не совпадает с технологиями XXI столетия. Помещения первоначальных трапезных возводились для общих трапез (с церковью в одном объеме) и хранения утвари; на первом этаже размещались печи, хранение муки, пекли просфоры, иногда хлеб. Еда готовилась в

поварнях, которые строились рядом с трапезными палатами, как правило, к западу от них, первыми из каменных зданий комплекса. Когда в настоящее время начинается приспособление помещений второго, реже первого этажей под кухню, современные технологические положения требуют большие внедрения коммуникаций и, в итоге, появляются серьезные утраты в подлинных конструкциях. Поэтому в зданиях средневековых трапезных палат с церквями не рекомендуется устраивать кафе, рестораны, столовые, хотя иногда историческая объемно-планировочная структура позволяет выполнить необходимые адаптационные мероприятия, например, в трапезной палате Валдайского Иверского монастыря (рис. 4.16, 4.17).

Для монастырских храмов функция не меняется, но остаются проблемы, связанные с инженерным обеспечением, особенно с современным способом отопления. Сложнее всего устроить необходимый температурно-влажностный режим в холодных соборах, сохранивших фресковые росписи (рис. 4.18, 4.19).

В практике реставрационных работ бывают примеры воссоздания исторической формы с сохранением более подлинной, но поздней формы, как в случае смены формы глав Троицкого собора Свято-Троицкого Зеленецкого монастыря. Воссозданные без достаточных на то оснований луковичные главы на первоначальный образ храма законсервировали в себе исторические конструкции глав XIX в. (рис. 4.20).

Воссоздания утраченных завершений храмов, глав с барабанами, как правило, кроме функциональной задачи имеют и градостроительное значение. В структуре исторических поселений храмы и колокольни являлись градостроительными доминантами (рис. 4.21).

Однако в настоящее время появилась новая опасность, не менее важная, нежели частичные утраты подлинных форм и конструкций в объектах культурного наследия. Происходят большие изменения в той области общественной исторической памяти, которая связана с историческим наследием. Возникает большое количество воссозданных без достаточных на то научных обоснований объектов. Например, Троицкий собор Антониев –

Дымского монастыря (Ленинградская область), строения Синозерской пустыни (Вологодская область) (рис. 4.22). По выражению исследователя А.С. Щенкова: «До недавнего прошлого у реставратора была одна задача: раскрыть и представить объект наследия в его подлинности или достоверности. Предполагалось, что дальше общество воспримет отреставрированный памятник, опираясь на вполне устойчивую систему историко-культурных представлений. Оказывается, что дело намного сложнее: реставратор должен готовить памятник к диалогу с совершенно иначе подготовленным потребителем. Ложные интерпретации оказываются вполне масштабной угрозой» [128, с. 22].

Поэтому именно сейчас очень важны общественные и, главное, профессиональные обсуждения проектов реставрации и приспособления, в особенности для средневековой «многослойной» архитектуры, обсуждения на уровне региональных и федеральных методических советов.

4.3. Выводы по четвертой главе

1. Современные тенденции расширения социально-культурной роли монастырей требуют создания современных подходов к устройству монастырского хозяйствования и к условиям жизни современного монашества. При этом адаптация построек монастырских комплексов, являющихся объектами культурного наследия, к современным условиям в настоящее время чаще всего происходит хаотично, не имея комплексных ансамблевых решений.

2. Системы исторического функционального зонирования монастырских комплексов при адаптации построек к условиям действующих православных монастырей дополняются необходимыми современными функциональными зонами, которые или вообще отсутствовали в средневековых монастырях или не играли значительной роли. К ним относятся гостиничная, социально-культурная, просветительская, социально-бытовая, производственная и рекреационная зоны.

3. Дополнительные современные функциональные зоны должны быть встроены в историческую планировочную структуру, не нарушая ее композиционных принципов. При адаптационном проектировании к ним должны предъявляться определенные ограничения.

4. Большое значение при реставрационных работах в действующих монастырях приобретает фактор сохранения подлинного: конструкций, материалов, архитектурных форм, отделки и т.д.

5. При адаптации исторических построек к современной жизнедеятельности приоритетными в выборе функции для здания должны быть интересы памятника, максимальная сохранность подлинных его элементов.

6. В современных условиях очень важны общественные и профессиональные обсуждения проектов реставрации и приспособления монастырских комплексов на стадии «проектных предложений», в особенности для средневековой «многослойной» архитектуры, обсуждения на уровне региональных и федеральных методических советов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ВЫВОДЫ

Во всем многообразии дошедшей до нашего времени архитектуры средневековой Руси монастырские комплексы занимают главенствующее место. В данной работе были изучены 44 монастырских комплекса центральной и северо-западной Руси, созданные в XVI-XVII столетиях.

Обобщение данных библиографических, архивных источников, натуральных изысканий позволяет сделать следующие выводы:

1. Средневековый монастырский комплекс был сложным архитектурно-пространственным организмом, части которого были связаны между собой идейно-символически, функционально и композиционно. Поскольку в течение всего XVI и XVII веков в построении монастырей соблюдались принципы универсальной средневековой модели, их планировочные приемы, в основном, были подчинены единым закономерностям. Но влияние таких предпосылок, как географическое и топографическое местоположение комплексов, экономические и социальные условия, а также личностные взгляды основных заказчиков вносили свои особенности, поэтому каждый средневековый монастырь имел свою оригинальную планировочную композицию.

2. Монастырские комплексы юго-восточного Приладожья были основаны в течение XVI века как комплексы деревянных построек, окончательная архитектурно-пространственная структура их в камне сложилась к концу XVII века. Анализ планировочных типов монастырей рассматриваемого региона по вышеприведенным факторам дает следующую наиболее часто встречающуюся формулировку: монастырь митрополичий, мужской, владеющий земельными вотчинами; большее количество монастырских комплексов имеет вблизи посад (городской тип), следующий по распространенности – монастырь в ландшафте (лесной); по социальной функции большее количество монастырей представляют собой мемориалы в сочетании с ремесленно-торговой и усадебной функцией. Такой тип является также наиболее частым для русского монастыря XVII века.

3. В классификации планировочной структуры по основному звену, формирующему пространственную композицию комплекса, определены следующие закономерности:

- в монастырях, возникших в XVI веке и закрепивших в XVII веке раннюю планировочную композицию, основным звеном является главный собор; таковы Богородичный Успенский и Введенский монастыри в Тихвине, Александро-Свирский Преображенский монастырь, а также Успенский и Никольский в Старой Ладогe, возникшие вокруг приходских соборов XII века;
- в монастырях, изменивших в XVII веке первоначальную планировочную композицию, основным звеном является или соборная площадь, или группа культовых зданий; таковы Александро-Свирский Троицкий монастырь и Троицкий Зеленецкий монастырь;
- для монастырей юго-восточного Приладожья преобладающей композицией является комплекс с собором в центре: 6 из 11 ансамблей; такая же ситуация с московскими монастырями – 6 из 12 ансамблей. В то же время среди новгородских и северных монастырей преобладает композиция, которую формирует группа культовых зданий: 6 из 13 комплексов.

4. На композиционный замысел двух монастырей: Троицкого Зеленецкого и Александро-Свирского Троицкого оказал влияние новгородский митрополит Корнилий.

5. Для всех архитектурно-пространственных композиций монастырских комплексов XVII века в той или иной степени характерно сочетание высоких храмов и окружающей их двухэтажной, реже – трехэтажной, келейной застройки.

6. Церковное зодчество монастырей юго-восточного Приладожья в основе своей имеет типологию и традиции новгородского зодчества первой половины XVI в. Связь юго-восточного Приладожья с Новгородом сохранялась и после присоединения его к Москве, так как монастыри, расположенные на его территории, входили в новгородскую епархию.

7. Архитектура монастырских соборов и значимых церковных построек XVII в. юго-восточного Приладожья формировалась под влиянием взглядов заказчиков – новгородских митрополитов, игуменов и настоятелей монастырей. Три монастырских собора, выстроенных в последней четверти XVII века, принадлежат к группе построек, в которых проявилась личность заказчика, новгородского митрополита Корнилия. Монастырские храмы 1680-1690-х годов юго-восточного Приладожья имеют общие черты объемно-планировочной композиции: широкие западные нефы при почти полном отсутствии восточного нефа, постановка восточной пары малых глав частично на алтарные своды, частично на подпружные арки, асимметрия пятиглавия.

8. Собор Введения Богородицы Введенского тихвинского монастыря, выстроенный в начале XVII века, имеет в своей объемно-пространственной структуре черты, которые позднее развились в планировке соборов 1680-1690-х годов юго-восточного Приладожья.

9. На строительстве монументальных сооружений монастырей юго-восточного Приладожья в XVII в. работали мастера из средней России, иногда из Москвы, в то время как келейные корпуса и небольшие церкви строили, в основном, местные мастера.

10. Трапезные палаты с церквями середины – второй половины XVII века в монастырях юго-восточного Приладожья в основе своей имеют объемно-планировочную структуру новгородских монастырских трапезных XVI столетия, но каждая из них обладает самобытными чертами. Так, планировочная композиция трапезной палаты с церковью Благовещения Троицкого Зеленецкого монастыря при почти точном совпадении состава помещений изменена для образа жизни малого монастыря; а церковь Рождества Богородицы Введенского монастыря имеет две апсиды и упрощенный состав трапезной палаты.

11. Изразцовый и кирпичный фасадный декор монастырских храмов рассматриваемого региона имеет и общие, и отличительные черты по

сравнению с декоративными формами и системами новгородской и московской архитектуры второй половины XVII века.

12. Декоративные приемы, набор элементов фасадного декора более ранних построек каждого монастыря учитывался при строительстве последующих зданий, участвуя в создании стиля ансамбля, разного для каждого комплекса.

13. Постройки Троицкого Зеленецкого монастыря имеют самобытный фасадный изразцовый и кирпичный декор, отличающийся как от московского варианта изразцового декора, характерного для этого времени, так и от новгородского. Для зданий Зеленецкого монастыря изразцовый фасадный декор изготавливался на месте строительства, мастерские были организованы новгородским митрополитом Корнилием на основе мастерской Валдайского Иверского монастыря.

14. Келейные корпуса монастырских комплексов юго-восточного Приладожья обладают композиционно-планировочными приемами как общими для монастырской архитектуры XVII века, так и специфическими, соответствующими конкретному монастырю или региону.

15. Для монастырской застройки XVII в. характерно стилевое единство келейных корпусов, выстроенных даже с разницей в 20 - 30 лет, а также преемственность их фасадного декора от декора более ранних монастырских построек.

16. Разработана классификация секционных братских келейных каменных корпусов XVII века по следующим признакам: пролетность, компоновка жилых и хозяйственных помещений в первичных ячейках, способ соединения ячеек в секции.

17. Основные типовые признаки планировочных структур больничных келий: объединение в одной постройке церковного объема и больничных палат с подсобными помещениями; устройство планировочно-функционального зонирования по вертикали (поэтажно); изолирование церкви и больничных палат разными входами; наличие дополнительного входа в церковь извне монастырского комплекса, со стороны монастырской ограды

или хозяйственного двора; поэтажное изолирование помещений крыльцом или наружной лестницей; ориентация оконных проемов больничных палат на главный монастырский собор.

18. Основные типовые признаки планировочных структур архимандричьих, игуменских, настоятельских келий: размещение здания вблизи Святых ворот, планировочная связь с надвратной церковью; расположение жилых покоев настоятеля на втором этаже, в то время как на первом находятся монашеские кельи, хозяйственные кладовые, т.е. помещения, функционально ориентированные на весь монастырь; деление внутреннего пространства здания продольной стеной по всем этажам на две неравные части: большая, состоявшая из жилых и представительских комнат, обращена к соборному двору; меньшая, в которой располагались чуланы, сени, лестницы, «отходы», ориентирована на хозяйственный двор; анфиладность обеих половин второго этажа; возможность устройства «палатки», каменной или деревянной, над несколькими помещениями второго этажа; расположение внутростенных лестниц таким образом, чтобы обеспечить возможность попадания на второй этаж как с соборного, так и с хозяйственного дворов; размещение «отходов» (ретирад) не в пристройках, а внутри стены, обращенной к хозяйственным дворам.

19. Основные типовые признаки планировочных структур казенных, казначейских келий: сочетание в корпусе складских и подсобных помещений на первом этаже с жилыми и «деловыми» помещениями второго этажа; функциональная ориентация первого этажа на весь монастырь; разделение входов на первый и второй этажи при помощи крылец или галерей с крыльцами; разделение планировочной структуры жилого этажа на две части, секции, для двух хозяев, с похожим набором помещений, с отдельными входами и подобной, но не повторяющейся планировкой, возможно разделение секций в объемах здания; сочетание в планировке второго этажа жилых и «деловых» помещений; устройство «отхожих мест» в наружной

стене или пристройке, обращенной на хозяйственный двор, отдельно для каждой секции.

20. Современные тенденции расширения социально-культурной роли монастырей требуют создания современных подходов к устройству монастырского хозяйствования и к условиям жизни современного монашества. При этом адаптация построек монастырских комплексов, являющихся объектами культурного наследия, к современным условиям в настоящее время чаще всего происходит хаотично, не имея комплексных ансамблевых решений.

21. Системы исторического функционального зонирования монастырских комплексов при адаптации построек к условиям действующих православных монастырей дополняются необходимыми современными функциональными зонами, которые или вообще отсутствовали в средневековых монастырях или не играли значительной роли. К ним относятся гостиничная, социально-культурная, просветительская, социально-бытовая, производственная и рекреационная зоны.

22. Дополнительные современные функциональные зоны должны быть встроены в историческую планировочную структуру, не нарушая ее композиционных принципов. При адаптационном проектировании к ним должны предъявляться определенные ограничения.

23. Большое значение при реставрационных работах в действующих монастырях приобретает фактор сохранения подлинного: конструкций, материалов, архитектурных форм, отделки и т.д. При адаптации исторических построек к современной жизнедеятельности приоритетными в выборе функции для здания должны быть интересы памятника, максимальная сохранность подлинных его элементов.

Список использованной литературы

1. Александро-Свирский комплекс. / Архив ОАО СПб НИиП «НИИ Спецпроектреставрация». – Д. 1182-I. – Историческая справка А.А. Корниловой. – 1978.
2. Александро-Свирский монастырь. Троицкий собор. / Архив ОАО СПб НИиП «НИИ Спецпроектреставрация». – Д. 410. – Архитектурно-археологический обмер Е.В. Кондратьевой. – 1971.
3. Александро-Свирский комплекс. Троицкий собор. / Архив ОАО СПб НИиП «НИИ Спецпроектреставрация». – Д. 1182-II. – Историческая справка А.А. Корниловой. – 1978.
4. Александро-Свирский комплекс. Проектное предложение. / Архив ОАО СПб НИиП «НИИ Спецпроектреставрация». – Д. 3139. – Альбом иллюстраций к исторической справке. Сост. Н.В. Мурашова. – 1985.
5. Альбом иллюстраций к исторической справке по Александро-Свирскому монастырю. / Архив ОАО СПб НИиП «НИИ Спецпроектреставрация». Сост. А.А. Корнилова. – Д. 3139. – 1979 – 1985.
6. Ансамбль Успенского монастыря в пос. Старая Ладога. Волховского района Ленинградской области. / Архив ОАО СПб НИиП «НИИ Спецпроектреставрация». – Д. 4258. – Историческая справка Е.Е. Глухой. – 1971.
7. Архимандричьи кельи Тихвинского Успенского монастыря. / Архив ОАО СПб НИиП «НИИ Спецпроектреставрация». – Д. 1097. – Архитектурно-археологический обмер М.В. Степанова, Т.Н. Пятницкой. – 1978.
8. Архимандричьи кельи Тихвинского Успенского монастыря. / Архив ОАО СПб НИиП «НИИ Спецпроектреставрация». – Д. 3259. – Историческая справка В.В. Фомина. – 1985.
9. Больничные кельи с церковью 12 апостолов. / Архив ОАО СПб НИиП «НИИ Спецпроектреставрация». – Д. 3262. – Архитектурно-археологический обмер Е.В. Варакина. – 1985.
10. Больничные кельи Тихвинского Успенского монастыря. / Архив ОАО СПб НИиП «НИИ Спецпроектреставрация». – Д. 3083. – Историческая справка В.В. Фомина. – 1985.
11. Казенные кельи Тихвинского Успенского монастыря. / Архив ОАО СПб НИиП «НИИ Спецпроектреставрация». – Д. 578. – Архитектурно-археологический обмер К.А. Степанова. – 1975.
12. Казенные кельи Тихвинского Успенского монастыря. / Архив ОАО СПб НИиП «НИИ Спецпроектреставрация». – Д. 575. – Историческая справка Л.В. Степановой. – 1975.

13. Келарские кельи Тихвинского Успенского монастыря. / Архив ОАО СПб НИиП «НИИ Спецпроектреставрация». – Д. 4494. – Архитектурно-археологический обмер Т.А. Кругловой. – 1988.
14. Келарские кельи Тихвинского Успенского монастыря. / Архив ОАО СПб НИиП «НИИ Спецпроектреставрация». – Д. 3179. – Историческая справка В.В. Фомина. – 1985.
15. Святые врата и Вознесенская церковь Тихвинского Успенского монастыря. / Архив ОАО СПб НИиП «НИИ Спецпроектреставрация». – Д. 2744. – Историческая справка В.В. Фомина. – 1984.
16. Северные братские кельи Тихвинского Успенского монастыря. / Архив ОАО СПб НИиП «НИИ Спецпроектреставрация». – Д. 2863. – Историческая справка В.В. Фомина Т.Н. – 1985.
17. Старая Ладога. Церковь Иоанна Предтечи XVII в. / Архив ОАО СПб НИиП «НИИ Спецпроектреставрация». – Д. 2068. – Историческая справка М.А.Гурьевой, Г.Г. Яковлевой. – 1982.
18. Тихвинский Успенский монастырь. Иконография монастыря. Р. II, т. II / Архив ОАО СПб НИиП «НИИ Спецпроектреставрация». – Д. 438. – Альбом иконографии. Сост. М.И. Мильчик. – 1973.
19. Трапезная Александро-Свирского монастыря. / Архив ОАО СПб НИиП «НИИ Спецпроектреставрация». – Д. 643. – Эскизный проект А.Н. Милорадовича. – 1976.
20. Трапезная с Покровской церковью Тихвинского Успенского монастыря. / Архив ОАО СПб НИиП «НИИ Спецпроектреставрация». – Д. 2942. – Историческая справка В.В. Фомина. – 1984.
21. Троицкий Зеленецкий монастырь в пос. Зеленец Волховского района Ленинградской области. Проектные предложения по реставрации и приспособлению ансамбля. – Д. 4247. – 1989.
22. Троицкий Зеленецкий монастырь в пос. Зеленец Волховского района Ленинградской области. / Архив ОАО СПб НИиП «НИИ Спецпроектреставрация». – Д. 3662. – Историческая справка В.В. Фомина. – 1987.
23. Успенский тихвинский монастырь. / Архив ОАО СПб НИиП «НИИ Спецпроектреставрация». – Д. Историческая справка (12 томов) Л.В. Степановой. – 1975. – 1980.
24. Южные кельи Тихвинского Успенского монастыря. / Архив ОАО СПб НИиП «НИИ Спецпроектреставрация». – Д. 1892. – Архитектурно-археологический обмер Е.В. Варакина. – 1981.

25. Южные кельи Тихвинского Успенского монастыря. / Архив ОАО СПб НИИП «НИИ Спецпроектреставрация». – Д. 2427. – Историческая справка В.В. Фомина. – 1983.

* * *

26. Бередников Я.И. Историко-статистическое описание первоклассного Тихвинского Богородицкого большого мужского монастыря, состоящего Новгородской епархии в городе Тихвине. – СПб. : Типография Департамента Внешней Торговли, 1859. – 177 с.

27. Зверинский В.В. Православные монастыри в Российской империи. / Репринтное издание текста 1890-1897. Книги I-III. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2005. – с. 1015

28. Монастыри. Энциклопедический справочник. – М. : Издательство Московской Патриархии, 2000. – с.464. : илл.

29. Павловский А.А. Всеобщий иллюстрированный путеводитель по монастырям и святым местам Российской Империи и Афону. / Переиздание текста 1907 г. – POSSEV-USA, 1988. – 112 с. : илл.

30. Памятники архитектуры московской области. / ВПНРК. Под общей ред. Е.Н. Подъяпольской. – Каталог в двух томах. – М. : Искусство, 1975. – 376 с. + 326 с. : илл.

31. Памятники архитектуры московской области. / Центральные научно-реставрационные проектные мастерские. Под общей ред. Е.Н. Подъяпольской. – Иллюстрированный научный каталог в двух томах. – М. : Стройиздат, 1998. – 287 с. + 276 с.: илл.

32. Ратшин А. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквях в России. / Реставрация текста издания 1852 г. – М. : Книжная палата, 2000. – 592 с.

33. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Владимирская область. Часть 1. – М. : Наука. 2004. – 752 с. : илл.

34. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Тверская область. Части 1, 2. – М. : Наука, 2006. – 741 с. + 815 с. : илл.

35. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Смоленская область. – М. : Наука, 2001. – 741 с. + 646 с. : илл.

* * *

36. Алферова Г.В. К вопросу о строительной деятельности патриарха Никона. // Архитектурное наследство. – М., 1969. – № 18. – с. 30 – 44.

37. Алферова Г.В. Ансамбль Крестного монастыря на Кий-острове. // Архитектурное наследство. – М., 1976. – № 24. – с. 83 – 93.
38. Алферова, Г.В. Каргополь и Каргополье. – М. : Стройиздат, 1973. (Центральный научн.-исслед. ин-т теории и истории архитектуры). – 190 с. : илл.
39. Аренкова Ю.И., Мехова Г.И. Донской монастырь. – М. : Искусство, 1970. – 160. : илл.
40. Балдин В.И. Архитектурный ансамбль Троице-Сергиевой лавры. – М. : Искусство, 1976. – 144 с. : илл.
41. Баталов А.Л., Вятчина Т.Н. Об идейном значении и интерпретации иерусалимского образца в русской архитектуре XVI-XVII веков. // Архитектурное наследство. – М., 1988. – № 36. – с. 22 – 42.
42. Бобков К.В., Шевцов Е.В. : Символ и духовный опыт православия. – М. : ТОО «ИЗАН», 1996. – с. 25-49.
43. Бондаренко И.А. Идеальная композиция древнерусского города. // Архитектура мира. – М., 1996. - № 5. – с. 22 – 28.
44. Бондаренко И.А. Личность в зодчестве Древней Руси. // Архитектура мира. – М., 1995. – № 4. – с. 55 – 58.
45. Брунов Н.И. Очерки по истории архитектуры. – М. : «Центрполиграф», 2003. – с. 398+541.
46. Бусева-Давыдова И.Л. Некоторые особенности пространственной организации древнерусских монастырей. // Архитектурное наследство. – М., 1986. – № 34. – с. 201 - 207.
47. Бусева-Давыдова И.Л. О роли заказчика в организации строительного процесса на Руси в XVII в. // Архитектурное наследство. – М., 1988. – № 36. – с. 45 – 53.
48. Бусева-Давыдова И.Л. Символика архитектуры по древнерусским письменным источникам. // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 2. XVI - начало XVIII веков – М., 1989. – с. 279 - 308.
49. Бусева-Давыдова И.Л. Декор русской архитектуры XVII в. и проблема стиля. // Архитектурное наследство. – М., 1995. – № 38. – с. 39 - 49.
50. Бусева-Давыдова И.Л. «Свое» и «чужое» в русской культуре XVII века // Искусствознание. – М., 1998. – № 2/98. – с. 271 – 302.
51. Бусева-Давыдова И.Л. Царь-зодчий: легенды и действительность (конец XVII - начало XVIII в. // Архитектура в истории русской культуры. Вып. 4. Власть и творчество. М., 1999. – с. 79 - 86.

- 52.** Бусева-Давыдова И.Л. Москва как Иерусалим и Вавилон: соотношение сакральных топосов. // Искусствознание. – М., 1999. – № 1/99. – с. 59 - 76.
- 53.** Бусева-Давыдова И.Л. Кремль и монастырь: к типологии архитектурных ансамблей.: Кремли России: Тезисы докладов всероссийского симпозиума. – М., 1999. – с. 10-11.
- 54.** Бусева-Давыдова И.Л. Представления о символике храма в культуре Древней Руси (по письменным источникам). // Архитектурное наследство. – М., 2001. – № 44. – с. 3 - 18.
- 55.** Бусева-Давыдова И.Л. «Старое» и «новое» как категории русской культуры XVII века // Искусствознание. – М., 2002. – № 1/02. – с. 204 – 219.
- 56.** Бусева-Давыдова И.Л. К проблеме канона в православном храмостроении. : Христианское зодчество. Новые материалы и исследования. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – с. 63 – 72.
- 57.** Бусева-Давыдова И.Л. О так называемом запрете шатровых храмов патриархом Никоном. // Патриарх Никон и его время. Труды Государственного Исторического Музея. – М., 2004. – вып. 139. – с. 2 – 42.
- 58.** Бусева-Давыдова И.Л. Культура и искусство в эпоху перемен. Россия семнадцатого столетия. – М. : Индрик, 2008. – с. 364. : илл.
- 59.** Бычков В.В. Русская средневековая эстетика XI-XVII веков. – М. : Мысль, 1995. – с. 637. : илл.
- 60.** Варакин Е.П. Тип больничных келий с храмом в ряду монастырских больниц северо-запада России : Духовное, историческое и культурное наследие Кирилло-Белозерского монастыря. К 600-летию основания. – СПб., 1998. – с. 130 – 156.
- 61.** Варакин Е.П., Пятницкая Т.Н. Архитектурные исследования Филиппо-Ирапской Свято-Троицкой пустыни. : Духовное, историческое и культурное наследие Кирилло-Белозерского монастыря. К 600-летию основания. – СПб., 1998. – с. 157 – 174.
- 62.** Вдовиченко М.В. Смоленский Успенский собор XVII века: типология, хронология, стиль. // Архитектурное наследство. – М., 2007. – № 48. – с. 134 - 148.
- 63.** Вдовиченко М.В. Архитектура больших соборов XVII в. – М. : Индрик, 2009. – с. 400. : илл.
- 64.** Вельманс Т., Корач В., Шупут М.. Византийский мир. Храмовая архитектура и живопись. – М. : Белый город, 2006. – с. 528. : илл.
- 65.** Воронов Н., Сахарова И. Новые материалы об архитектурном ансамбле Иосифо-Волоколамского монастыря. // Архитектурное наследство. – М., 1956. - № 6. – С. 107 – 131.

66. Выголов В.П. Надвратные храмы древней Руси (проблемы эволюции и происхождения). : Памятники русской архитектуры и монументального искусства: столица и провинция. – М., 1994. – с. 3 – 36.

67. Вятчанина Т.Н. Исихазм и раннемосковское зодчество. // Архитектура в истории русской культуры. Желанное и действительное. – М. : Едиториал УРСС. – 2002. – вып. 3. – с. 35 – 48.

68. Вятчанина Т.Н. Архитектурная традиция и пути русского благочестия во втор. пол. XV – пер. пол. XVI вв. (к проблеме взаимопонимания). : Христианское зодчество. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – с. 85 – 90.

69. Вятчанина Т.Н. Некоторые тенденции духовно-религиозного сознания второй половины XVII века и их отражение в храмовом зодчестве // Архитектурное наследие. – М., 2007. – № 48. – с. 118-128.

70. Вятчанина Т.Н. Некоторые особенности замысла и архитектурной судьбы Ново-Иерусалимского монастыря в свете проблем его современного воссоздания. Историческое и внеисторическое. // Реставрация и исследования памятников культуры. – М., 2012. – вып. 5. – с. 19 – 22.

71. Градостроительство Московского государства XVI-XVII веков. Под общей редакцией Гуляницкого Н.Ф. – М. : Стройиздат, 1994. – с. 317 : илл.

72. Григорьев Л.И. Тихвин и его святыня. Описание города, Тихвинского большого монастыря и пребывающей в нем святыни. Переиздание текста 1888. – СПб. : Алаборг, 2010. – с. 48.

73. Жданов А.Е. Исследование и проект реставрации фрагмента западной келейной застройки Соловецкого монастыря. // М., 2013. – вып. № 6. – с.171 – 179.

74. Зеленская Г.М. Патриарх Никон – зодчий Святой Руси. М. : Паломник, 2011. – с. 320. : илл.

75. Иконников А.В. Символика пространственной формы монастырского комплекса. : Монастыри – культурные и духовные центры России и Европы. История и современность: Международная монография. М. : МК РФ, 2003. – с. 39 – 47.

76. Ильин М.А. К истории архитектурной композиции русских монастырей XVII в. (Валдайский Иверский монастырь). : Ежегодник института истории искусств. М., 1954. – с. 279 - 297.

77. Кацнельсон Р. Ансамбль Симонова монастыря в Москве. // Архитектурное наследие. – М., 1956. – № 6. – с. 87 - 106.

78. Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. М. : Аспект Пресс, 1996. – с. 386.

- 79.** Комеч А.И. Древнерусское зодчество конца X - начала XII в. Византийское наследие и становление самостоятельной традиции. М. : Наука, 1987. – с. 320. : илл.
- 80.** Кондратьева Е.В. Факторы, определившие своеобразие зодчества XVI-XVII вв. юго-восточного Приладожья. : Архитектура. Материалы к V конференции молодых ученых-строителей. – Л. : Типография № 3 УПЛ, 1970. – с. 5-10.
- 81.** Кондратьева Е.В. Керамическое убранство зданий бывшего Зеленецкого монастыря. : Архитектура. Материалы к VI конференции молодых ученых-строителей. – Л. : Типография № 3 УПЛ, 1971. – с. 15-20.
- 82.** Кондратьева Е.В. Особенности узорочья в зодчестве Приладожья. : История и теория архитектуры и градостроительства. Межвузовский тематический сборник трудов. – Л., 1980. – с. 99-100.
- 83.** Кондратьева Е.В. . К истории каменного строительства в Александро-Свирском монастыре. : Градостроительство, теория и практика. Межвузовский тематический сборник трудов. – Л., 1983. – с. 46-50.
- 84.** Кондратьева Е.В. Изразцы в декоре сооружений Новгорода и Приладожья (конец XVII – начало XVIII вв.) : Вопросы истории, теории и практики архитектуры. Межвузовский тематический сборник трудов. – Л., 1985. – с. 32-39.
- 85.** Кондратьева Е.В. Создание проекта храма в XVII в. : Вопросы истории, теории и практики архитектуры. Межвузовский тематический сборник трудов. – Л., 1988. – с. 46-53.
- 86.** Кондратьева Е.В. О строительстве храмов по образцу в XVII в. // Новгородский исторический сборник. – СПб., 1993. – вып. 4 (14). – с. 279-301.
- 87.** Красовский. М.В. Очерк истории Московского периода древнерусского церковного зодчества. М. : Типография Г. Лиснера и Д. Собко, 1911. – с.432. : ил.
- 88.** Крушельницкая Е.В. Мартирий Зеленецкий и основанный им Троицкий монастырь. СПб. : Алетейя, 1998. – с. 261.
- 89.** Кудрявцев М.П. Использование рельефа местности в русском градостроительстве на примере Москвы XVII в. // Архитектурное наследство. – М., 1973. – № 21. – с. 3 - 13.
- 90.** Кудрявцева Т.Н. Влияние Кормчей книги на формирование традиций церковного строительства Древней Руси. // Архитектурное наследство. – М., 1995. – № 38. – с. 174 -182.
- 91.** Любимова И.Д. Лопухинские палаты московского Богородице-Смоленского Новодевичьего монастыря: история и реставрация. // Реставрация и исследования памятников культуры. – М., 2013. – вып. № 6. – с.160 - 170.
- 92.** Мансветов И.Д. Церковный устав (типик) его образование и судьба в греческой и русской церкви. М. : Типография М.И. Лаврова и К., 1885. – с. 451.

- 93.** Мельник А.Г. К семантике монастырского сада. // Памятники культуры. Новые открытия. – М., 1996. – с. 517-518.
- 94.** Милорадович А.Н. Нарядчик Игнатий и новгородский мастер Игнатий Салка, или Столыпа. : Вопросы истории, теории и практики архитектуры. Л. : СППО-2 Ленуприздата, 1985. – с. 39-45.
- 95.** Мильчик М.И. Успенский монастырь на миниатюрах рукописей «Сказания об иконе Тихвинской Богоматери». // Памятники культуры. Новые открытия. – Л. : Наука, 1979. – с. 243-255.
- 96.** Мордвинов И.П. Старый Тихвин и Нагорное Обонежье. Исторический очерк. – Тихвин. : изд. Уисполкома, 1925. – 132 с.
- 97.** Некрасов А.И. Очерки по истории древнерусского зодчества XI-XVII вв. – М. : Изд-во Всесоюз. акад. архитектуры, 1936. – 397 с.
- 98.** Новиков С.Е. Эволюция трапезных палат в русских монастырях. // Проблемы истории, теории и практики русской и советской архитектуры. Межвузовский тематический сборник трудов. – Л., 1978. – с. 88-95.
- 99.** Новиков С.Е. Трапезные 2-й половины XVII в. как гражданские сооружения. // Вопросы истории и теории русской и советской архитектуры. Межвузовский тематический сборник трудов. – Л., 1988. – с. 53-59.
- 100.** Одинец Е.Г. О реставрационных работах в Николо-Перервинском монастыре (на примере Старых настоятельских келий) // Реставрация и исследования памятников архитектуры. – М. : Стройиздат, 1990. – вып. 3. – с. 136-139.
- 101.** Оустерхаут Роберт. Византийские строители. – Киев-Москва. : Корвин-Пресс, 2005 г. – 332 с.
- 102.** Павлинов А.М. История русской архитектуры. – М., Типо-литогр. Высоч. утвержд. Т-ва И.Н. Кушнерев Ко, 1894. – 285 с.
- 103.** Панофский Эрвин. Готическая архитектура и схоластика. – Пер. по изд. : Erwin Panofsky. Gothic Architecture and Scholasticism. – N.Y. 1957. – 23 с.
- 104.** Перевезенцев С.В. Русская религиозно-философская мысль XI-XVII вв. – М. : Прометей, 1999. – 431 с.
- 105.** Плужников В.И. Термины российского архитектурного наследия. Словарь-гlossарий. – М. : Искусство, 1995. – 160 с. : илл.
- 106.** Подъяпольский С.С. Кирилло-Белозерский монастырь. – М. : Художник РСФСР, 1979. – 180 с. : илл.

- 107.** Покрышкин П.П. Древние здания в Ферапонтовом монастыре Новгородской губернии». Совместно с К. К. Романовым. // Известия археологической комиссии. СПб, 1908 г.– Выпуск № 28, с. 107 – 155.
- 108.** Попадюк С.С. Теория неклассических архитектурных форм: Русский архитектурный декор. – М. : Эдиториал УРСС, 2009. – 192 с. : илл.
- 109.** Постолаке В.А., Стахин В.Г. Землевладение и экономическая деятельность Ново-Иерусалимского монастыря в свете земельных отношений в России XVII- начала XX в. // Реставрация и исследования памятников архитектуры. – СПб-М. : Изд. дом «Коло», 2012. – вып. 5. – с. 42-50.
- 110.** Пруссак А.О. О положении строительного дела в Московском государстве до конца XVII века. // Зодчий. – СПб, 1914. - № 1 - 2. – с.1 - 14.
- 111.** Пуришев И.Б. Переславль-Залесский. – М. : Искусство, 1970. – 104 с. : илл.
- 112.** Рабинович Г. Архитектурный ансамбль Псково-Печерского монастыря. // Архитектурное наследство. – М., 1956. – № 6. – с. 57-86.
- 113.** Ранинский Ю.В. Загадка Донского монастыря. // Строительство и архитектура Москвы. – М., 1974. - № 5. – с. 28-31.
- 114.** Рябушина И.А. К вопросу о композиции русских монастырей XV-XVII вв. // Архитектурное наследство. – М., 1986. – № 34. – с. 193-200.
- 115.** Седов Вл.В. Митрополиты в старых соборах в XVII в. // Архитектурное наследство. – М., 2001. – № 44. – с. 44 - 48.
- 116.** Седов Вл.В. Новгородские формы собора Зеленецкой пустыни. : IX Филевские чтения. Тезисы конференции. – М., 2006. – с. 82 - 83.
- 117.** Седов Вл.В. О требованиях заказчиков бесстолпных храмов конца XVII века. // Архитектурное наследство. – М., 2007. – № 48. – с. 129 - 133.
- 118.** Секретарь Л.А. Монастыри Великого Новгорода и окрестностей. – М. : Северный паломник, 2011. – 656 с. : илл.
- 119.** Сербина К.Н. Очерки из социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI-XVIII вв. – М.-Л. : Изд-во академии наук СССР, 1951. – 486 с.
- 120.** Сивак С.И. Подмастерье каменных дел Афанасий Фомин: Из истории строительства Валдайского Иверского монастыря. : Архитектурное наследие и реставрация. – М. : Ин-т Спецпроектреставрация, 1984. – с. 236 - 246.
- 121.** Скопин В.В., Щенникова Л.А. Архитектурно-художественный ансамбль Соловецкого монастыря. М. : Искусство, 1982. – 183 с. : илл.
- 122.** Суслов В.В. Памятники древнего русского зодчества. / Репринт издания 1895-1901. – М. : Архитектура-С, 2013. – 464 с. : илл.

123. Тиц А.А. Русское каменное зодчество XVII века. – М. : .Наука, 1966. – 356 с. : илл.

124. Трофимов И.В. Памятники архитектуры Троице-Сергиевой лавры: исследования и реставрация. – М. : Гос. Изд-во лит. По стр-ву, архитектуре и строит. материалам, 1961. – 244 с. : илл.

125. Туманик А.Г. Идеино-символические аспекты архитектуры русского православного храма. : Христианское зодчество. Новые материалы и исследования. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – с. 108 - 125.

126. Ушаков Ю.С. Приемы и закономерности пространственной организации монументальных архитектурных ансамблей русского Севера в XVI-XVII веках. : История и теория архитектуры и градостроительства. Межвузовский сборник. – Л. : СППО-2 Ленуприздата, 1980. – с. 12 - 26.

127. Цапенко М. Архитектура и фрески б. Макарьевского монастыря в Калязине. // Архитектурное наследство. – М., 1952. – № 2. – с. 164-172.

128. Щенков А.С. Интерпретация наследия в международных документах XXI в. // Реставрация и исследования памятников культуры. – М., 2013, – вып. 6. – с. 20-24.

129. Щенков А.С., Вятчанина Т.Н. Об иконографии и тектонике православного храма (опыт содержательной интерпретации архитектурных форм). – М. : НИИТАГ, 1966.

* * *

130. Ильвицкая С.В. Закономерности формирования архитектуры православных монастырских комплексов на примере балканских стран. : диссертация на соискание ученой степени доктора архитектуры по специальности 18.00.02. : «Архитектура зданий и сооружений. Творческие концепции архитектурной деятельности». : защищена 23 ноября 2005. – М., 2005. – 432 с. : илл.

131. Медведева А.А. Русские монастырские сады (Вопросы ландшафтной организации). : диссертация на соискание ученой степени кандидата архитектуры по специальности 18.00.01. : Теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция архитектурного наследия». : защищена 2002. – СПб., 2002. – 251 с. : илл.

* * *

132. Dietrich Conrad. Kirchenbau im Mittelalter. Bauplanung und Bauausführung. – Edition Leipzig., 1968. – с. 457 : ил.

133. Kristina Kruger. Monasteries and monastic orders. – h.f. ullmann., ISBN 978-3-8331-4069-3. – с.432 : илл.

ПЯТНИЦКАЯ Татьяна Николаевна

**Формирование монастырских ансамблей XVII века
юго-восточного Приладожья**

Специальность 05.23.20. – «Теория и история архитектуры,
реставрация и реконструкция архитектурного наследия»

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата архитектуры

Том 2

Научный руководитель:
кандидат архитектуры,
доцент Заяц Инна Сергеевна

Содержание

1. Приложение 1. Список иллюстраций.....	стр. 3
2. Приложение 2. Иллюстративные листы	14
3. Приложение 3. К главе 1.1. Таблица I. Классификация монастырских комплексов по церковно-каноническим признакам....	118
4. Приложение 4. К главе 1.2. Таблица II. Классификация монастырских комплексов по ландшафтно-территориальным признакам.....	120
5. Приложение 5. К главе 1.3. Таблица III. Классификация монастырских комплексов по социальной функции.....	122
6. Приложение 6. К главе 1.5. Таблица IV. Классификация планировочной структуры монастырей XVII в. по основному звену, формирующему пространственную композицию.....	124
7. Приложение 7. К главе 2.1. Таблица V. Монастырские храмы «круга митрополита Корнилия»	128
8. Приложение 8. К главе 3.1. Таблица VI. Типологические схемы келейных ячеек братских корпусов.....	129
9. Приложение 9. К главе 3.1. Таблица VII. Варианты соединения келейных ячеек в корпуса.....	130
10. Приложение 10. К главе 2. Роспись (условие) архимандрита Александро-Свирского монастыря Гермогена	131
11. Приложение 11. К главе 3. Порядные на северные кельи Успенского Тихвинского монастыря.....	135
12. Приложение 12. Словарь архитектурно-строительных и церковных терминов	140
13.Справка о внедрении.....	146

Список иллюстраций

1. Глава 1. Предпосылки формирования архитектурно-пространственной и планировочной композиции монастырей XVII в.

Глава 1.1. Церковно-канонические факторы.

Рис. 1.1. Преподобные Зосима и Савватий Соловецкие. Икона XVIII в. [74, с. 16].

Рис. 1.2. Троице-Сергиева лавра. Проект реставрации 1963 г. (арх. В. И. Балдин). Аксонометрия. [40, с. 82].

Рис. 1.3. Фрагмент клейма цокольной части иконостаса «Осада Тихвинского монастыря шведами (чудо от иконы Тихвинской Богоматери)», 1708-10 гг. [18, с. 40].

Рис. 1.4. Донской монастырь. Гравюра В.П. Красикова. 1967 г. [39, с. 10].

Рис. 1.5. Русская Палестина в XVII веке. Реконструкция Г.М. Зеленской [74, с. 252].

Рис. 1.6. Вид Антониев-Дымского монастыря в 1851 г. [131, с. 15].

Рис. 1.7. Троицкий Зеленецкий монастырь. Гравюра 1814 г. [22, с. 285].

Рис. 1.8. Иверский монастырь на Валдае. Гравюра Макушева 1824 г. [74, с. 72].

Рис.1.9. Крестный монастырь на Кий-острове. Реконструкция Г.В. Алферовой. [37, с. 92].

Рис.1.10. Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь. Гравюра начала XVIII в. [74, с. 151].

Рис. 1.11. Свято Троицкий Спасо-Преображенский монастырь Олонецкой губернии и уезда. Гравюра XIX в. [4, с. 135].

Рис. 1.12. Воскресенский монастырь в Угличе. Фото С.В. Соколова. 2006 г. tempes.ru/card

Рис. 1.13. Михайло-Архангельский монастырь в Великом Устюге. В.П. Шильниковская. Великий Устюг. – М., 1987, с. 107

Рис. 1.14. Свято Троицкий Спасо-Преображенский монастырь Олонецкой губернии и уезда. Гравюра XIX в. [4, с. 131].

Рис. 1.15. Успенский Богородичный Тихвинский монастырь. Проектное предложение реставрации ансамбля. Е. Варакин, Д. Николаева, Т. Пятницкая. Архив ОАО СПб НИИП «НИИ Спецпроектреставрация», д. 536, с.8.

Рис. 1.16. Введенский Тихвинский монастырь. Фрагмент чертежа спорных земель Тихвинских Успенского и Введенского монастырей. 1679 г. [18, с. 18].

Рис. 1.17. Успенский монастырь в Старой Ладогге. Гравюра К. Вейермана. 1840-е – начало 1850-х гг. [6, с. 38].

Рис. 1.18. Панорама Никольского Ладожского монастыря. Н.В. Мальцев, протоиерей Александр Прокофьев, В.А. Булкин. Введение во храм. – СПб. : АО «Славия», 1997. С. 118

Рис. 1.19. Николо-Беседный монастырь (г. Тихвин). Прорись с миниатюры середины XIX в. – Проект зон охраны объектов культурного наследия. Николо-Боровинский и Николо-Беседный монастыри. – ООО «Предприятие «Каменное зодчество», СПб, 2009, с. 26.

Рис. 1.20. Николо-Боровинский монастырь. Фото 1890-1910-х гг. – Проект зон охраны объектов культурного наследия. Николо-Боровинский и Николо-Беседный монастыри. – ООО «Предприятие «Каменное зодчество», СПб, 2009, с. 26.

Рис. 1.21. Панорама Введено-Оятского Островского монастыря. Н.В. Мальцев, протоиерей Александр Прокофьев, В.А. Булкин. Введение во храм. – СПб. : АО «Славия», 1997. С. 90

2. Глава 1.2. Географические и топографические факторы.

Рис. 1.22. Общий вид Псково-Печерского монастыря. Гравюра 1821 г. [112, с. 64].

Рис.1.23. Кирилло-Белозерский монастырь. И.А. Кочетков, О.В. Лелекова, С.С. Подъяпольский. Л., 1979., Рисунок С.С. Подъяпольского. С. 44.

Рис. 1.24. I градостроительный этап Валдайского Иверского монастыря. Реконструкция М.М. Бредовой. Архив ОАО СПб НИиПИ «НИИ Спецпроектреставрация», д. 5168, с.18.

Рис. 1.25. Нижегородский Печерский Вознесенский монастырь. Середина XIX века. Гравюра А.Я. Быстрицкого. – А.И. Давыдов. Нижегородские храмы. – Нижний Новгород, «Кварц». С. 2

Рис. 1.26. Спасо-Преображенский Соловецкий монастырь. Фрагмент историко-культурного опорного плана. Архив ОАО СПб НИиПИ «НИИ Спецпроектреставрация», д. 5682, с. 96.

Рис. 1.27. Симонов монастырь. Реконструкция Р. Кацнельсона. [77, с. 103].

Рис. 1.28. Симонов монастырь. Реконструкция генерального плана на XVII в. Р. Кацнельсона. [77, с. 102].

Рис. 1.29. Успенский собор Валдайского Иверского монастыря. Фото К. Буданцева. 2006 г.

Рис. 1.30. Схема новгородских пятин [80, с. 6] и фрагмент карты СПб губернии XIX в. [22, с. 280].

Рис. 1.31. Свято-Троицкий Зеленецкий монастырь. Фотооткрытка монастыря 2004 г.

Рис. 1.32. Свято-Троицкий Зеленецкий монастырь. Фото 2014 г.

Рис. 1.33. Александро-Свирский Троицкий монастырь. Фото 2014 г. <http://sobory.ru/photo/?photo=64580>,

Рис. 1.34. Введено-Оятский монастырь. Гравюра XIX в. – <http://oyatsky.ru/foto/category/21-istoriia-monastyria.html>

Рис. 1.35. Панорама Антониев-Дымского монастыря в ландшафте. – <http://www.gopiter.ru/piter/helpinfo/dostopr/hramlenobl/1567>

Рис. 1.36. План Большого Тихвинского монастыря. 17747 г. Архитектурии гезель Сляднев. Фрагмент. [18, с. 52].

Рис. 1.37. Фрагмент плана градостроительного регламента г. Тихвина для зон с особыми

условиями использования территории. ООО «НИиПИ СПЕЦРЕСТАВРАЦИЯ», д. 428, с.76.

Рис. 1.38. Схема пос. Старая Ладога с монастырями. [6, с. 32].

Рис. 1.39. Николо-Беседный монастырь, г. Тихвин. Проект зон охраны объектов культурного наследия. – ООО «Предприятие «Каменное зодчество», СПб, 2009, с. 10.

Рис. 1.40. Николо-Боровинский монастырь, г. Тихвин. Проект зон охраны объектов культурного наследия. – ООО «Предприятие «Каменное зодчество», СПб, 2009, с. 21.

3. Глава 1.3. Экономические и социальные факторы.

Рис. 1.41. Троицкий Зеленецкий монастырь. Проект перестройки восточного корпуса. 1886 г. Арх. И. Носков. [22, с. 296].

Рис. 1.42. Успенский тихвинский монастырь, северные братские кельи, южный фасад. Реконструкция автора на 1692 г.

Рис. 1.43. Успенский тихвинский монастырь, северные братские кельи, план 1 этажа. Реконструкция автора на 1692 г.

4. Глава 1.4. Фактор функционального и иерархического зонирования.

Рис. 1.44. Успенский Тихвинский монастырь. Функциональное зонирование комплекса.

Рис. автора.

Рис. 1.45. Общий вид Суздальского Спасо-Евфимиева первоклассного монастыря, литография 1890 г. [131, с. 1].

Рис. 1.46. Успенский Тихвинский монастырь. Миниатюра на л. 135 лицевой рукописи «Служба и сказания о явлении и чудесах Тихвинской иконы Богоматери». Нач. XIX в. [18, с. 42].

Рис. 1.47. Валдайский Иверский монастырь. Гравюра Макушева. 1824 г. [22, с. 286].

Рис. 1.48. Панорама Александро-Свирского Троицкого монастыря. Н.В. Мальцев, протоиерей Александр Прокофьев, В.А. Булкин. Введение во храм. – СПб. : АО «Славия», 1997. с. 76-77

Рис. 1.49. Никольский монастырь на берегу Волхова. Ю.М. Гоголицын, Т.М. Гоголицына. Памятники архитектуры Ленинградской области. – Л. : Стройиздат, 1987. С. 45

Рис. 1.50. Центральная группа зданий Свято-Троицкого Зеленецкого монастыря. Фото В. Калинина, 2009 г.

5. Глава 1.5. Композиция центрального ядра монастырского ансамбля

Рис. 1.51. Изображение Николо-Вяжищенского монастыря. [118, с. 195].

Рис. 1.52. Троице-Гледенский монастырь (Великий Устюг). Общий вид монастыря со стороны города (снимок 1921 г. А.Х. Синельникова). – В.П. Шильниковская. Великий Устюг. – М., 1987, С. 110.

Рис. 1.53. Троице-Гледенский монастырь (Великий Устюг). План комплекса. – В.П. Шильниковская. Великий Устюг. – М., 1987, С. 111.

Рис. 1.54. Ансамбль Александрo-Свирского Троицкого и Спасо-Преображенского монастыря. Сайт Свято-Троицкого Александрo-Свирского мужского монастыря <http://www.svirskoe.ru/index.html>

Рис. 1.55. Центральный комплекс сооружений Михаило-Архангельского монастыря. – В.П. Шильниковская. Великий Устюг. – М., 1987, С. 127.

Рис. 1.56. Введенский монастырь г. Тихвина. Реконструкция на XIX в., арх Е.П. Варакин.

6. Глава 2. Формирование типов церковных зданий монастырей XVII в. юго-восточного Приладожья.

Глава 2.1. Монастырские соборы.

Рис. 2.1. Троицкий собор Свято-Троицкого Зеленецкого монастыря. Южный фасад. Фото 2014 г.

Рис. 2.2. Троицкий собор Свято-Троицкого Зеленецкого монастыря. Керамический портал с храмовой надписью [21, с. 15].

Рис. 2.3. Троицкий собор Свято-Троицкого Зеленецкого монастыря. Палатка над алтарным помещением (дьяконником). Фото 2013 г.

Рис. 2.4. Успенский собор Валдайского Иверского монастыря. Палатка над алтарным помещением [74, с. 135].

Рис. 2.5. Троицкий собор Свято-Троицкого Зеленецкого монастыря. Графическая реконструкция автора. Разрез и план.

Рис. 2.6. Троицкий собор Троицкого Зеленецкого монастыря. Наличник оконного проема южного фасада. Фото автора. 2014 г.

Рис. 2.7. Церковь Иоанна Предтечи. Старая Ладога. [17, с. 46].

Рис. 2.8. Колокольня Свято-Троицкого Зеленецкого монастыря. Фото 2014 г.

Рис. 2.9. Западный фасад трапезной палаты Троицкого Зеленецкого монастыря. Кирпичный декор. Фото 2009 г.

Рис. 2.10. Апсиды Троицкого собора Троицкого Зеленецкого монастыря. Кирпичный декор. Фото 2009 г.

Рис. 2.11. Троицкий собор Александрo-Свирского Троицкого монастыря. Фото 2013 г.

Рис. 2.12. Апсида Троицкого собора Александрo-Свирского Троицкого монастыря. Окна, освещающие палатки над алтарной частью. Фото автора 2014 г.

Рис. 2.13. Собор Введения во храм Пресвятой Богородицы Введенского Тихвинского монастыря. Фрагмент дипломной работы Пятаевой О.Т. 2011 г. под руководством канд. арх. Возняк Е.Р. (СПбГПСУ)

Рис. 2.14. Спасо-Преображенский собор Александрo-Свирского Троицкого монастыря. Фото 2014 г.

Рис. 2.15. Вид Спасо-Преображенского Александро-Свирского монастыря. Гравюра 1850-х гг. Слева – церковь Захария и Елизаветы «иже под колоколы». [17, с. 46].

7. Глава 2.2. Трапезные палаты с церквями.

Рис. 2.16. Трапезная палата Макарьевского монастыря в Калязине. XVI в. Восточный фасад. Реконструкция (музей Академии архитектуры им. Щусева, арх. А.М. Харламова, И.Г. Шульман). М. Цапенко. Архитектура и фрески б. Макарьевского монастыря в Калязине. / Архитектурное наследство № 2. М., 1952 г., с. 167

Рис. 2.17. Трапезная палата с Никольской церковью Михаило-Клопского монастыря. Реконструкция Н.Н. Кузьминой. [118, с. 324].

Рис. 2.18. Трапезная палата с Благовещенской церковью Троицкого Зеленецкого монастыря. Фото 2013 г.

Рис. 2.19. Трапезная палата с Благовещенской церковью Троицкого Зеленецкого монастыря. План подклета (реконструкция автора).

Рис. 2.20. Трапезная палата с Покровской церковью Александро-Свирского Троицкого монастыря. Фото 2013 г.

Рис. 2.21. Интерьер Трапезной палаты Троицкого Зеленецкого монастыря. Фото 2012 г.

Рис. 2.22. Трапезная палата Иверского Валдайского монастыря. Фото 2007 г.

Рис. 2.23. Трапезная палата Иверского Валдайского монастыря. План 1 яруса (основного этажа).

Рис. 2.24. Апсиды церкви Рождества Богородицы трапезной палаты Введенского Тихвинского монастыря. Фото Е. Варакина, 2008 г.

Рис. 2.25. Сбивка лопаток в верхней части северного фасада церкви Рождества Богородицы трапезной палаты Введенского Тихвинского монастыря. Фото Е. Варакина, 2008 г.

Рис. 2.26. Трапезная с церковью Рождества Богородицы Введенского Тихвинского монастыря. Фрагмент дипломной работы Пятаевой О.Т. 2011 г. под руководством канд. арх. Возняк Е.Р. (СПбГАСУ).

8. Глава 2.3. Надвратные церкви.

Рис. 2.27. Гравюра с изображением монастырей Афона, кон. XIX в. Из колл. Е. Варакина.

Рис. 2.28. Надвратная церковь Горицкого монастыря (Переславль-Залесский). Фото Е. Черныш. 2014 г.

Рис. 2.29. Надвратная церковь Ферапонтова монастыря. Фотоальбом Ферапонтов монастырь. <http://www.novodev.narod.ru/ferapontov/ferapontov.html>

Рис. 2.30. Клеймо с гравюры с видом Большого Тихвинского монастыря 1759 г. Гравюра Г.А. Качалова. [22, с. 283].

Рис. 2.31. Троицкий Зеленецкий монастырь. Надвратная церковь Иоанна Богослова. Реконструкция автора.

Рис. 2.32. Свято Троицкий Спасо-Преображенский монастырь Олонецкой губернии и уезда. Фрагмент гравюры XIX в. [4, с. 131].

9. Глава 2.4. Изразцовый и кирпичный фасадный декор.

Рис. 2.33. Фрагмент чертежа проекта реставрации Троицкого собора Александро-Свирского Троицкого монастыря. Автор – А.Н. Милорадович [Архив ОАО СПб НИиП «НИИ Спецпроектреставрация». – Д. 1187].

Рис. 2.34. Фасадный изразец (карнизный валик) Троицкого собора Зеленецкого монастыря. Фото 2011 г.

Рис. 2.35. Изразцы в структуре наличника оконного проема Троицкого собора Зеленецкого монастыря. Фото 2011 г.

Рис. 2.36. Наличник оконного проема трапезной палаты Троицкого Зеленецкого монастыря. Фото 2010 г.

Рис. 2.37. Наличники трапезной палаты Троицкого Зеленецкого монастыря. Фото 2011 г.

Рис. 2.38. Наличник оконного проема южного фасада церкви Рождества Богородицы Каргополя, 1683 г. Фото 2011 г.

Рис. 2.39. Иоанна Предтечи в Толчкове, Ярославль, 1671-1677. <http://www.roadplanet.ru/home/reports/653/>

Рис. 2.40. Наличник оконного проема центральной апсиды Троицкого собора Зеленецкого монастыря. Фото 2013 г.

Рис. 2.41. Троицкий собор Зеленецкого монастыря. Наличники оконных проемов южного фасада. Фото 2013 г.

Рис. 2.42. Новгород. Детинец. Корпус Владычного двора. М.К. Каргер. Новгород. Памятники архитектуры XI – XVII веков. Л., 1975. С.106.

Рис. 2.43. Наличники оконных проемов Троицкого собора Александро-Свирского Троицкого монастыря. Фото 2014 г.

Рис. 2.44. Наличники оконных проемов Спасо-Преображенского собора Александро-Свирского монастыря. Фото 2014 г.

10. Глава 3. Типологические закономерности жилых и административных зданий монастырей XVII в. юго-восточного Приладожья.

Рис. 3.1. Александро-Свирский Троицкий монастырь. Настоятельские кельи расположены в центре западной линии корпусов ограды. Фото автора 2014 г.

Рис. 3.2. Успенский Богородичный Тихвинский монастырь. Житенные кельи расположены в восточной линии корпусов внутреннего каре комплекса. Проектное предложение реставрации ансамбля. Е. Варакин, Т. Пятницкая, Д. Николаева, Е. Черныш. (Архив ОАО СПб НИиП «НИИ Спецпроектреставрация»)

11. Глава 3.1. Братские кельи

Рис. 3.3. Поэтажная изоляция келий. Троице-Сергиева лавра. Предтеченский корпус келий. Реконструкция В.И. Балдина на 1640-е гг. [40, с. 109].

Рис. 3.4. Поэтажная изоляция келий. Ярославль. Спасо-Преображенский монастырь. Келейный корпус. Фото Е. Черныш. 2014 г.

Рис. 3.5. Иверский Валдайский монастырь. Казначейские кельи. Восточный фасад (на соборный двор). Дифференциация декора фасадов. Фото 2007 г.

Рис. 3.6. Иверский Валдайский монастырь. Казначейские кельи. Западный фасад (на хозяйственный двор). Дифференциация декора фасадов. Фото 2007 г.

Рис. 3.7. Успенский Тихвинский монастырь. Северный фасад. Поэтажная дифференциация декора. Фото автора, 2012 г.

Рис. 3.8. Спасо-Прилуцкий монастырь (Вологда). Келья при трапезной палате. Фото автора, 2014 г.

Рис. 3.9. Продухи в верхней (чердачной) части келейных корпусов. Кельи западной ограды Спасо-Прилуцкого монастыря. Фото 2014 г.

Рис. 3.10. Продухи в верхней (чердачной) части келейных корпусов. Успенский Тихвинский монастырь. Южные кельи. Фото 2013 г.

Рис. 3.11. Троицкий Зеленецкий монастырь. Южные братские кельи. Фото 2014 г.

Рис. 3.12. Троицкий Зеленецкий монастырь. Южные братские кельи. План 1 этажа, реконструкция автора.

Рис. 3.13. Пафнутьев-Боровский монастырь (Боровск). Юго-восточные братские кельи. Реконструкция В.Н. Меркеловой. – Пафнутьев-Боровский монастырь (Краткий обзор исследований и реставрации 1955-1975 гг.). / Реставрация и исследования памятников культуры. М., 1982. С. 186.

Рис. 3.14. Троицкий Зеленецкий монастырь. Восточные братские кельи. Реконструкция автора на 1680-е гг.

Рис. 3.15. Западная линия братских келий Александро-Свирского Троицкого монастыря, восточный фасад. Фото 2014 г.

Рис. 3.16. Западная линия братских келий Александро-Свирского Троицкого монастыря, интерьеры. Фото 2014 г.

Рис. 3.17. Успенский Тихвинский монастырь. Декор келейных корпусов. Фото 2013 г.

12. Глава 3.2. Больничные кельи.

Рис. 3.18. Никольская церковь с больничными палатами (1669 г.). Спасо-Евфимиев монастырь Суздаля. Фото Е. Черныш. 2014 г.

Рис. 3.19. Больничные кельи с церковью апостола Андрея Первозванного. Реконструкция на 1678 г. арх. Е. Варакина. [60, с. 150].

Рис. 3.20. Больничные кельи с церковью Иакова Боровичского Валдайского Иверского монастыря. Западное крыльцо на 2 этаж с палатами. Фото 2007 г.

Рис. 3.21. Троице-Сергиева лавра. Больничные кельи с церковью Зосимы и Савватия Соловецких (1637 г.). Фото Е. Крюковой, 2014 г.

Рис. 3.22. Кирилло-Белозерский монастырь. Больничные кельи с церковью Евфимия Великого. (1644 г.). File:Kirillo-Belozersky Evrhimij.jpg / Материал из Wikimedia Commons

Рис. 3.23. Ново-Иерусалимский монастырь. Больничные кельи (1698 г.) Фото Ю. Булкина, 2008 г. <http://sobory.ru/photo/?photo=52803>

Рис. 3.24. Ново-Иерусалимский монастырь. Больничные кельи. Фото © Мочалов Артём aka ToM ШленУ

Рис. 3.25. Пафнугтьев-Боровский монастырь. Больничные кельи с церковью Ильи (XVII в.) В.Н. Меркелова. Пафнугтьев-Боровский монастырь. // Реставрация и исследования памятников культуры. М., Стройиздат, 1982, с. 186.

Рис. 3.26. Пафнугтьев-Боровский монастырь. Больничные кельи с церковью Ильи (XVII в.), реконструкция плана В.Н. Меркеловой. Пафнугтьев-Боровский монастырь. // Реставрация и исследования памятников культуры. М., Стройиздат, 1982, с. 191.

Рис. 3.27. Успенский монастырь Александровой слободы. Больничные палаты с церковью Сретения Господня.

http://lubovbezusl.ucoz.ru/publ/istorija/aleksandrov/svjato_uspenskij_zhenskij_monastyr_aleksandrovskaia_sloboda/88-1-0-1717

Рис. 3.28. Валдайский Иверский монастырь. Больничные кельи с трапезной и церковью Иакова Боровичского. Фото 2011 г.

Рис. 3.29. Успенский Тихвинский монастырь. Больничные кельи с церковью апостола Андрея Первозванного. Проект реставрации арх. Е. Варакина. 2004 г. (ОАО СПб «НИИ Спецпроектреставрация», Е. Варакин, Т. Пятницкая, Д. Николаева, Е. Черныш. Д. 4813, с. 12).

Рис. 3.30. Успенский Тихвинский монастырь. Больничные кельи с церковью апостола Андрея Первозванного. Реконструкция на 1678 г. арх. Е. Варакина.

Рис. 3.31. Успенский Тихвинский монастырь. Больничные кельи с церковью апостола Андрея Первозванного. Фрагмент восточного фасада. Фото 2012 г.

Рис. 3.32. Больничная церковь Иоанна Дамаскина Александро-Свирского Троицкого монастыря. Фото 2014 г.

Рис. 3.33. Декор южного фасада церкви Иоанна Дамаскина, наличник оконного проема и фриз из нишек. Александро-свирский Троицкий монастырь. Фото 2014 г.

13. Глава 3.3. Настоятельские, игуменские, архимандричьи кельи.

Рис. 3.34. Успенский Богородичный Тихвинский монастырь. Архимандричьи кельи в западной линии внутреннего каре зданий, с юга от Святых ворот с надвратной церковью Вознесения. Проектное предложение реставрации ансамбля. (Архив ОАО СПб «НИИ Спецпроектреставрация», О. Боровицкая, Е. Варакин, Д. Николаева, Е. Черныш, Д. 2354).

Рис. 3.35. Николо-Вяжищский монастырь. Настоятельские кельи при трапезной палате с церковью Вознесения. Планы этажей. [118, с. 333].

Рис. 3.36. Успенский Богородичный Тихвинский монастырь. Архимандричьи кельи. План 2 этажа. Реконструкция автора на 1686 г.

Рис. 3.37. Вологда. Архиерейское подворье. Первое гражданское каменное здание в Вологде. Палатка в центральной части здания – аналог утраченной палатки Архимандричьих келий Успенского Тихвинского монастыря. Фото 2014 г.

Рис. 3.38. Успенский Богородичный Тихвинский монастырь. Архимандричьи кельи. Фрагмент западной стены. Фото автора 2012 г.

Рис. 3.39. Большой Успенский Тихвинский монастырь. Фрагмент чертежа спорных земель Тихвинских Успенского и Введенского монастырей. 1679 г. [18, с. 18].

Рис. 3.40. Успенский Богородичный Тихвинский монастырь. Архимандричьи кельи. План 1 этажа. Реконструкция автора на 1686 г.

Рис. 3.41. Успенский Богородичный Тихвинский монастырь. Сравнение кирпичного декора Архимандричьих и Казенных келий. Фото автора, 2013 г.

14. Глава 3.4. Казначейские, казенные кельи.

Рис. 3.42. Антониев-Рождественский монастырь (Новгород). [118, с. 241].

Рис. 3.43. Успенский Богородичный Тихвинский монастырь. Келарские кельи. План 2 этажа. Реконструкция автора на 1688 г.

Рис. 3.44. Келарские кельи Успенского Тихвинского монастыря. Внутрстенный «отход»: конструкция по 1 этажу внутри стены у выгребя. Фото 2008 г.

Рис. 3.45. Троицкий Зеленецкий монастырь. Казначейские (северные) кельи. Фото 2013 г.

Рис. 3.46. Троицкий Зеленецкий монастырь. Казначейские (северные) кельи. План 2 этажа. Реконструкция автора.

Рис. 3.47. Успенский Богородичный Тихвинский монастырь. Келарские кельи. Фото 2010 г.

Рис. 3.48. Валдайский Иверский монастырь. Казначейские кельи. Реконструкция автора.

Рис. 3.49. Казенные кельи Успенского Тихвинского монастыря. Фото 2011 г.

Рис. 3.50. Казенные кельи Успенского Тихвинского монастыря. Интерьер палат 2 этажа. Фото 2011 г.

15. Глава 4. Современные проблемы сохранения и использования русских средневековых монастырских комплексов.

Рис. 4.1. Свято-озерный Валдайский Иверский монастырь. Фото 2007 г.

Рис. 4.2. Панорама Воскресенского монастыря. 2010 г. [74, с. 254].

Рис. 4.3. Синозерская пустынь (Вологодская область), процесс воссоздания. Фото 2009 г.

16. Глава 4.1. Проблемы изменения функционального зонирования комплекса.

Рис. 4.4. Входная зона Валдайского Иверского монастыря после реконструкции. Фото 2008 г.

Рис. 4.5. Горицкий монастырь, Переславль-Залесский. Стихийная автостоянка. Фото Е. Черныш. 2014 г.

Рис. 4.6. Зонирование территории Спасо-Прилуцкого монастыря. Фото 2014 г.

Рис. 4.7. Валдайский Иверский монастырь. Инженерные сооружения для монастыря, выполненные на монастырской оградой на месте и в формах бывшего Коровьего двора. Фото 2007 г.

Рис. 4.8. Успенский Тихвинский монастырь. Котельная для монастыря, находящаяся за территорией комплекса. Фото 2013 г.

Рис. 4.9. Генплан Введенского Тихвинского монастыря. Фрагмент дипломной работы Питаевой О.Т. 2011 г. под руководством канд. арх. Возняк Е.Р. (СПбГПСУ)

Рис. 4.10. Хозяйственный южный двор Успенского Тихвинского монастыря. Фото 2013 г.

Рис. 4.11. Хозяйственный двор Саввино-Сторожевского монастыря (Подмосковье). Фото Е. Черныш 2014 г.

17. Глава 4.2. Проблемы сохранения подлинного при адаптации зданий

Рис. 4.12. Процесс приспособления восточного корпуса Александра-Свирского Троицкого монастыря. Фото 2014 г.

Рис. 4.13. Внедрение новых конструкций при приспособлении келейных корпусов Александра-Свирского Троицкого монастыря. Фото 2014 г.

Рис. 4.14. Валдайский Иверский монастырь. Воссоздание пристроек братского корпуса. Фото 2007 г.

Рис. 4.15. Успенский Тихвинский монастырь. Южные братские кельи. Воссоздание пристроек. Фото 2014 г.

Рис. 4.16. Валдайский Иверский монастырь. Помещения кухни в исторических хозяйственных помещениях трапезной палаты. Фото 2007 г.

Рис. 4.17. Валдайский Иверский монастырь. Устройство холла перед конференц-залом над историческими хозяйственными помещениями трапезной палаты. Фото 2007 г.

Рис. 4.18. Успенский собор Богородичного Успенского Тихвинского монастыря. Интерьер, фресковая живопись XVIII века. Фото 2014 г.

Рис. 4.19. Троицкий собор Александрo-Свирского Троицкого монастыря. Интерьер, фресковая живопись XVIII века. Фото 2014 г.

Рис. 4.20. Главы Троицкого собора Свято-Троицкого Зеленецкого монастыря после реставрации. Фото 2014 г.

Рис. 4.21. Успенский Богородичный монастырь в Тихвине. Воссоздание пятиглавого завершения Крестовоздвиженской церкви. Фото 2014 г.

Рис. 4.22. Троицкий собор Антониев-Дымского монастыря. Фото 2011 г.
<http://www.town812.ru/dymy.html>

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ИЛЛЮСТРАТИВНЫЕ ЛИСТЫ

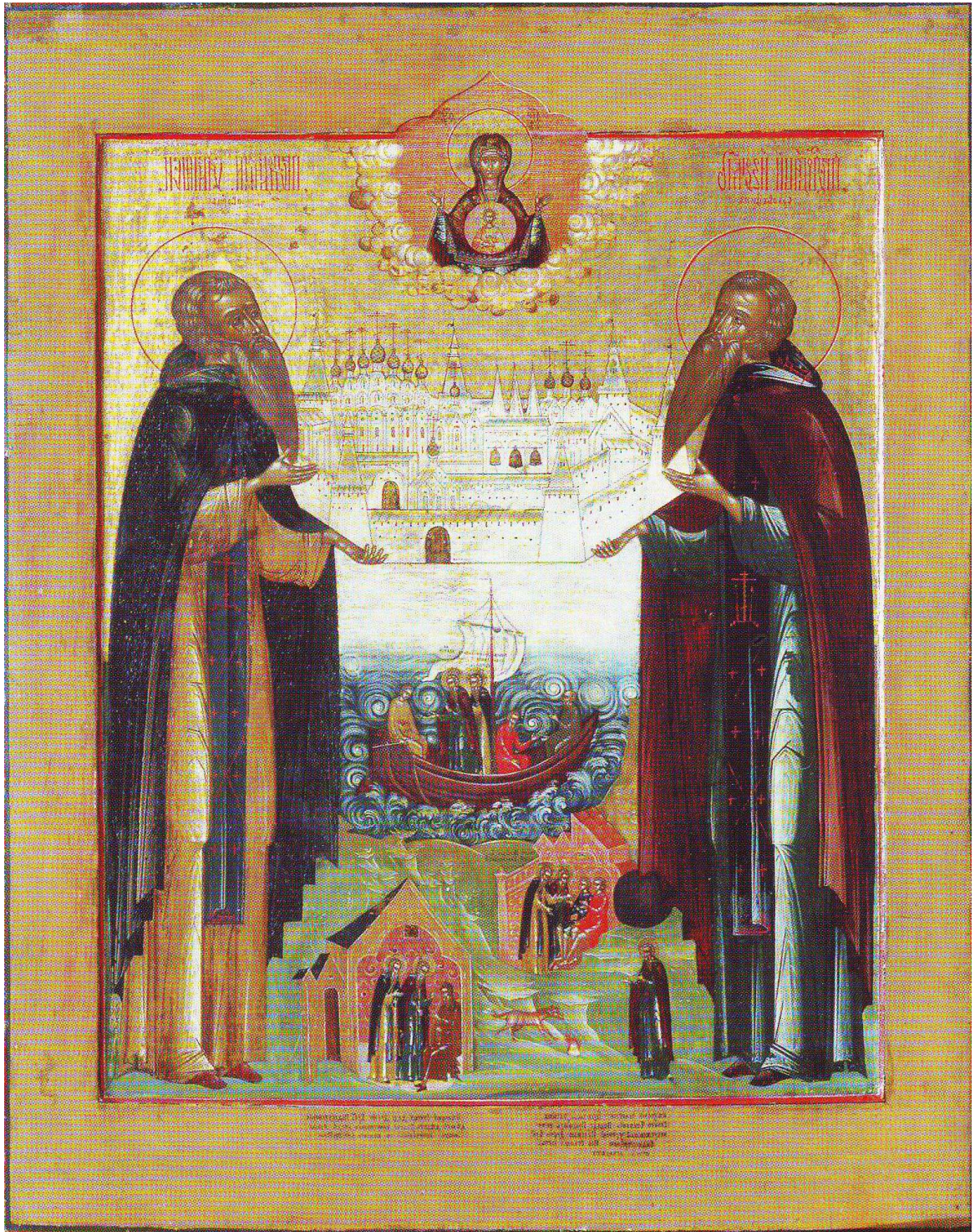

Рис. 1.1. Преподобные Зосима и Савватий Соловецкие. Икона XVIII в. [74, с. 16].

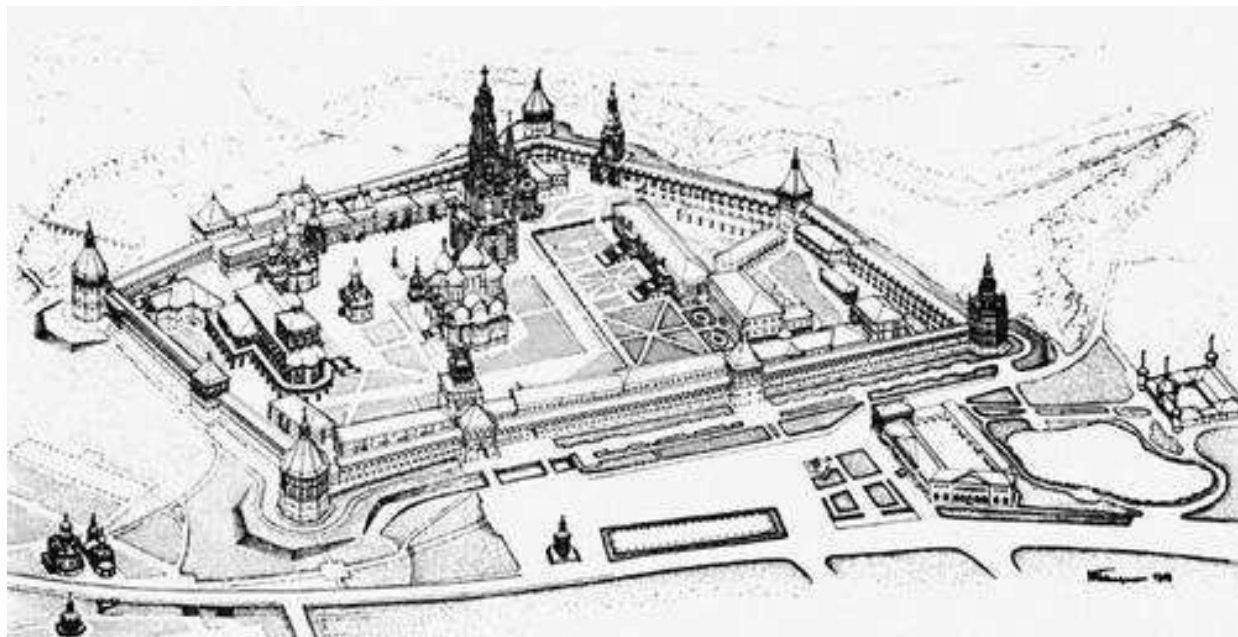

Рис. 1.2. Троице-Сергиева лавра. Проект реставрации 1963 г. (арх. В. И. Балдин).
Аксонометрия. [40, с. 82].

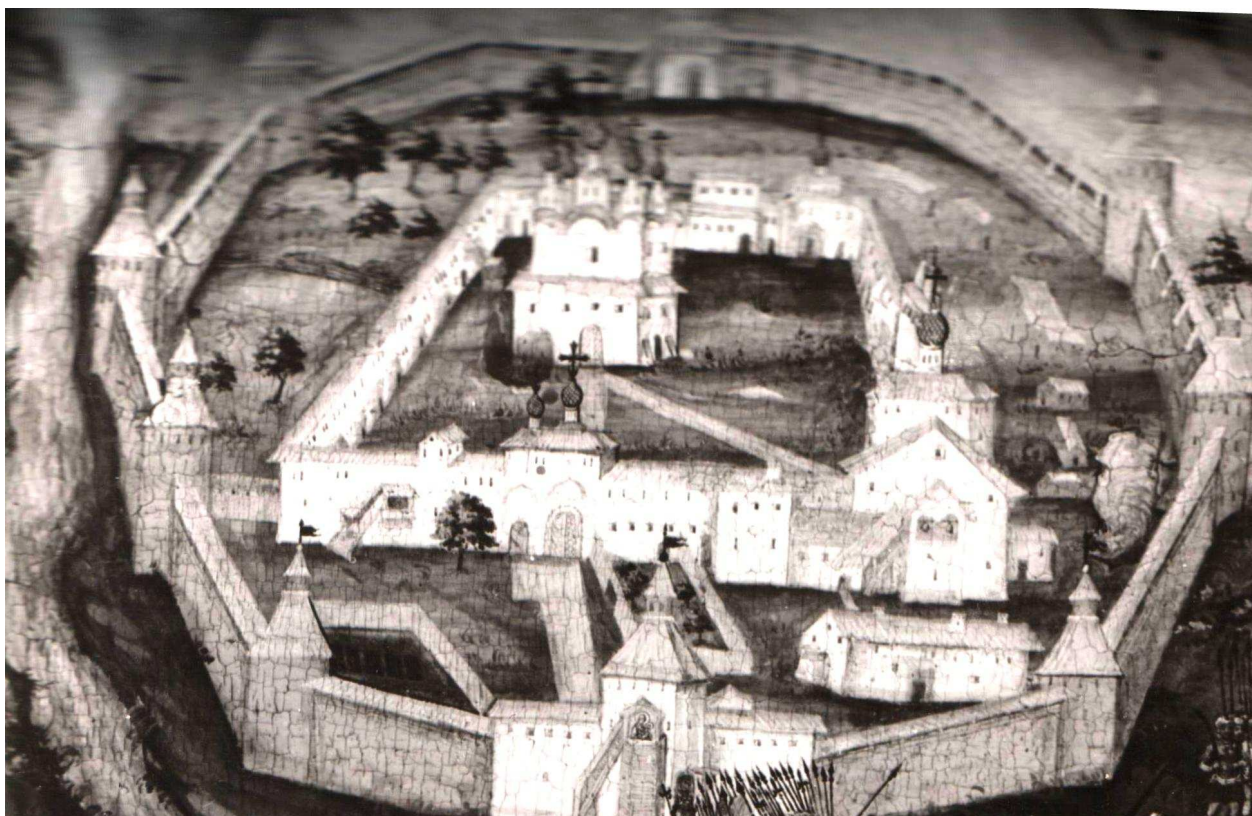

Рис. 1.3. Фрагмент клейма цокольной части иконостаса «Осада Тихвинского монастыря шведами (чудо от иконы Тихвинской Богородицы)», 1708-10 гг. [18, с. 40].

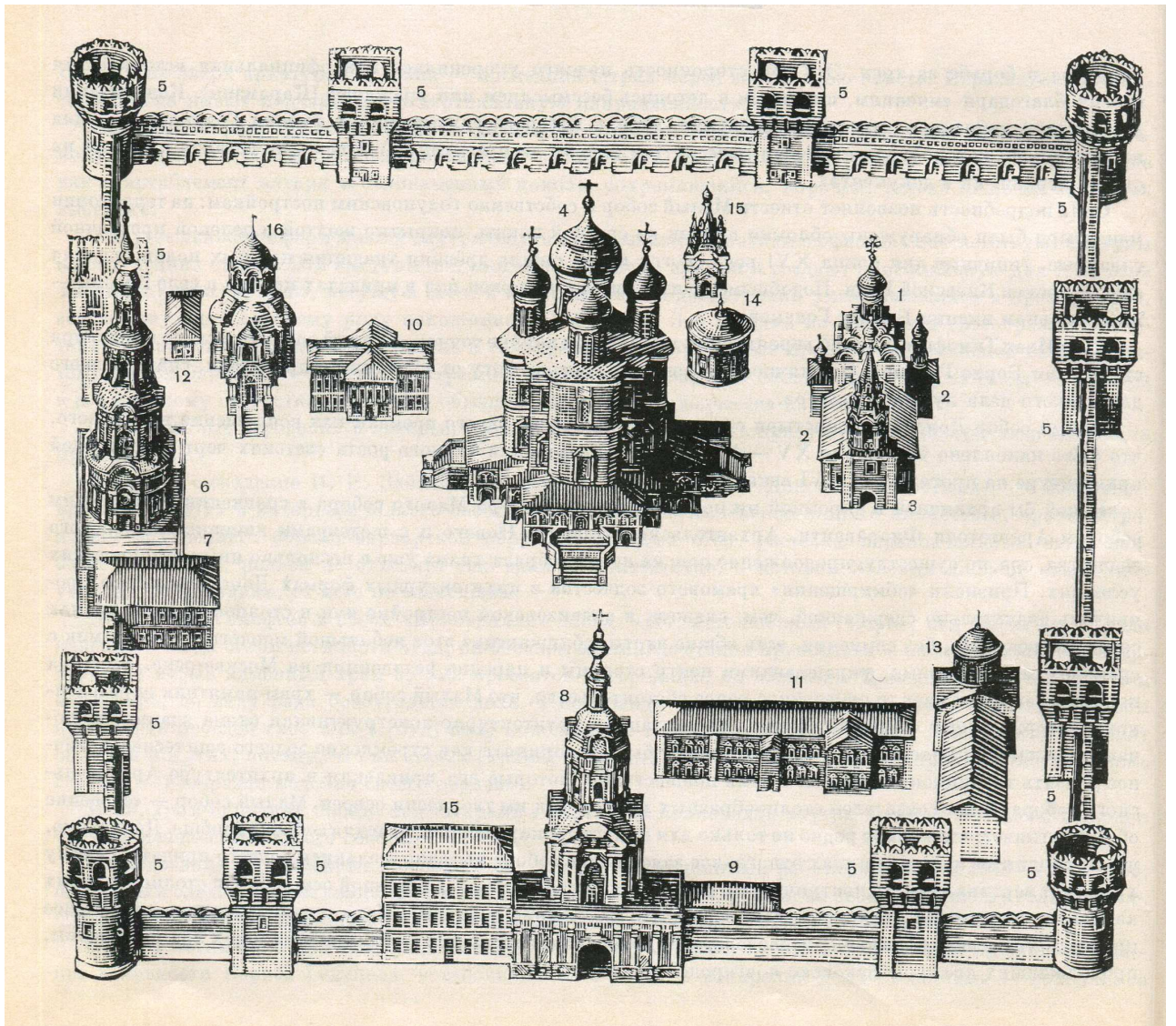

Рис. 1.4. Донской монастырь. Гравюра В.П. Красикова. 1967 г. [39, с. 10].

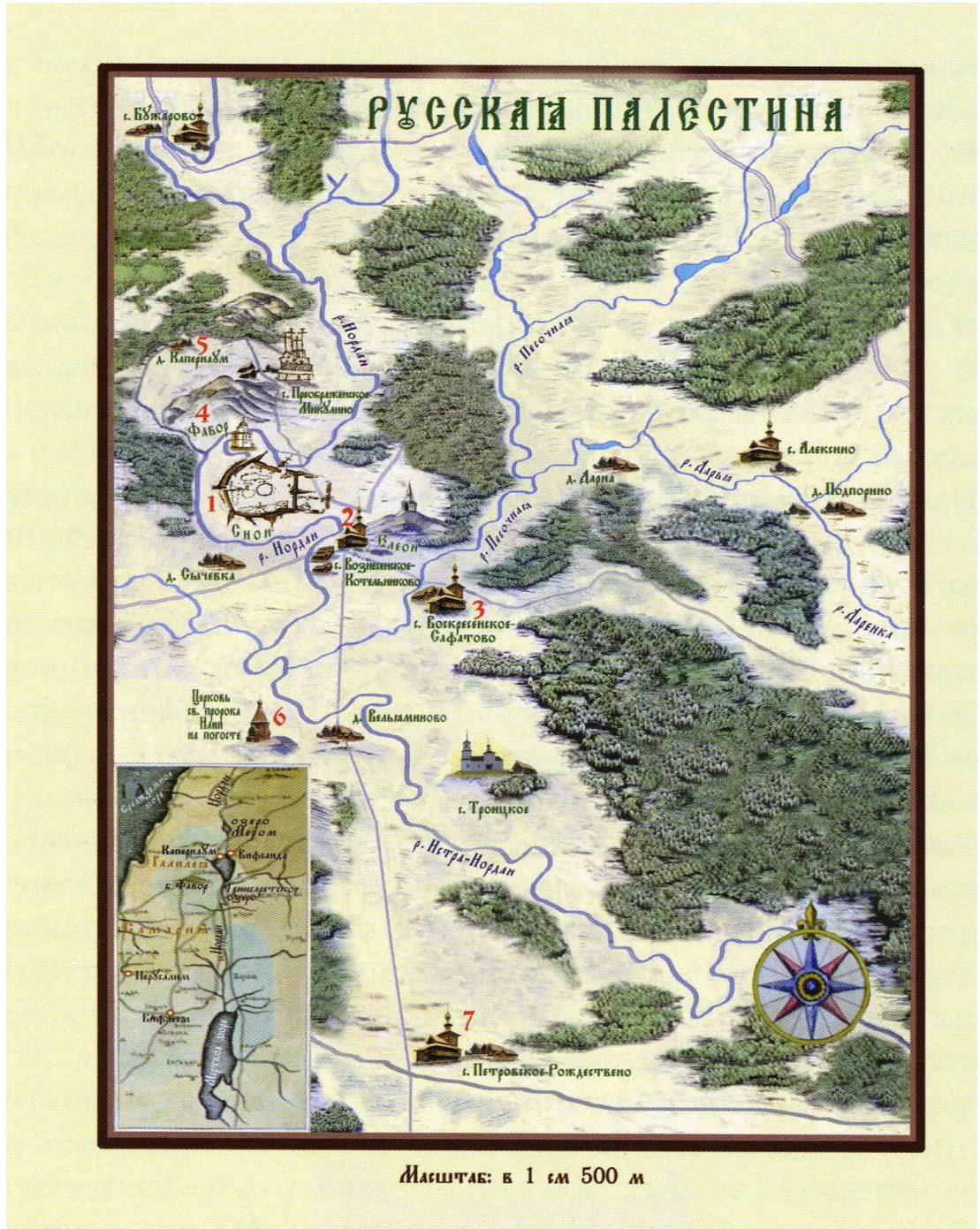

Рис. 1.5. Русская Палестина в XVII веке. Реконструкция Г.М. Зеленской [74, с. 252].

Рис. 1.6. Вид Антониев-Дымского монастыря в 1851 г. [131, с. 15].

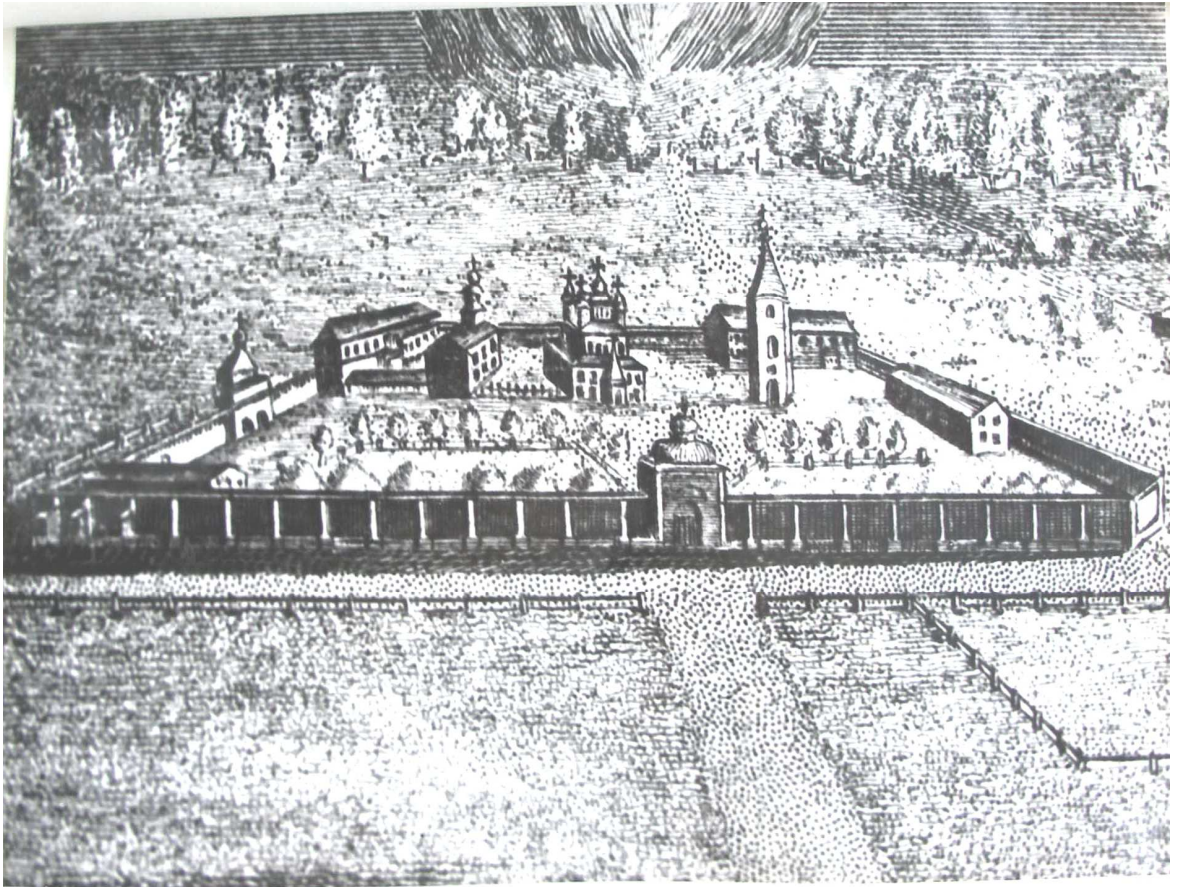

Рис. 1.7. Троицкий Зеленецкий монастырь. Гравюра 1814 г. [22, с. 285].

Рис. 1.8. Иверский монастырь на Валдае. Гравюра Макушева 1824 г. [74, с. 72].

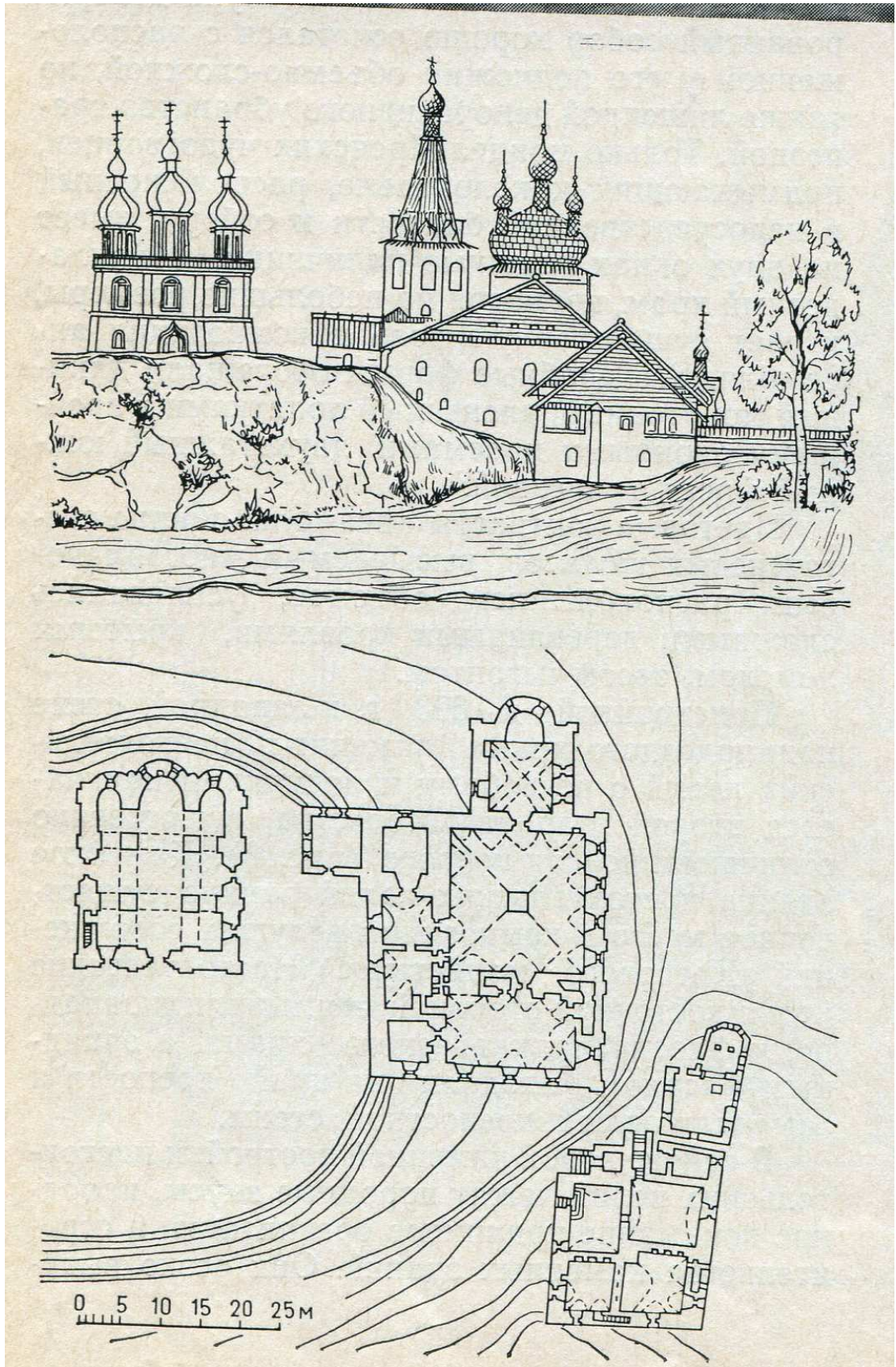

Рис. 1.9. Крестный монастырь на Кий-острове. Реконструкция Г.В. Алферовой. [37, с. 92].

Рис. 1.10. Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь. Гравюра начала XVIII в. [74, с. 151].

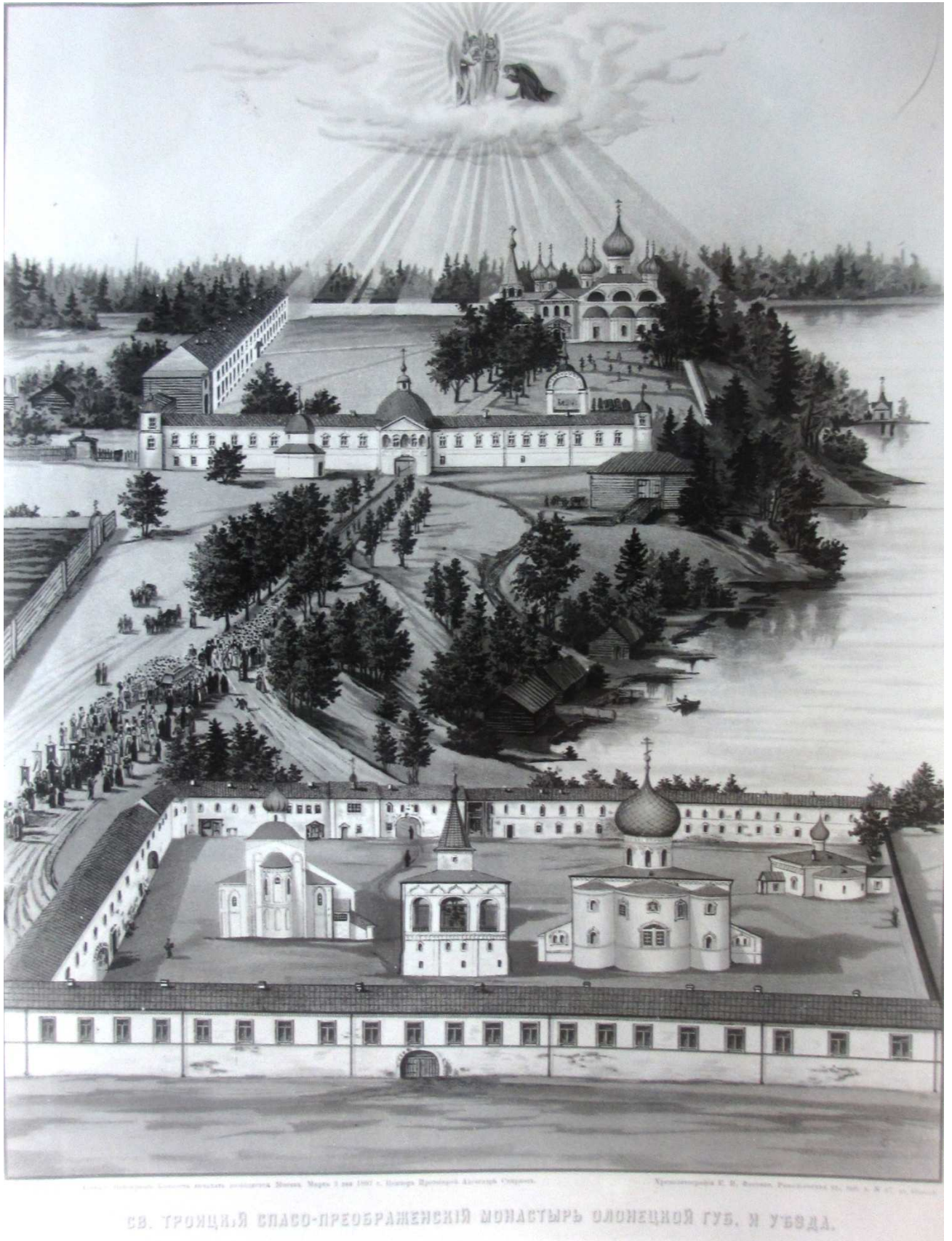

Рис. 1.11. Свято Троицкий Спасо-Преображенский монастырь Олонецкой губернии и уезда.
Гравюра XIX в. [4, с. 135].

Рис. 1.12. Воскресенский монастырь в Угличе. Фото С.В. Соколова. 2006 г. tempes.ru/card

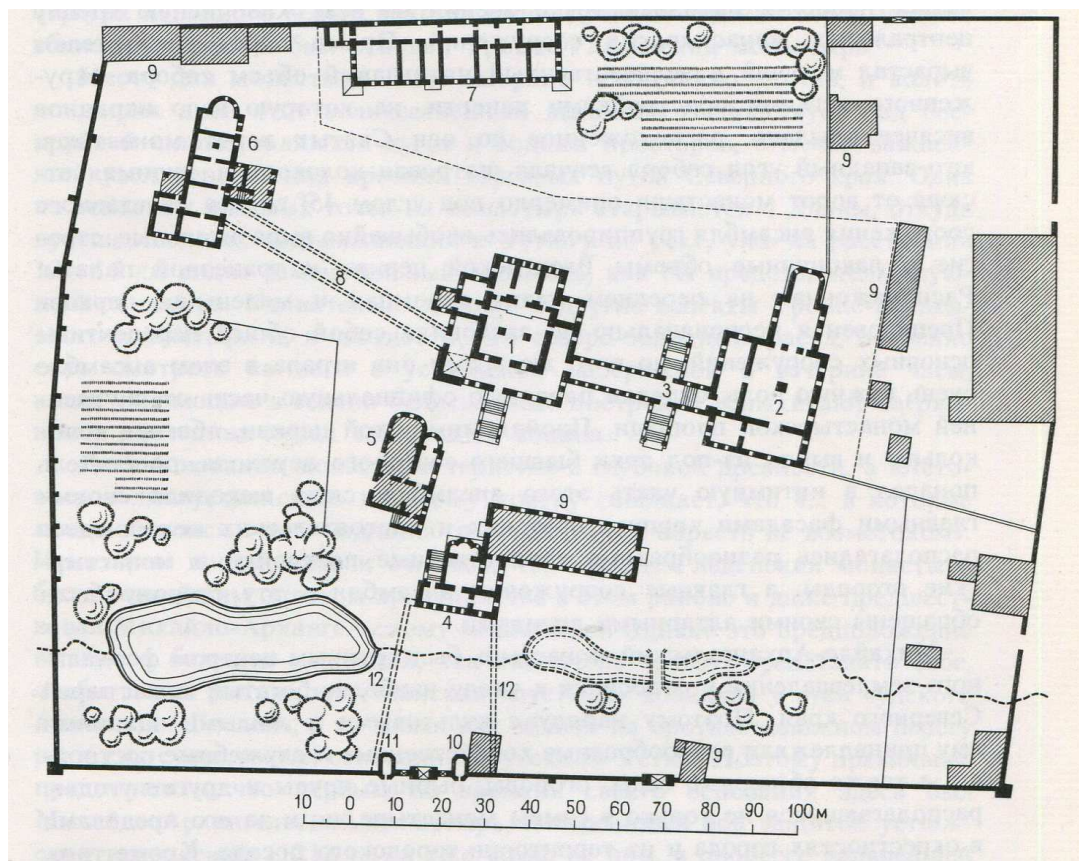

Рис. 1.13. Михайло-Архангельский монастырь в Великом Устюге. В.П. Шильниковская. Великий Устюг. – М., 1987, с. 107

Рис. 1.14. Свято Троицкий Спасо-Преображенский монастырь Олонецкой губернии и уезда. Гравюра XIX в. [4, с. 131].

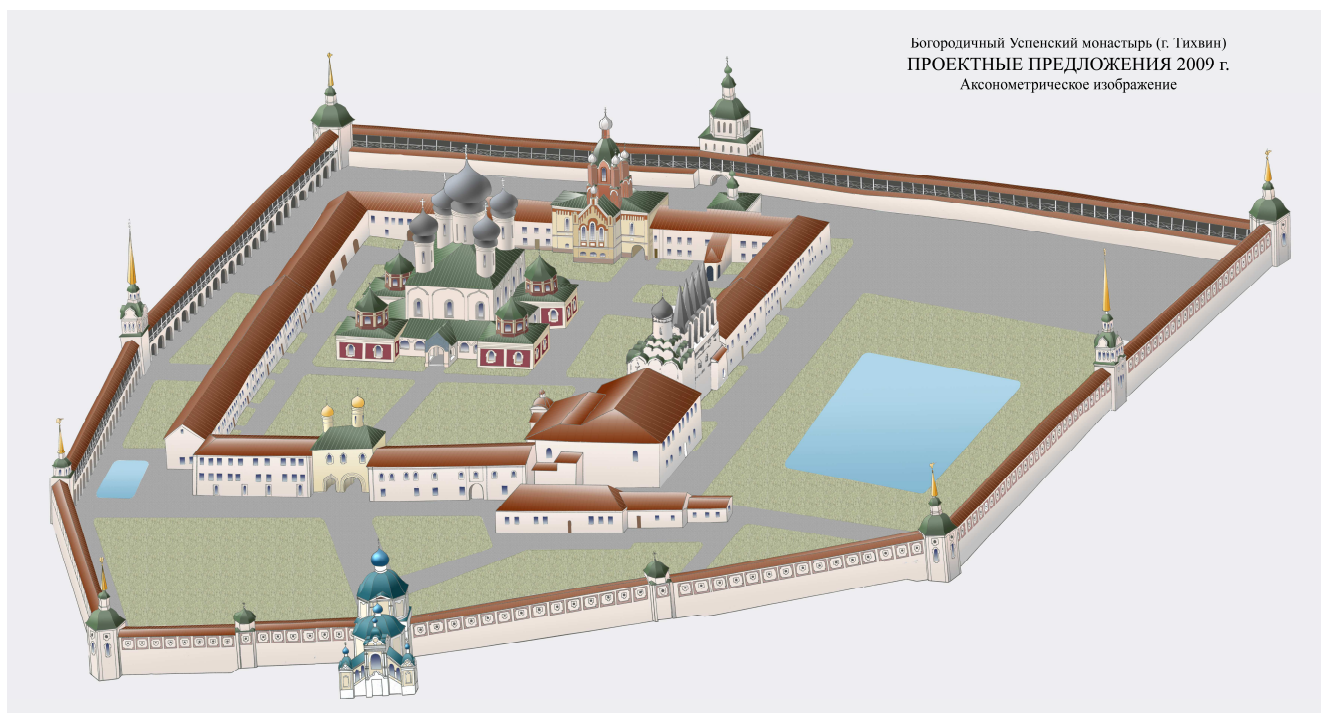

Рис. 1.15. Успенский Богородичный Тихвинский монастырь. Проектное предложение реставрации ансамбля. Е. Варакин, О. Боровицкая, Т. Пятницкая, Д. Николаева. Архив ОАО СПб НИиПИ «НИИ Спецпроектреставрация», д. 536, с. 8.

Рис. 1.16. Введенский Тихвинский монастырь. Фрагмент чертежа спорных земель Тихвинских Успенского и Введенского монастырей. 1679 г. [18, с. 18].

Рис. 1.17. Успенский монастырь в Старой Ладогe. Гравюра К. Вейермана. 1840-е – начало 1850-х гг. [6, с. 38].

Рис. 1.18. Панорама Никольского Ладожского монастыря. Н.В. Мальцев, протоиерей Александр Прокофьев, В.А. Булкин. Введение во храм. – СПб. : АО «Славия», 1997. С. 118

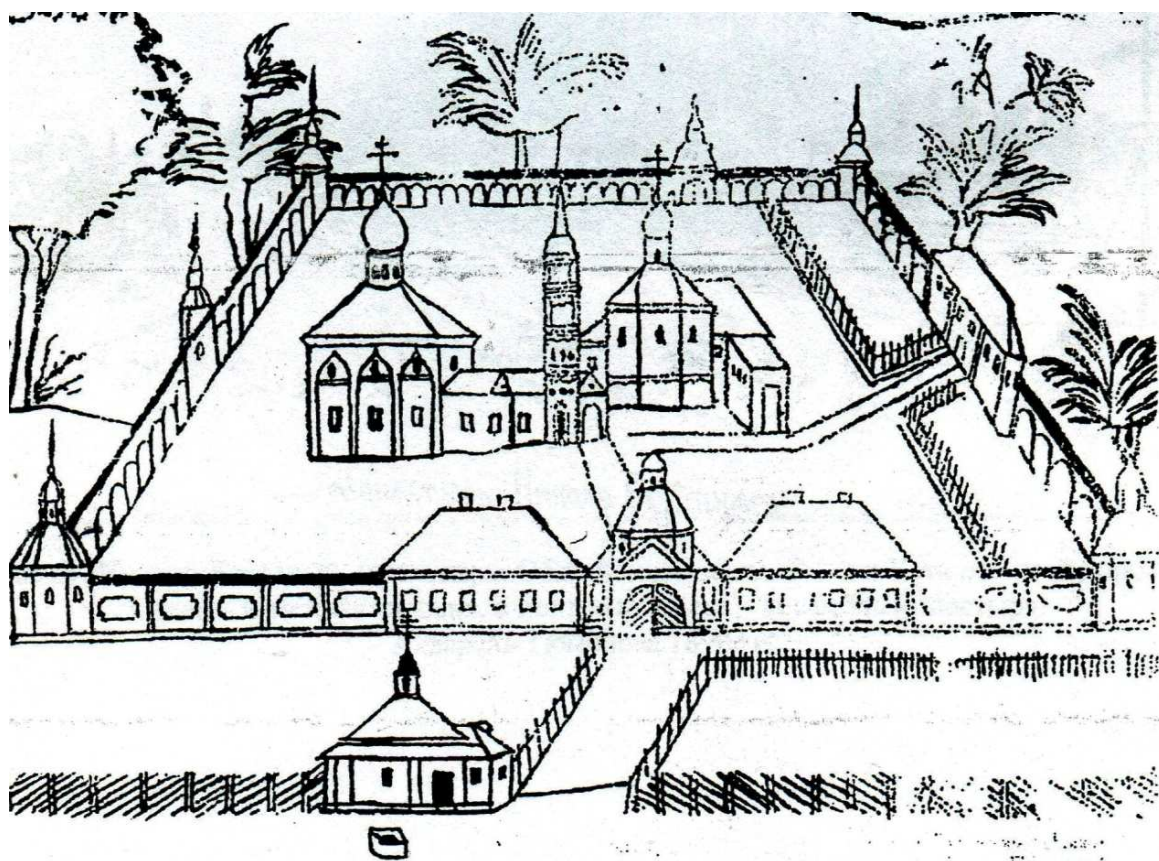

Рис. 1.19. Николо-Беседный монастырь (г. Тихвин). Прорись с миниатюры середины XIX в. – Проект зон охраны объектов культурного наследия. Николо-Боровинский и Николо-Беседный монастыри. – ООО «Предприятие «Каменное зодчество», СПб, 2009, с. 26.

Рис. 1.20. Николо-Боровинский монастырь. Фото 1890-1910-х гг. – Проект зон охраны объектов культурного наследия. Николо-Боровинский и Николо-Беседный монастыри. – ООО «Предприятие «Каменное зодчество», СПб, 2009, с. 26.

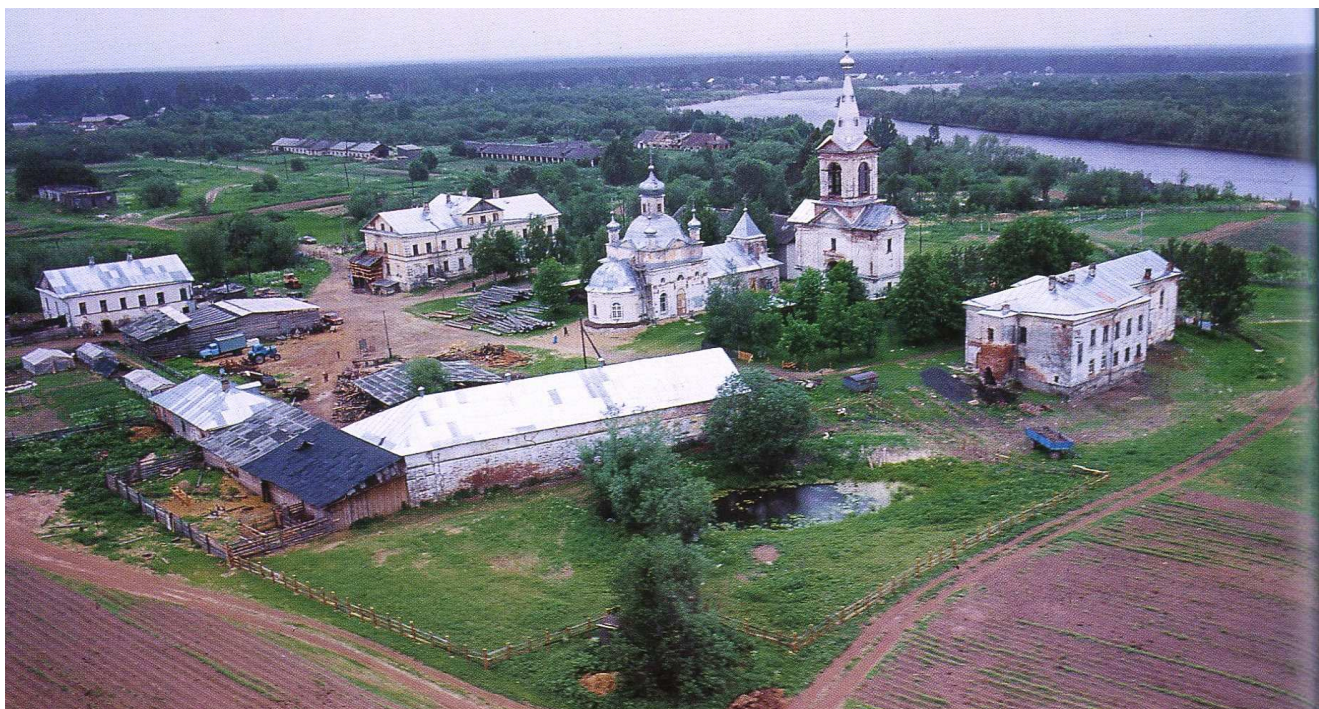

Рис. 1.21. Панорама Введено-Оятского Островского монастыря. Н.В. Мальцев, протоиерей Александр Прокофьев, В.А. Булкин. Введение во храм. – СПб. : АО «Славия», 1997. С. 90

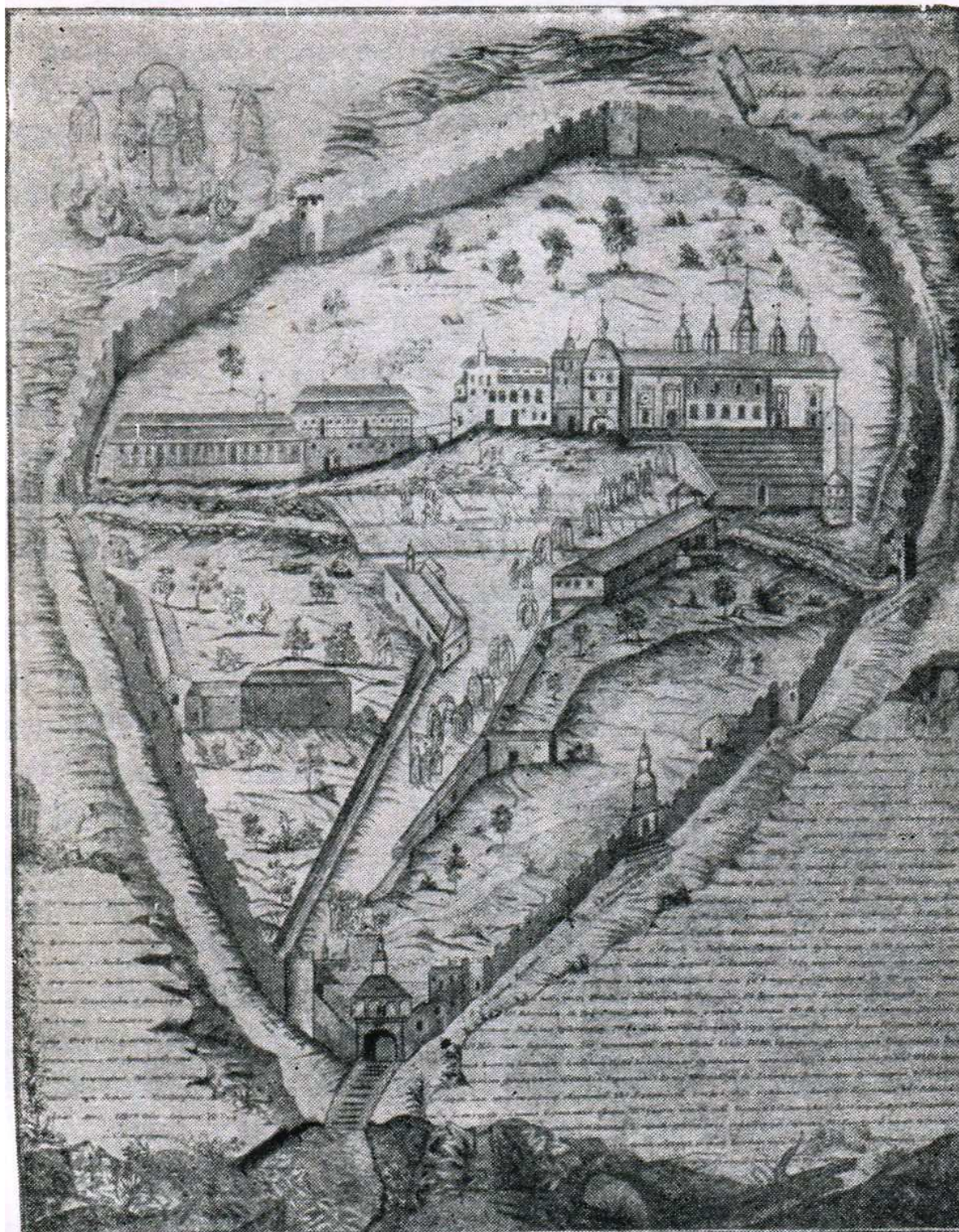

Рис. 1.22. Общий вид Псково-Печерского монастыря. Гравюра 1821 г. [112, с. 64].

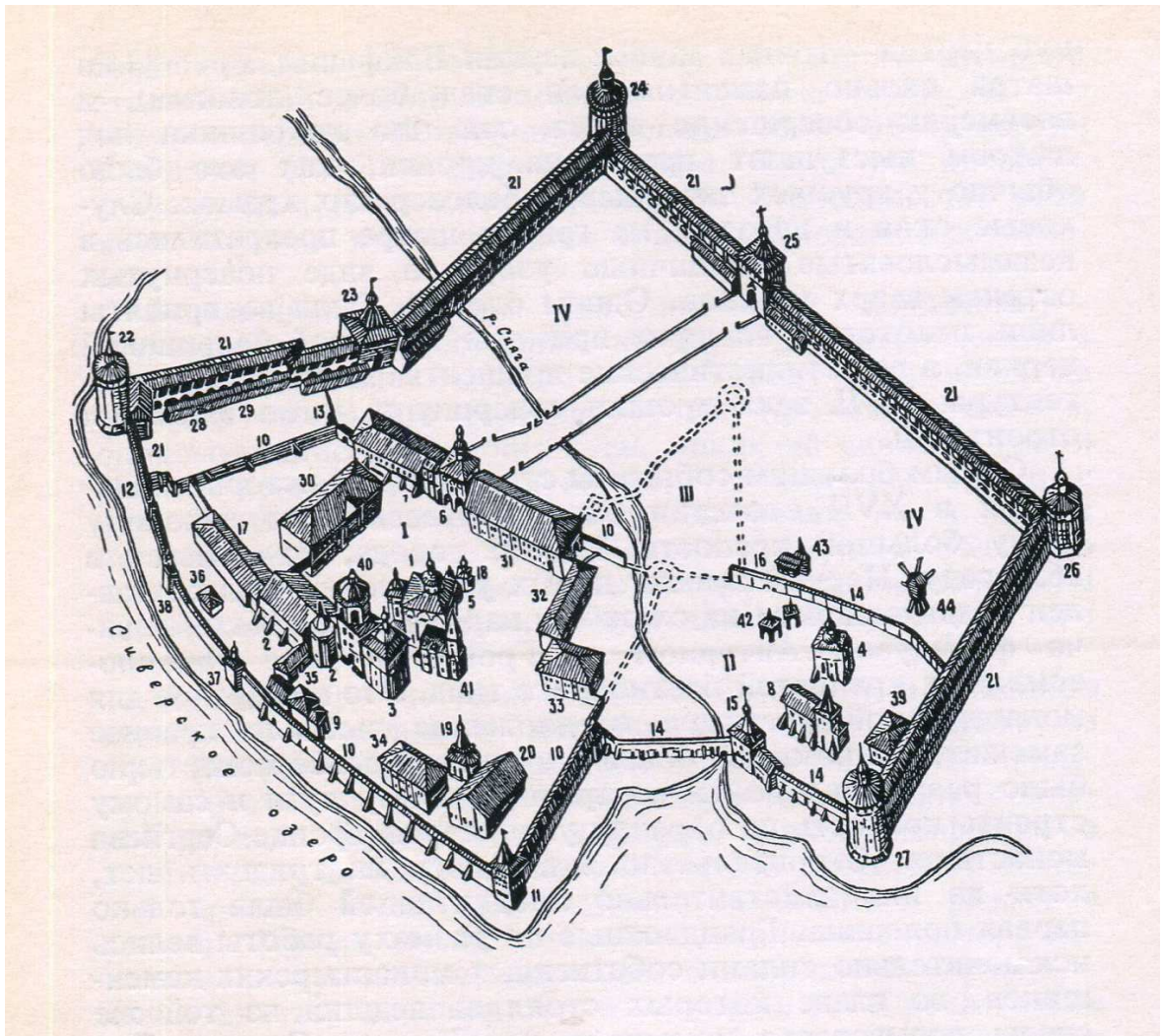

Рис. 1.23. Кирилло-Белозерский монастырь. И.А. Кочетков, О.В. Лелекова, С.С. Подъяпольский. Л., 1979., Рисунок С.С. Подъяпольского. С. 44.

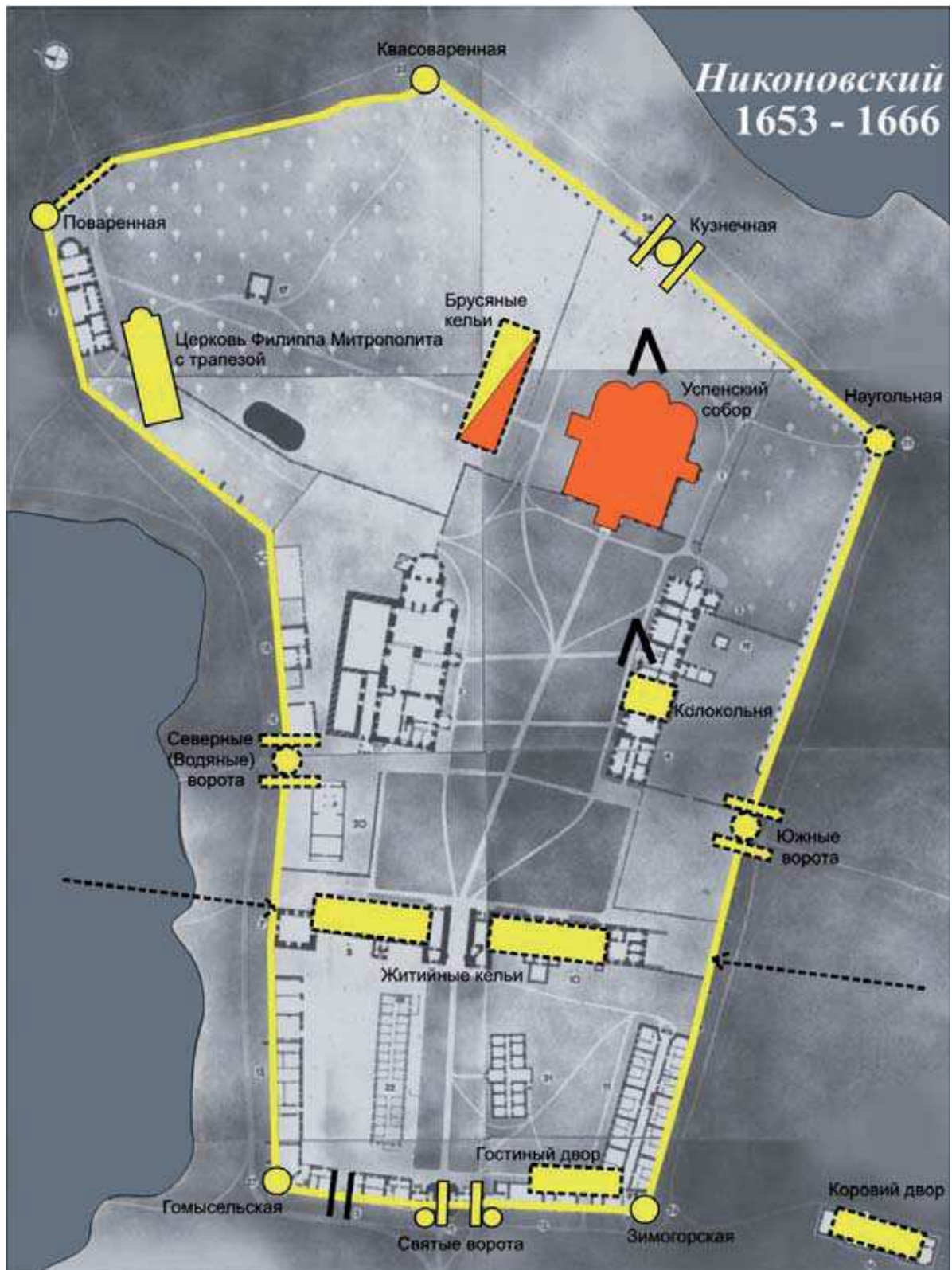

Рис. 1.24. I градостроительный этап Валдайского Иверского монастыря. Реконструкция М.М. Бредовой. Архив ОАО СПб НИИПИ «НИИ Спецпроектреставрация», д. 5168, с. 18.

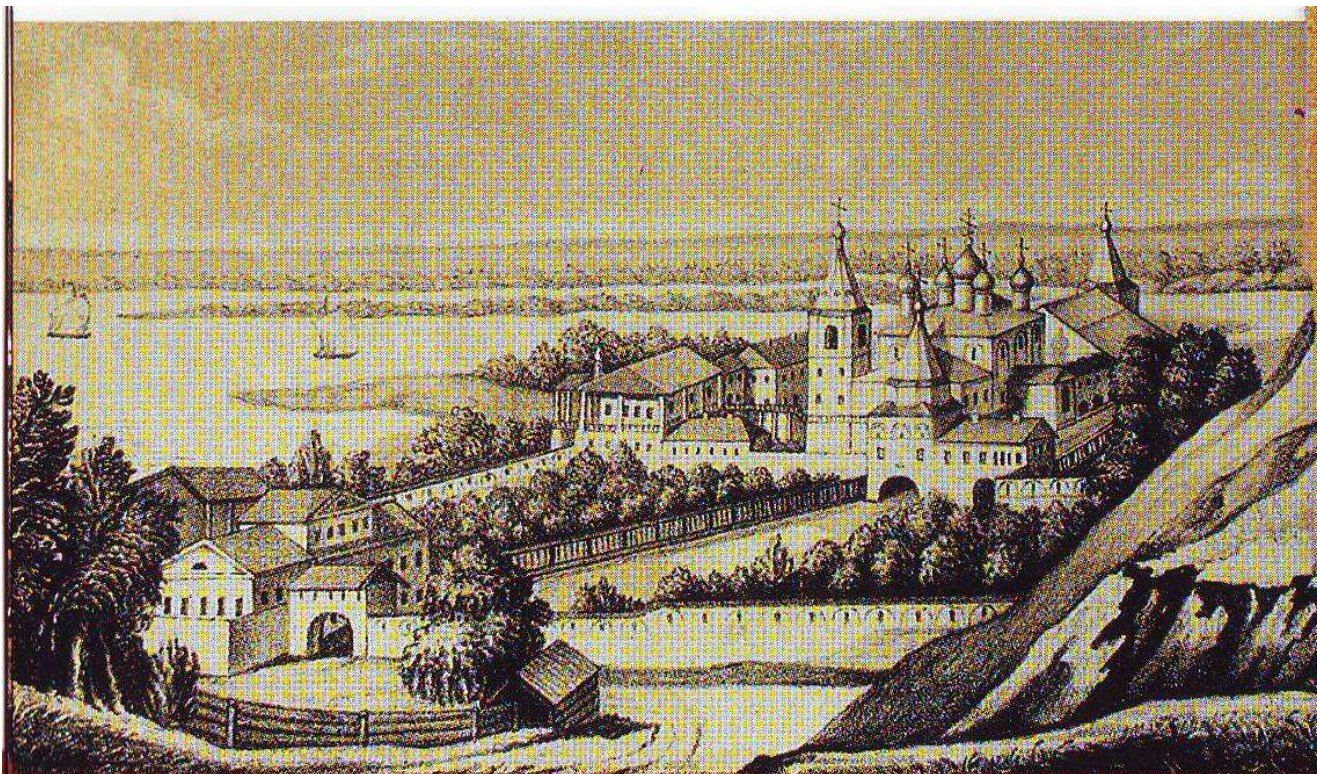

Рис. 1.25. Нижегородский Печерский Вознесенский монастырь. Середина XIX века.
Гравюра А.Я. Быстрицкого. – А.И. Давыдов. Нижегородские храмы. – Нижний
Новгород, «Кварц». С. 2

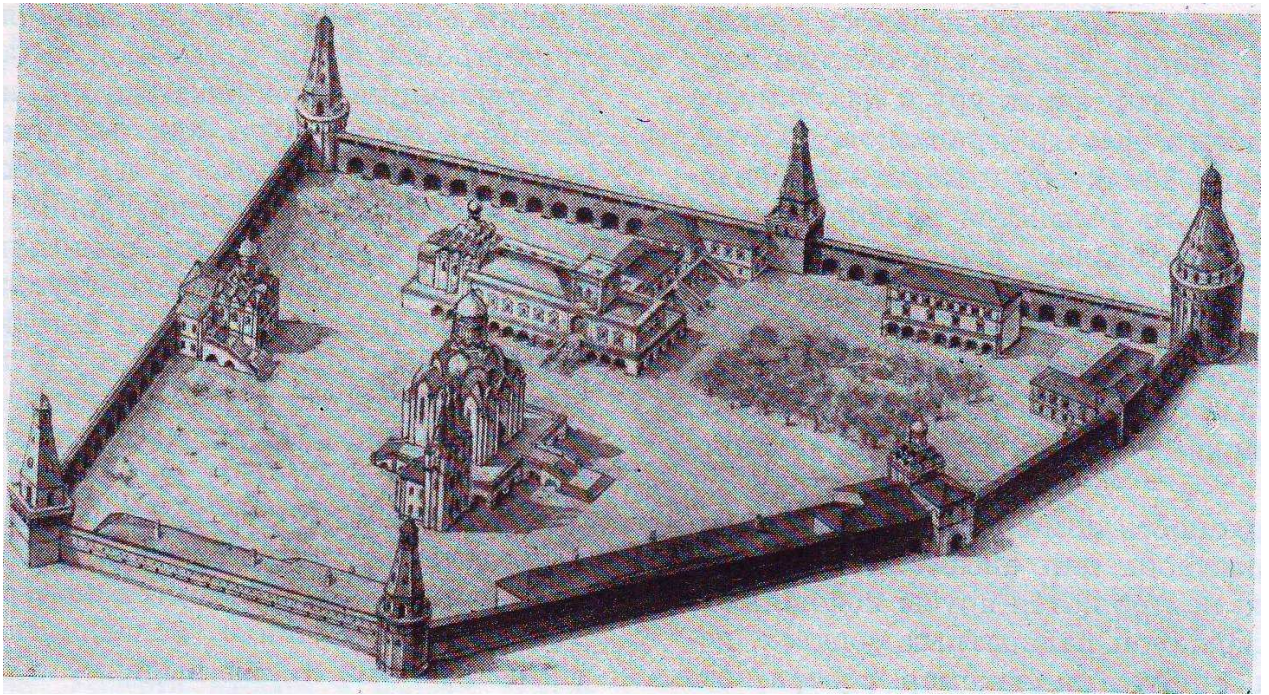

Рис. 1.27. Симонов монастырь. Реконструкция Р. Кацнельсона. [77, с. 103].

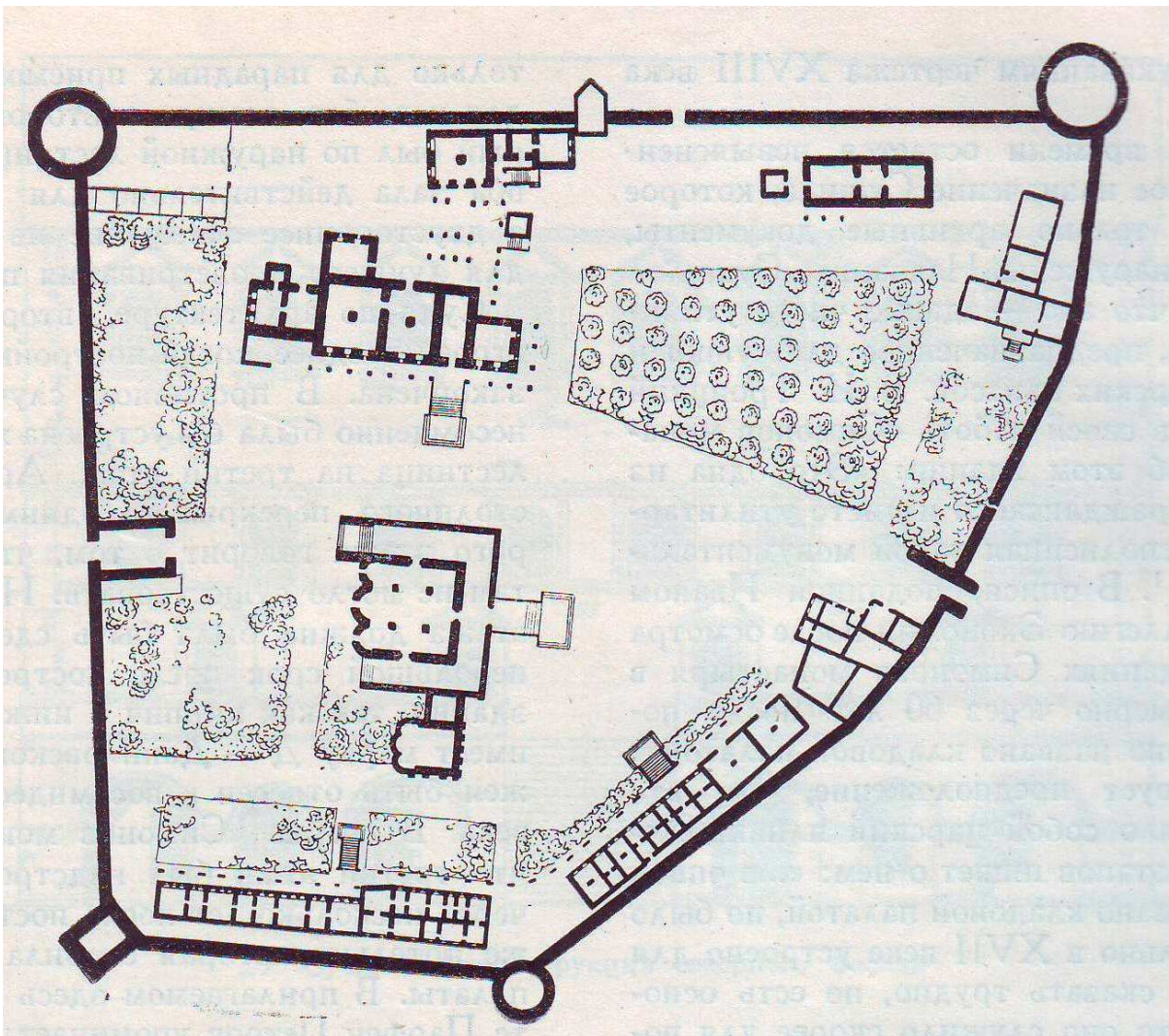

Рис. 1.28. Симонов монастырь. Реконструкция генерального плана на XVII в.
Р. Кацнельсона. [77, с. 102].

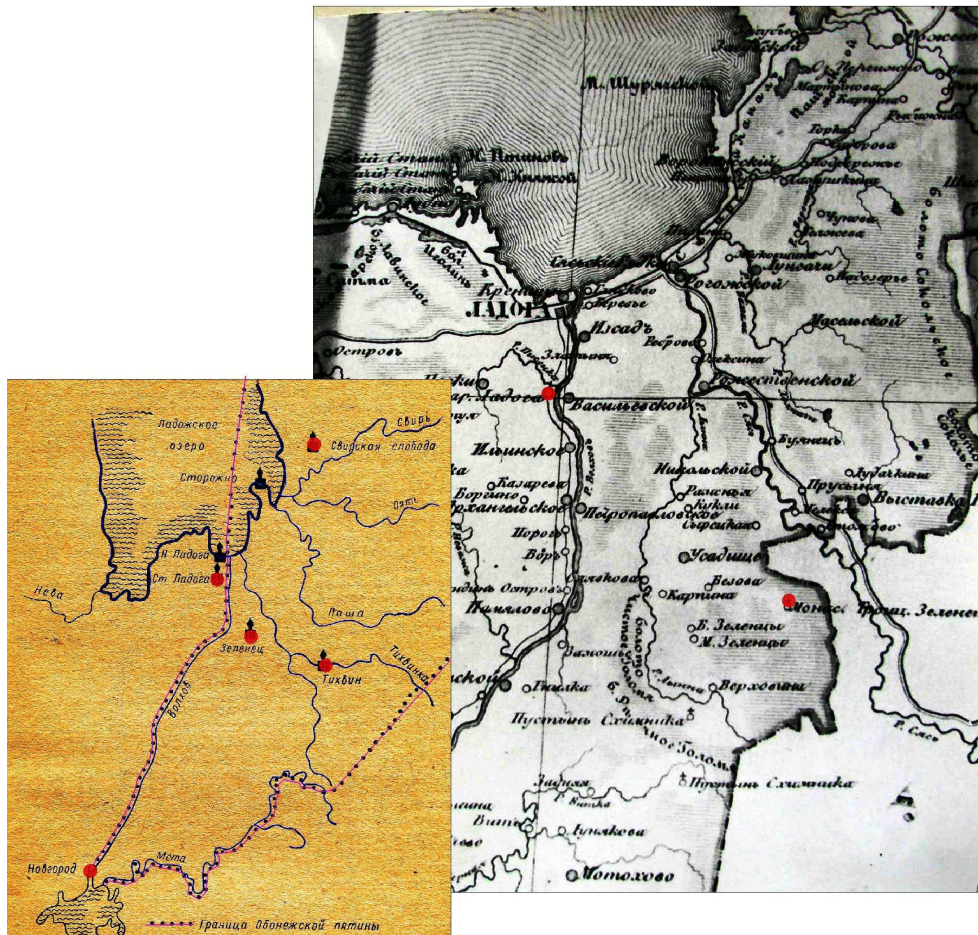

Рис. 1.30. Схема новгородских пятин [80, с. 6] и фрагмент карты СПб губернии XIX в. [22, с. 280].

Рис. 1.33. Александрo-Свирский Троицкий монастырь. Фото 2008 г.
<http://sobory.ru/photo/?photo=64580>,

Рис. 1.35. Панорама Антониев-Дымского монастыря в ландшафте – <http://www.gopiter.ru/piter/helpinfo/dostopr/hramlenobl/1567>

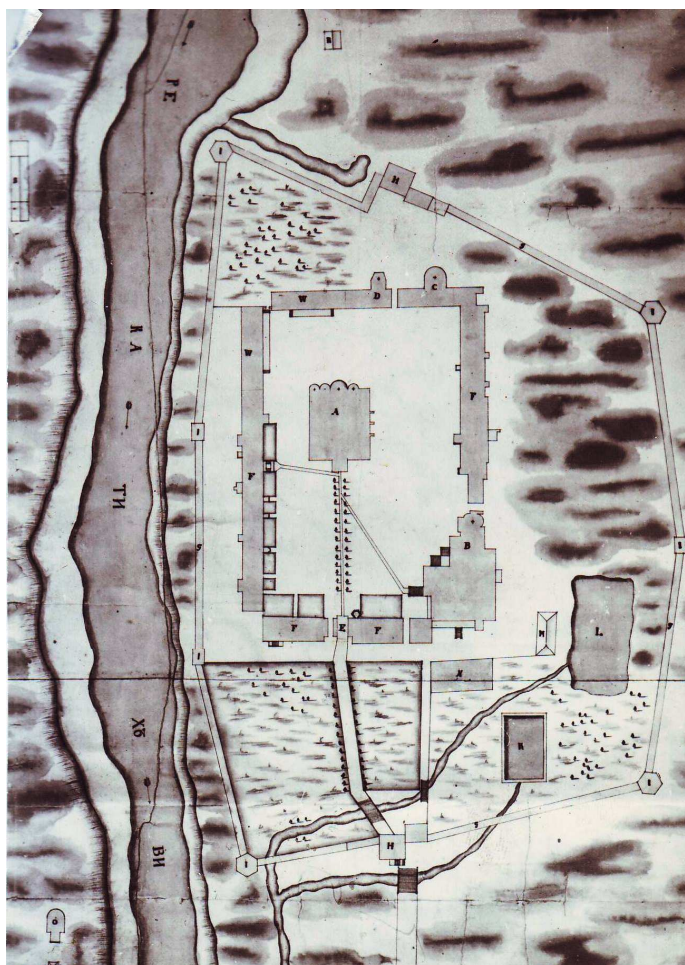

Рис. 1.36. План Большого Тихвинского монастыря. 1747 г. Архитектуры гезель Сляднев. Фрагмент. [18, с. 52].

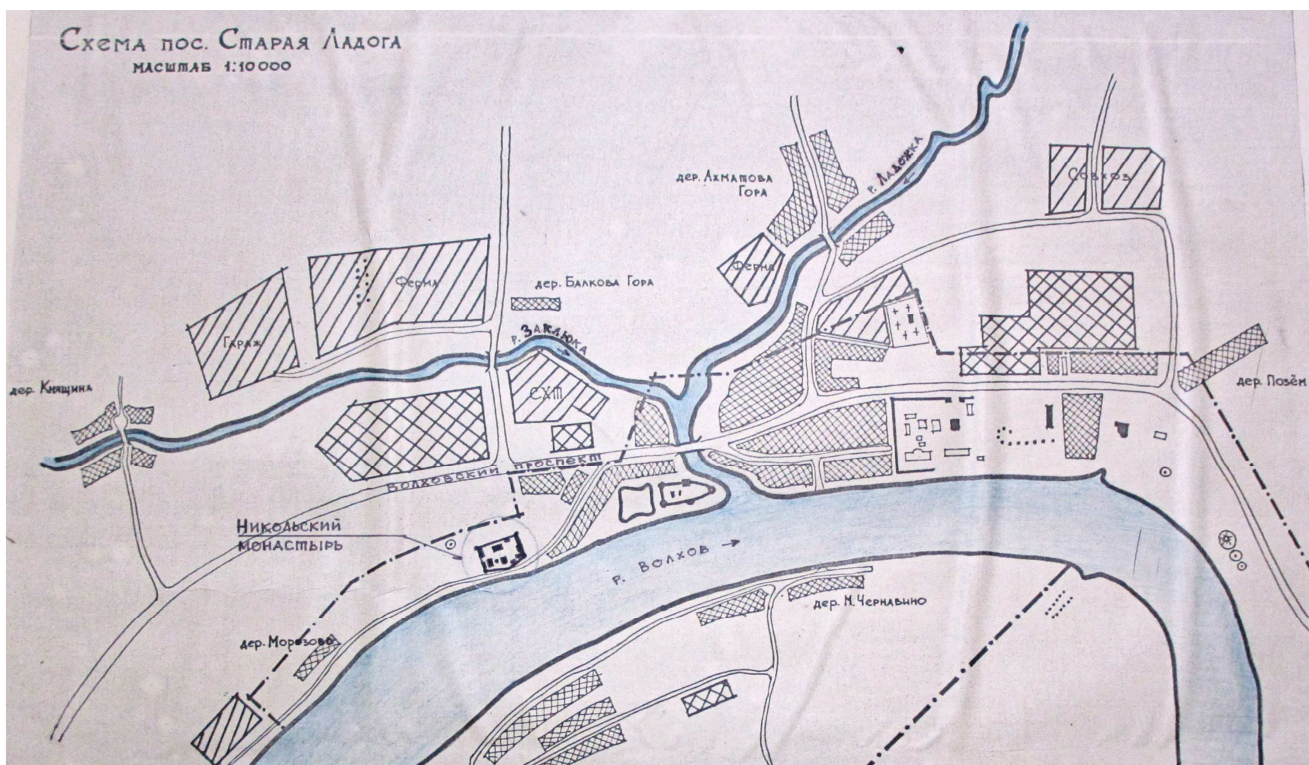

Рис. 1.38. Схема пос. Старая Ладога с монастырями. [6, с. 32].

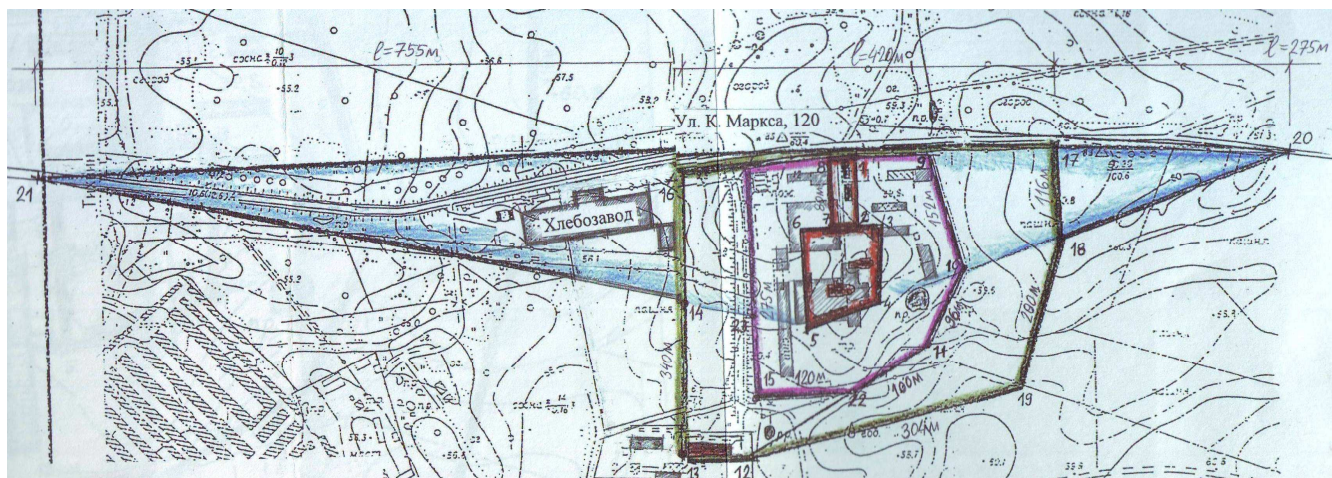

Рис. 1.39. Николо-Беседный монастырь, г. Тихвин. Проект зон охраны объектов культурного наследия. – ООО «Предприятие «Каменное зодчество», СПб, 2009, с. 10.

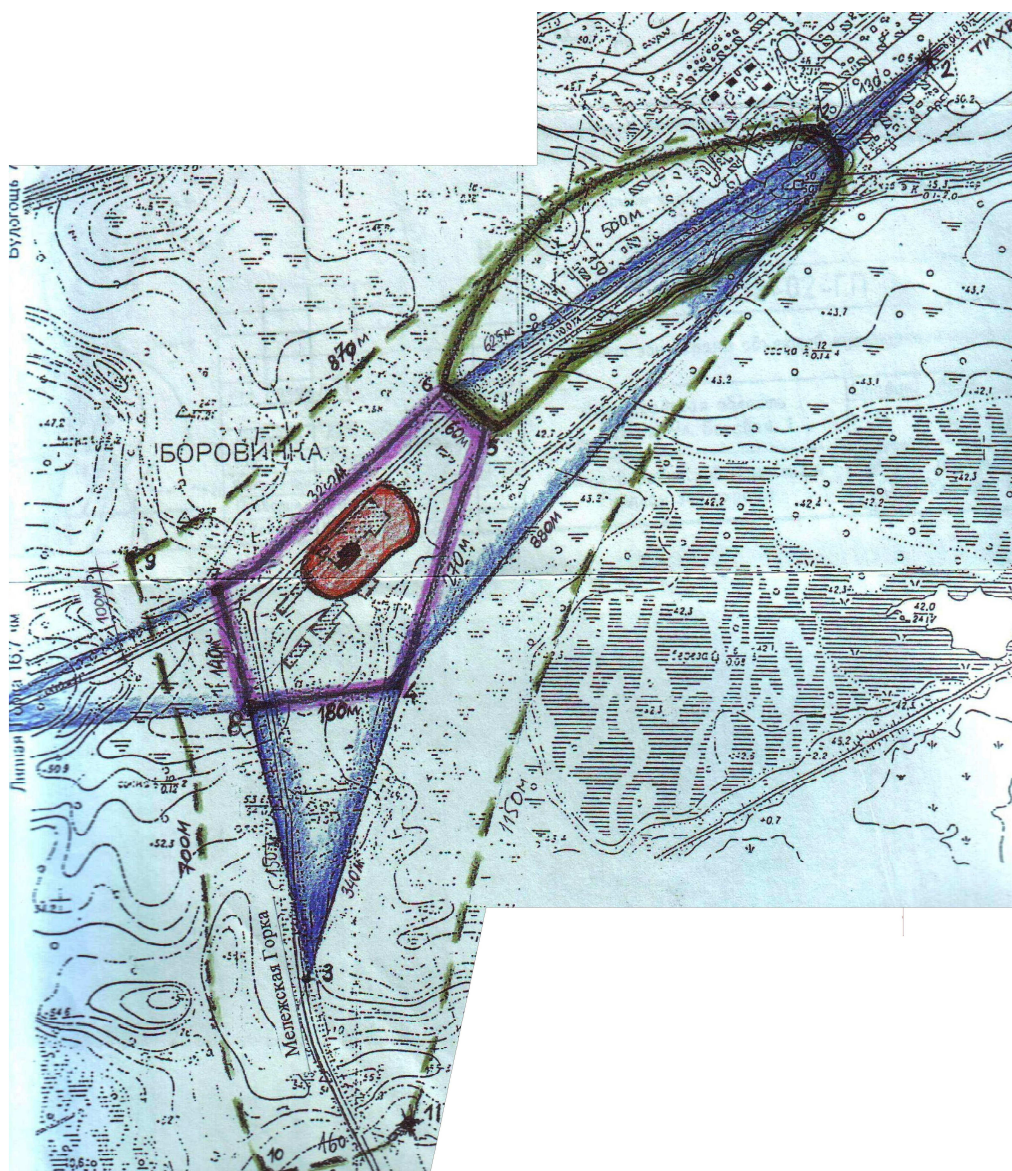

Рис. 1.40. Николю-Боровинский монастырь, г. Тихвин. Проект зон охраны объектов культурного наследия. – ООО «Предприятие «Каменное зодчество», СПб, 2009, с. 21.

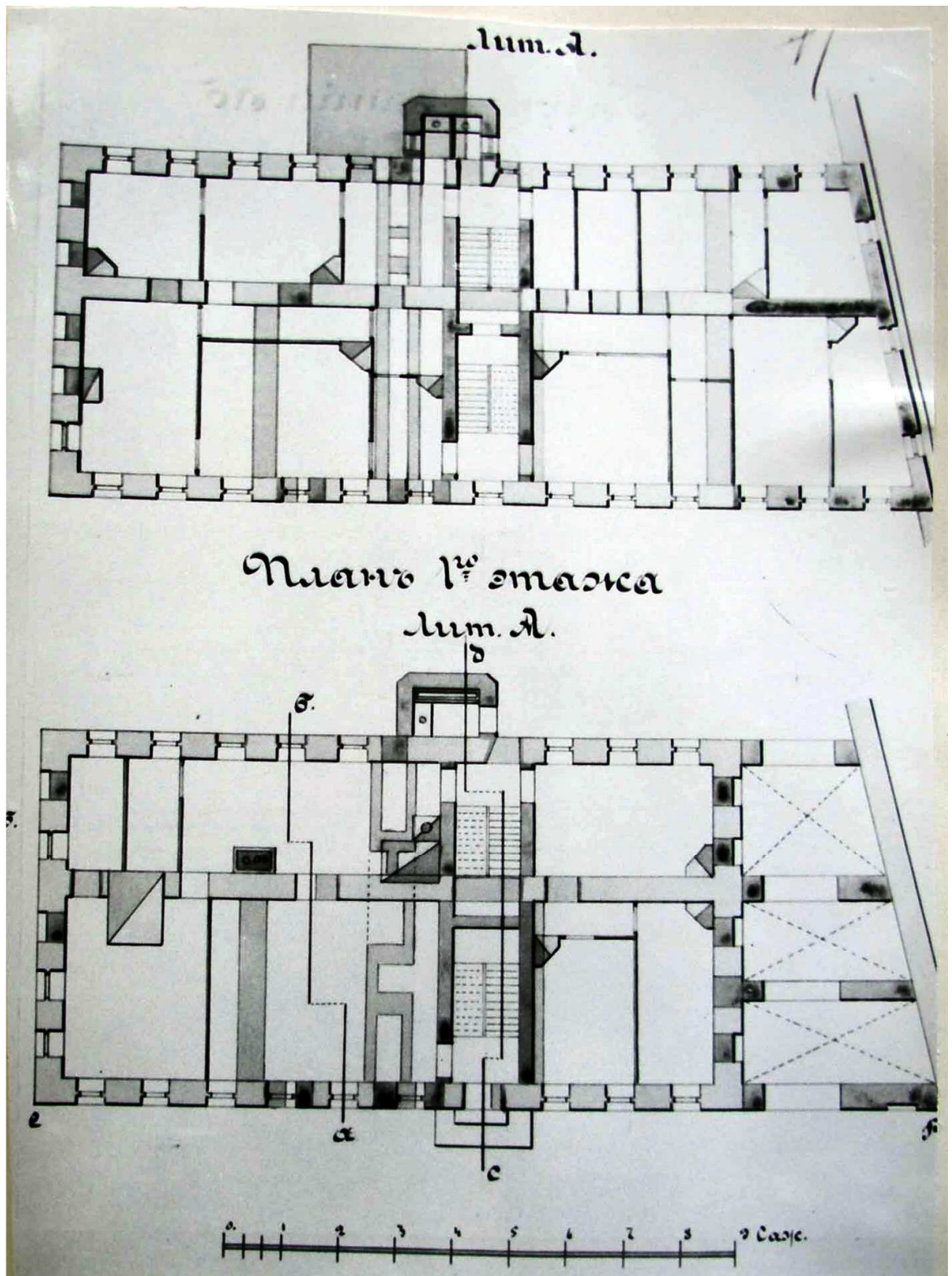

Рис. 1.41. Троицкий Зеленецкий монастырь. Проект перестройки восточного корпуса. 1886 г. Арх. И. Носков. [22, с. 296].

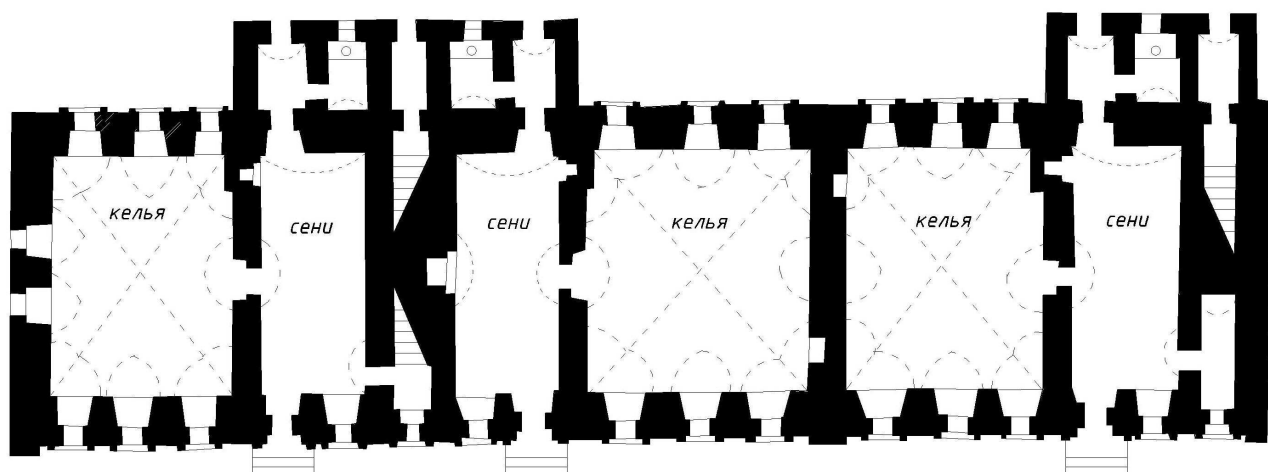

Рис. 1.43. Успенский тихвинский монастырь, северные братские кельи, план 1 этажа.
Реконструкция автора на 1692 г.

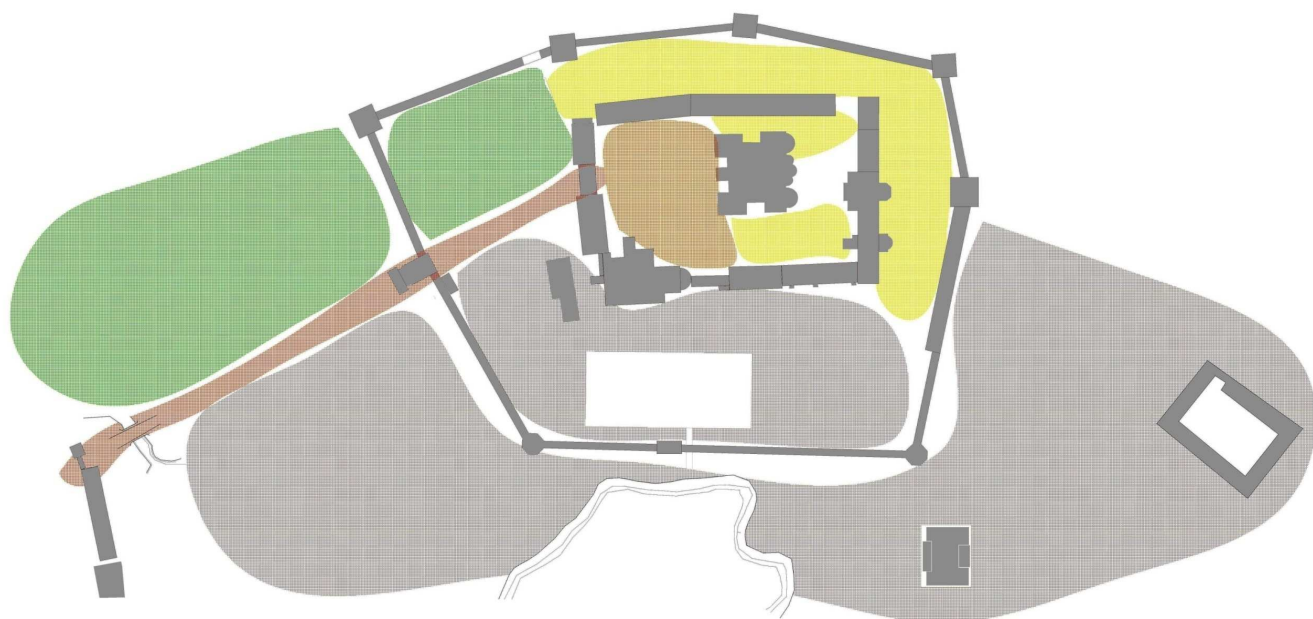
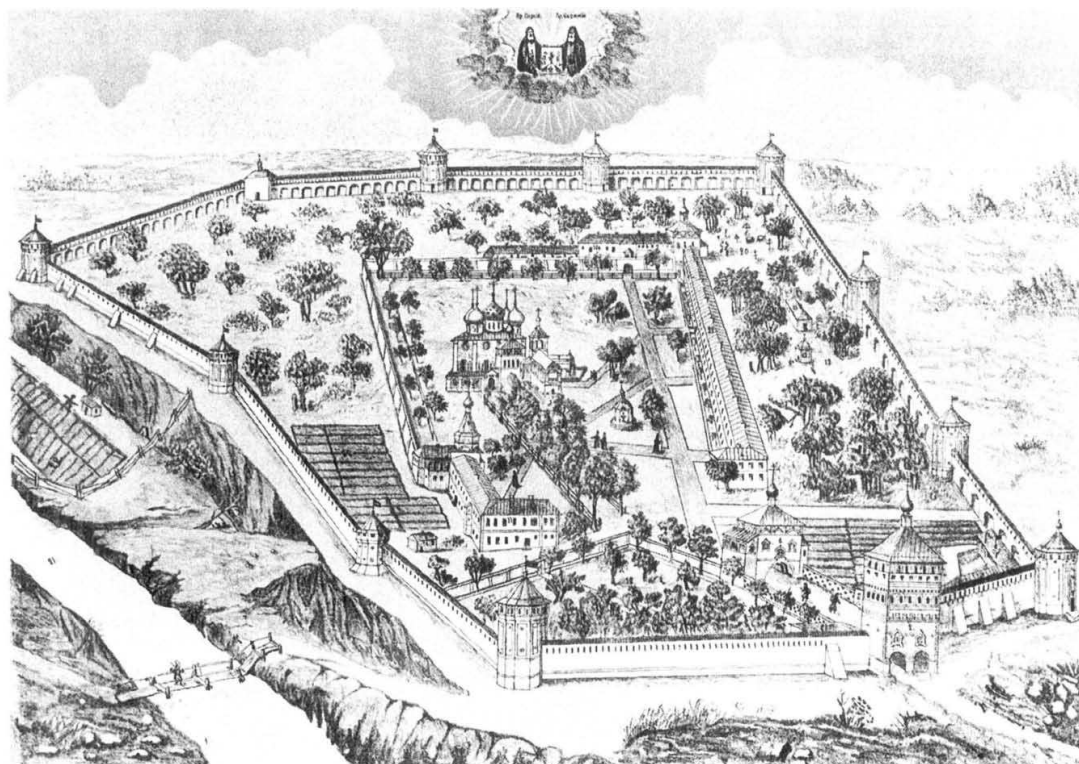

Рис. 1.44. Успенский Тихвинский монастырь. Функциональное зонирование комплекса.
Рис. автора.

Общий вид Суздальского Спасо-Евфимиева первоклассного монастыря, 1890

Рис. 1.45. Общий вид Суздальского Спасо-Евфимиева первоклассного монастыря, литография 1890 г. [131, с. 1].

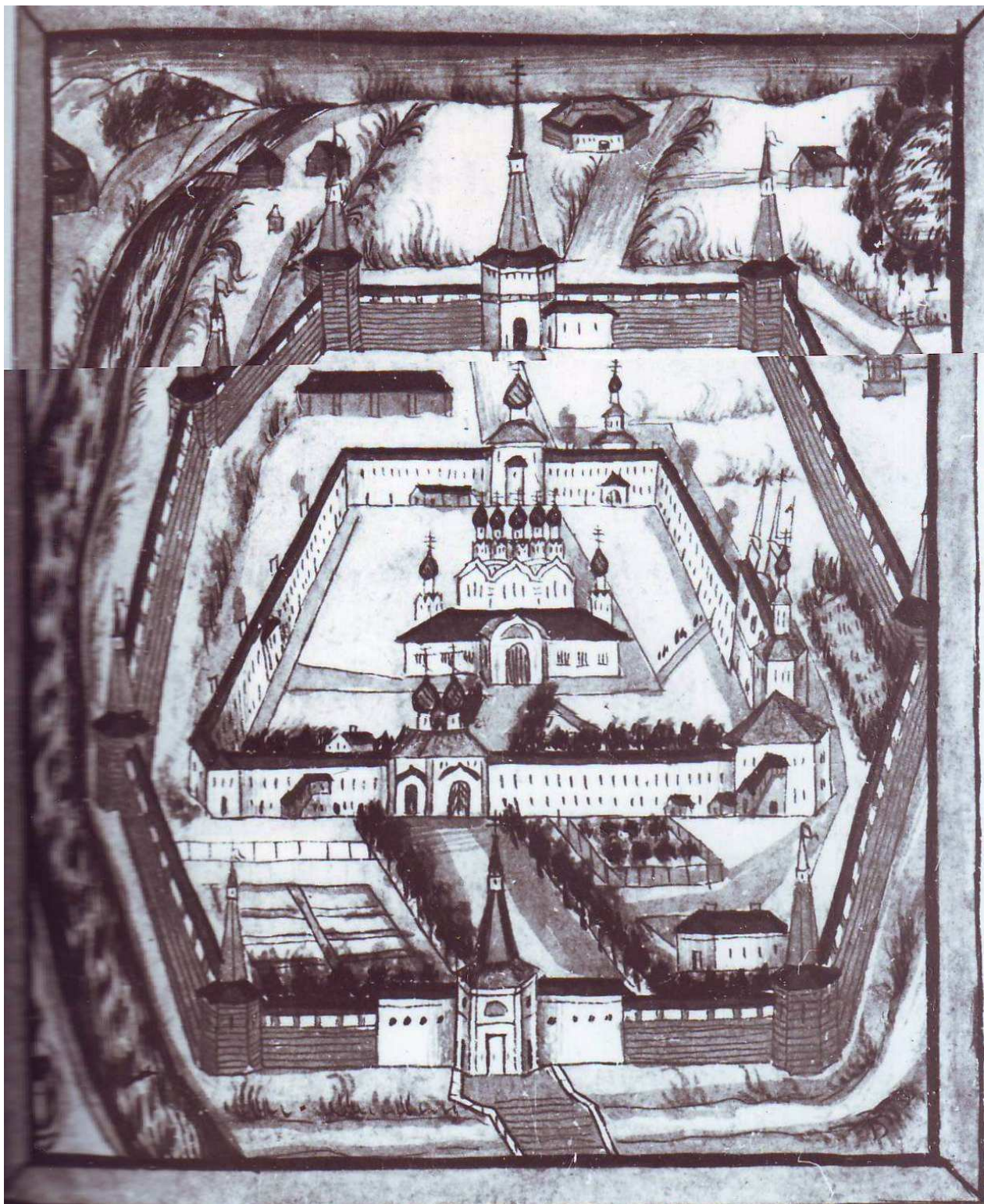

Рис. 1.46. Успенский Тихвинский монастырь. Миниатюра на л. 135 лицевой рукописи «Служба и сказания о явлении и чудесах Тихвинской иконы Богоматери». Нач. XIX в. [18, с. 42].

Рис. 1.47. Валдайский Иверский монастырь. Гравюра Макушева. 1824 г. [22, с. 286].

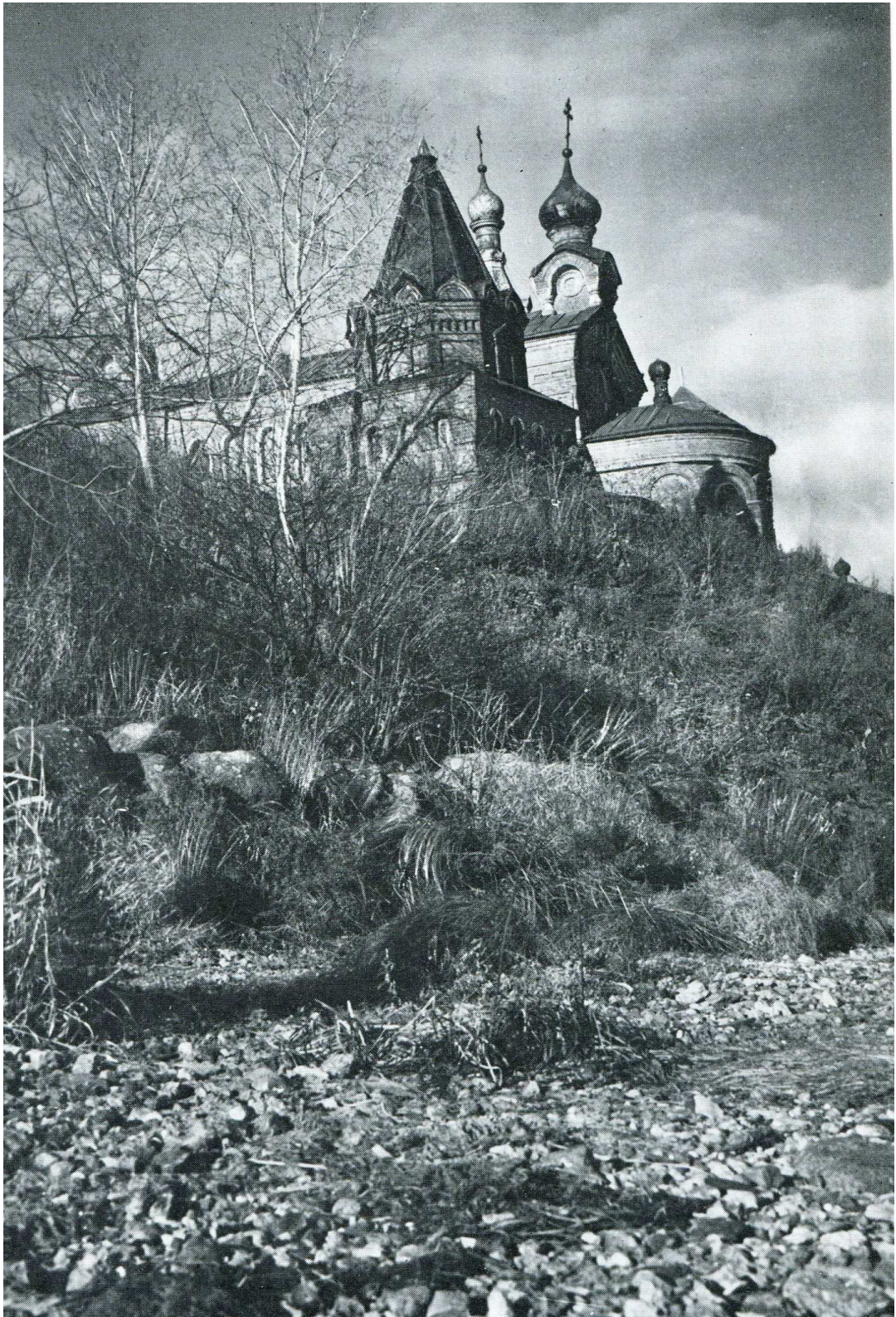

Рис. 1.49. Никольский монастырь на берегу Волхова. Ю.М. Гоголицын, Т.М. Гоголицына.
Памятники архитектуры Ленинградской области. – Л. : Стройиздат, 1987. С. 45

Рис. 1.50. Центральная группа зданий Свято-Троицкого Зеленецкого монастыря.
Фото В. Калинина, 2009 г.

Рис. 1.51. Изображение Николо-Вязищенского монастыря. [118, с. 195].

Рис. 1.52. Троице-Гледенский монастырь (Великий Устюг). Общий вид монастыря со стороны города (снимок 1921 г. А.Х. Синельникова). – В.П. Шильниковская. Великий Устюг. – М., 1987, С. 110.

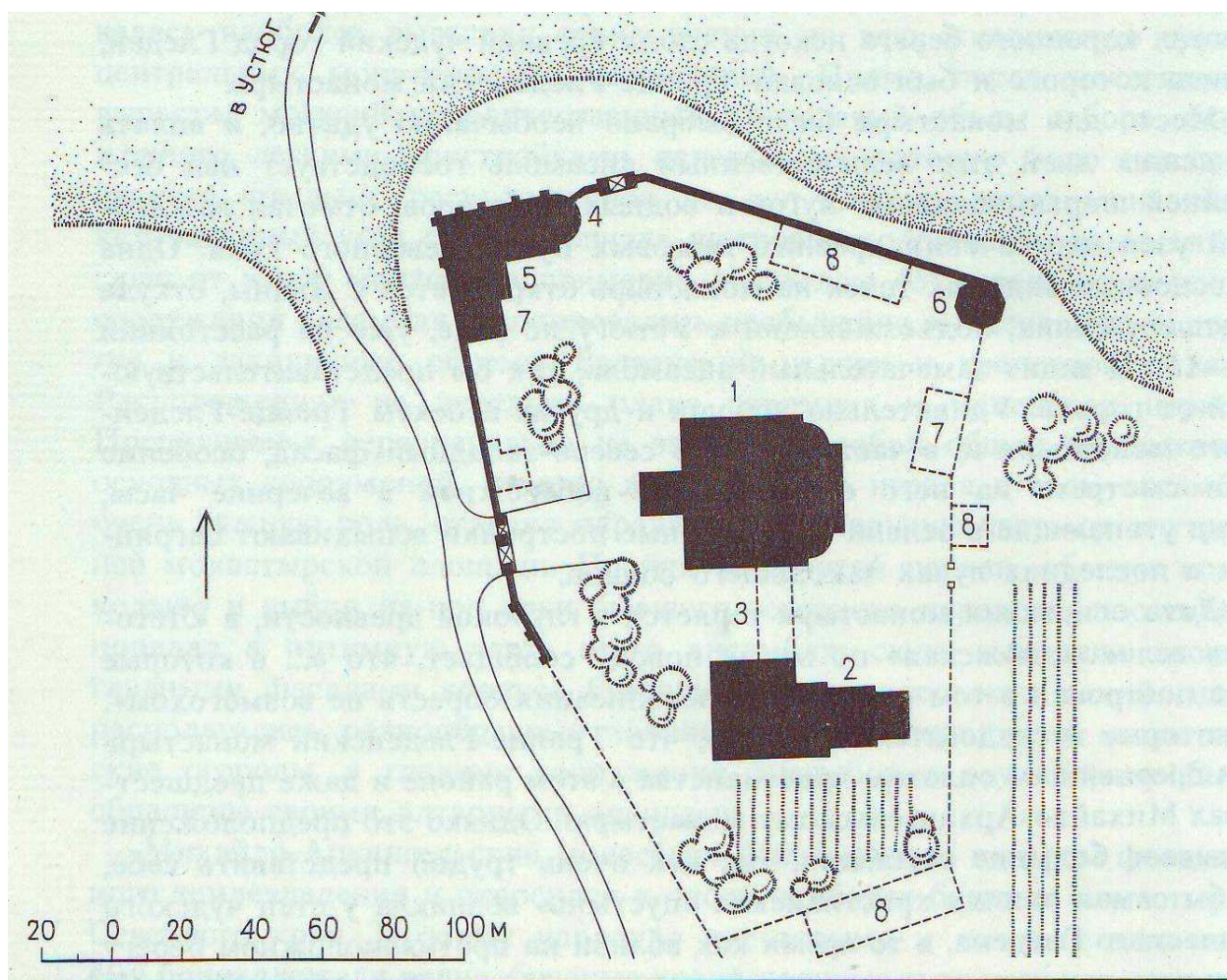

Рис. 1.53. Троице-Гледенский монастырь (Великий Устюг). План комплекса. – В.П. Шильниковская. Великий Устюг. – М., 1987, С. 111.

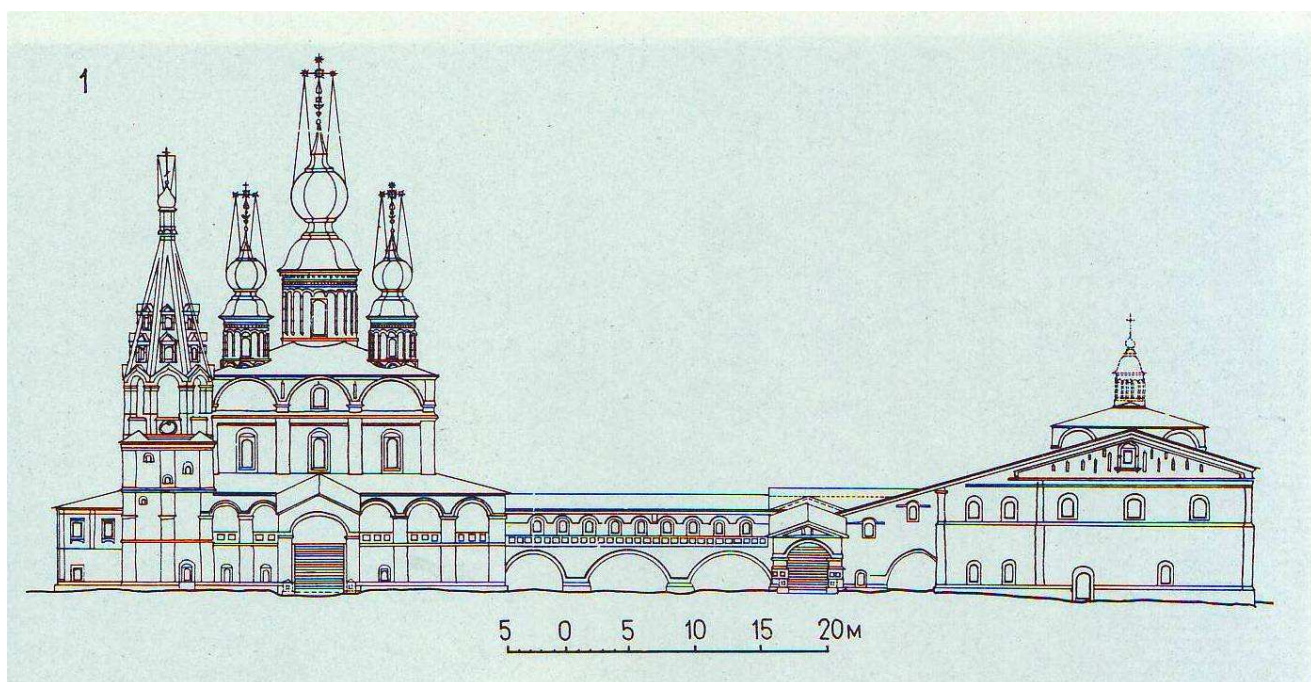

Рис. 1.55. Центральный комплекс сооружений Михаило-Архангельского монастыря. – В.П. Шильниковская. Великий Устюг. – М., 1987, С. 127.

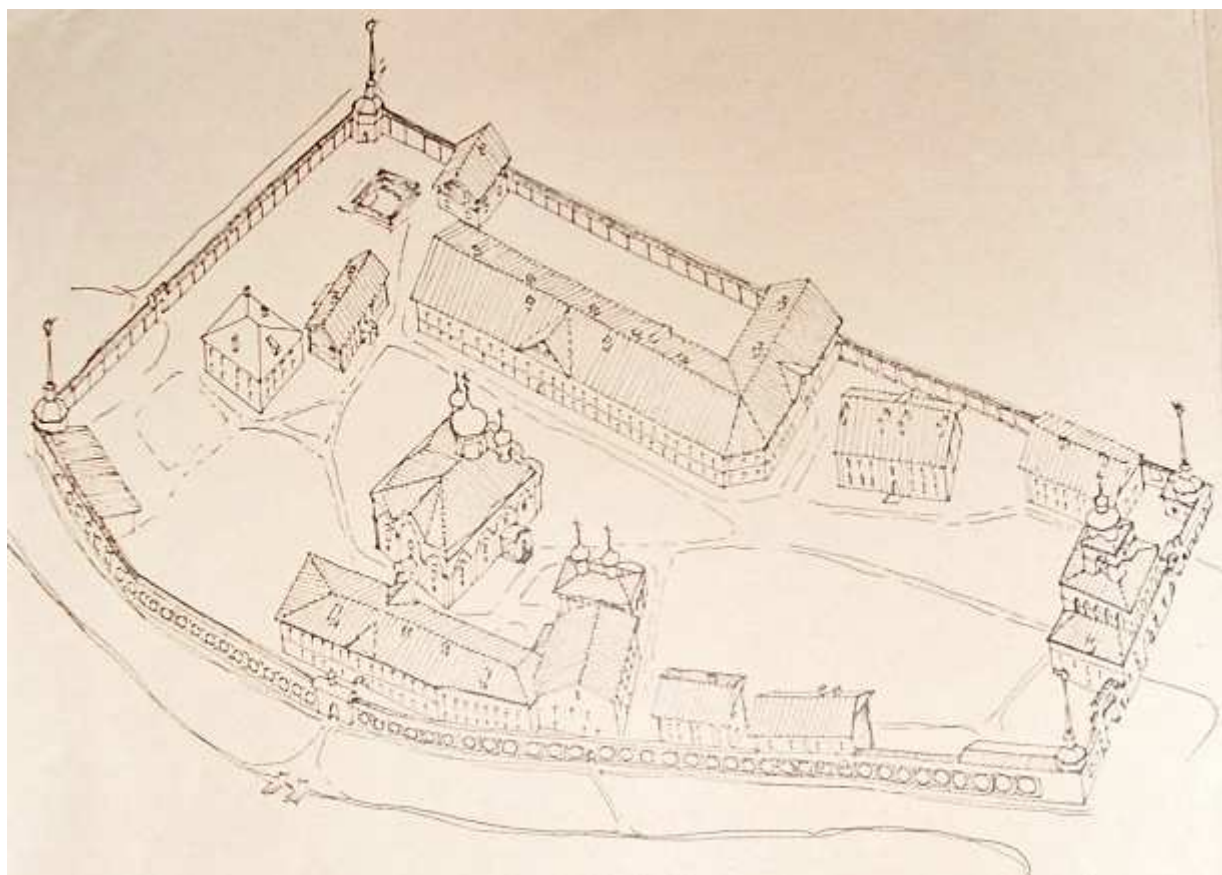

Рис. 1.56. Введенский монастырь г. Тихвина. Реконструкция на XIX в., арх Е.П. Варакин.

Рис. 2.1. Троицкий собор Свято-ТроицкогоЗеленецкого монастыря. Южный фасад.
Фото 2014 г.

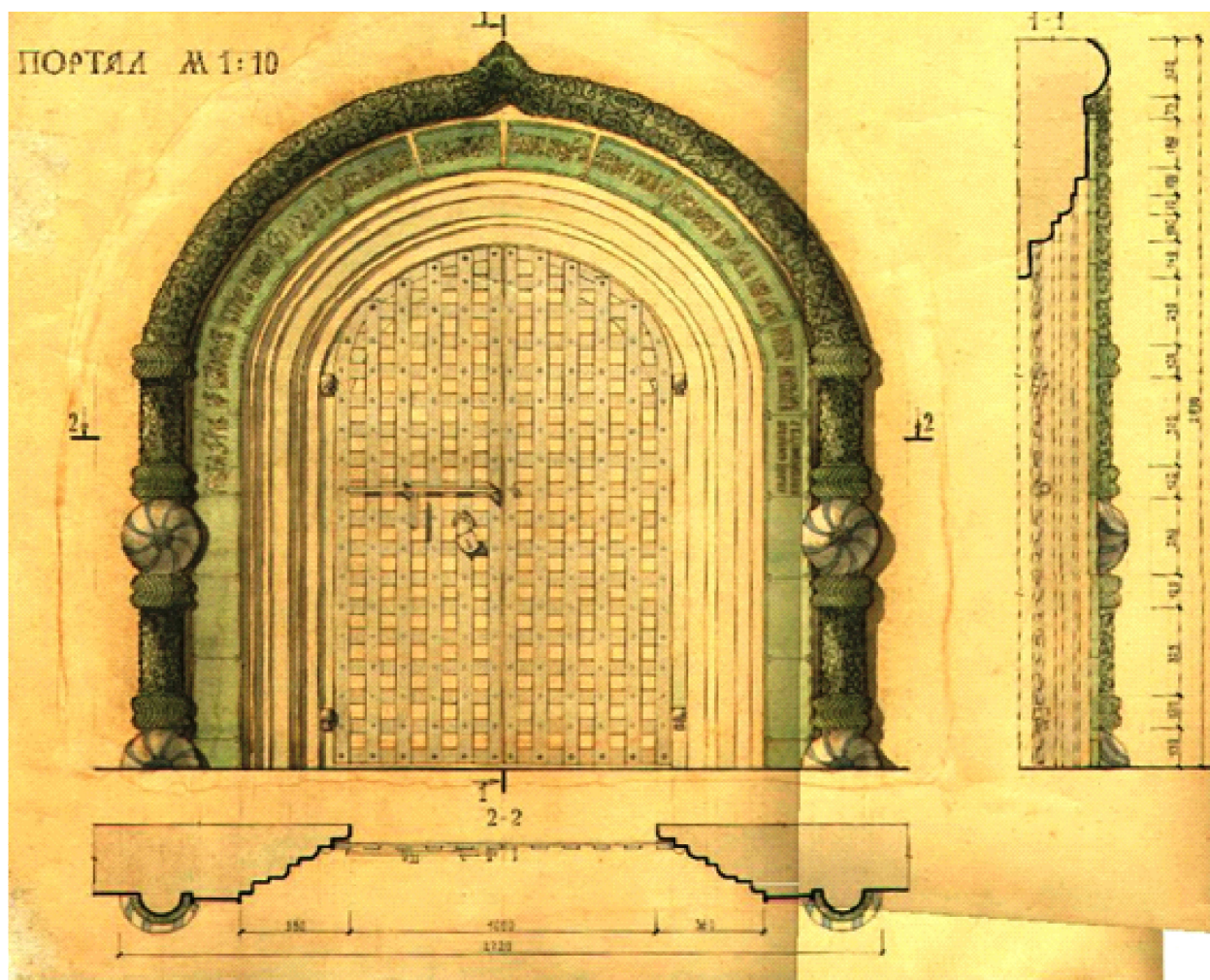

Рис. 2.2. Троицкий собор Свято-ТроицкогоЗеленецкого монастыря. Керамический портал с храмовой надписью [21, с. 15].

Рис. 2.3. Троицкий собор Свято-ТроицкогоЗеленецкого монастыря. Палатка над алтарным помещением (дьяконником). Фото 2013 г.

Рис. 2.4. Успенский собор Валдайского Иверского монастыря. Палатка над алтарным помещением [74, с. 135].

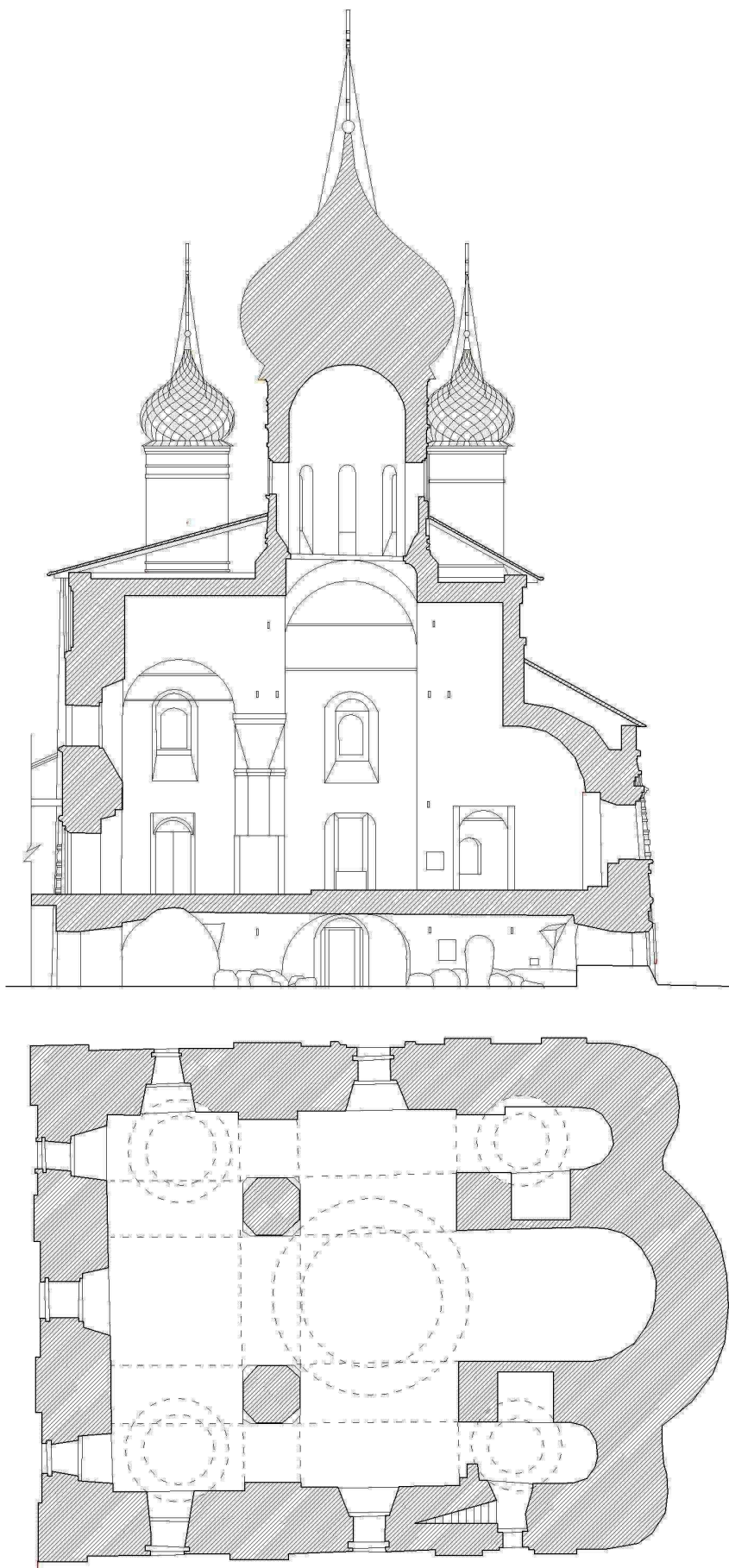

Рис. 2.5. Троицкий собор Свято-ТроицкогоЗеленецкого монастыря.
Графическая реконструкция автора. Разрез и план.

Рис. 2.6. Троицкий собор Троицкого Зеленецкого монастыря. Наличник оконного проема южного фасада. Фото автора. 2014 г.

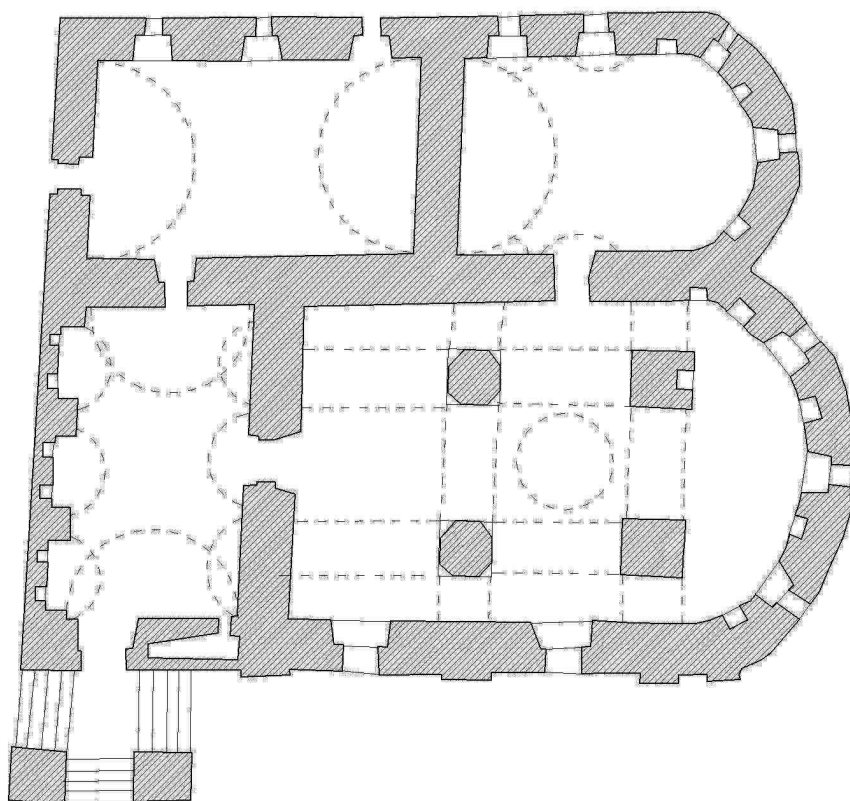
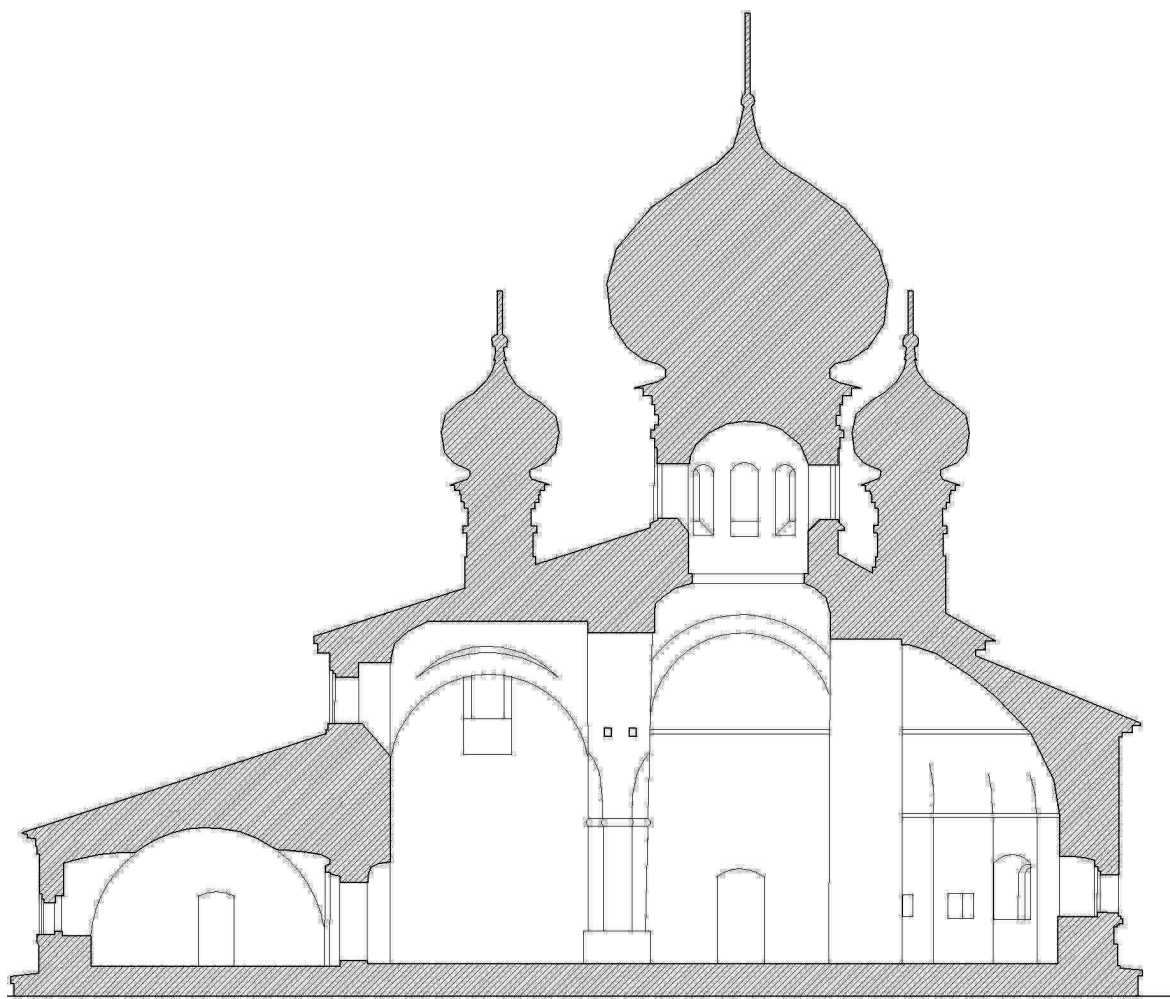

Рис. 2.7. Церковь Иоанна Предтечи. Старая Ладога. [17, с. 46].

Рис. 2.8. Колокольня Свято-Троицкого Зеленецкого монастыря. Фото 2014 г.

Рис. 2.9. Западный фасад трапезной палаты Троицкого Зеленецкого монастыря. Кирпичный декор. Фото 2009 г.

Рис. 2.10. Апсиды Троицкого собора Троицкого Зеленецкого монастыря. Кирпичный декор. Фото 2009 г.

Рис. 2.11. Троицкий собор Александро-Свирского Троицкого монастыря. Фото 2013 г.

Рис. 2.12. Апсида Троицкого собора Александро-Свирского Троицкого монастыря. Окна, освещающие палатки над алтарной частью. Фото автора 2014 г.

Рис. 2.13. Собор Введения во храм Пресвятой Богородицы Введенского Тихвинского монастыря. Фрагмент дипломной работы Питаевой О.Т. 2011 г. под руководством канд. арх. Возняк Е.Р. (СПбГАСУ)

Рис. 2.14. Спасо-Преображенский собор Александро-Свирского Троицкого монастыря.
Фото 2014 г.

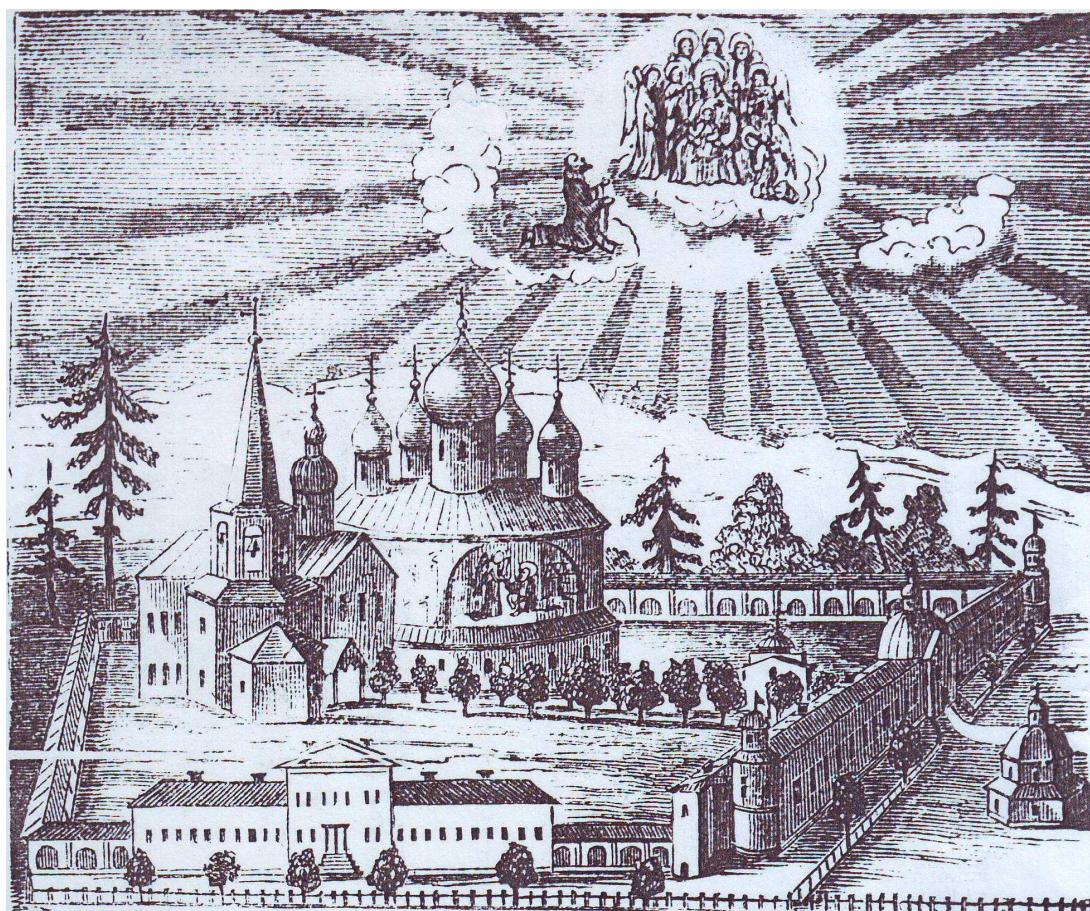

Рис. 2.15. Вид Спасо-Преображенского Александро-Свирского монастыря.
Гравюра 1850-х гг. Слева – церковь Захария и Елизаветы «иже под колоколы».
[17, с. 46].

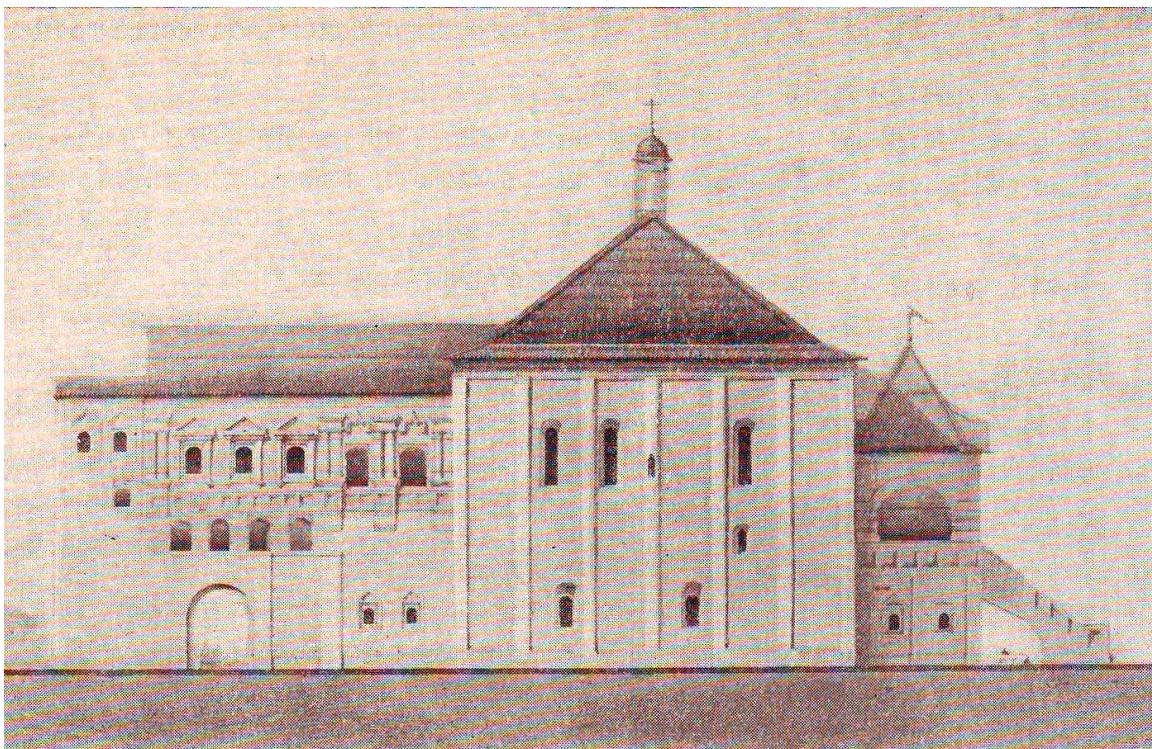

Рис. 2.16. Трапезная палата Макарьевского монастыря в Калязине. XVI в. Восточный фасад. Реконструкция (музей Академии архитектуры им. Щусева, арх. А.М. Харламова, И.Г. Шульман). М. Цапенко. Архитектура и фрески б. Макарьевского монастыря в Калязине. / Архитектурное наследие № 2. М., 1952 г., с. 167

Вид с северо-запада. Аксонометрия. Проект реставрации на XVI–XIX вв. Н.Н. Кузьминой

Рис. 2.17. Трапезная палата с Никольской церковью Михаило-Клопского монастыря. Реконструкция Н.Н. Кузьминой. [118, с. 324].

Рис. 2.18. Трапезная палата с Благовещенской церковью Троицкого Зеленецкого монастыря. Фото 2013 г.

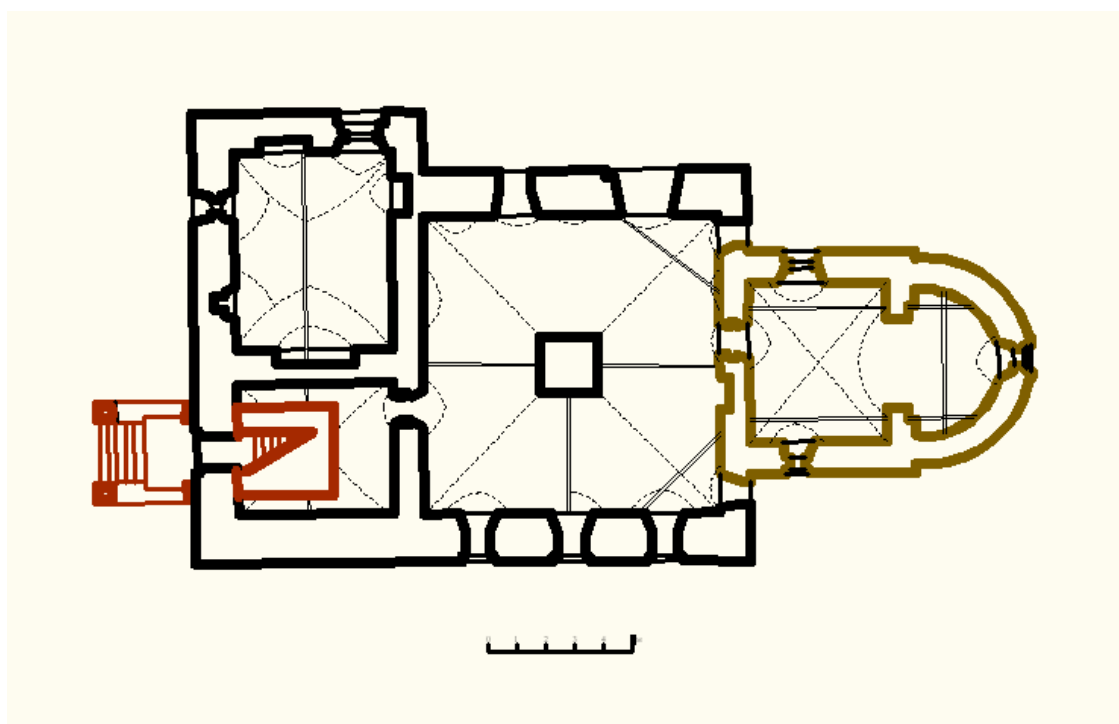

Рис. 2.19. Трапезная палата с Благовещенской церковью Троицкого Зеленецкого монастыря. План подклета (реконструкция автора).

Рис. 2.20. Трапезная палата с Покровской церковью Александро-Свирского Троицкого монастыря. Фото 2013 г.

2.21. Интерьер Трапезной палаты Троицкого Зеленецкого монастыря. Фото 2012 г.

Рис. 2.22. Трапезная палата Иверского Валдайского монастыря. Фото 2007 г.

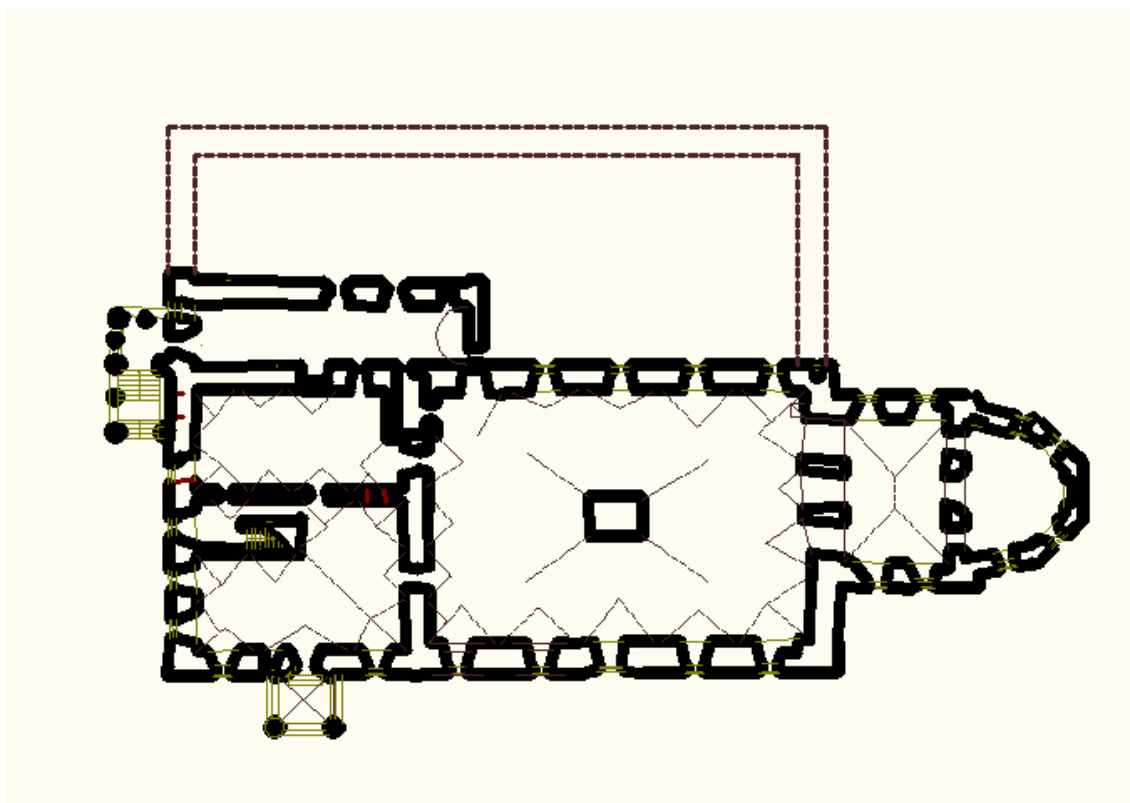

Рис. 2.23. Трапезная палата Иверского Валдайского монастыря. План 1 яруса (основного этажа).

Рис. 2.24. Апсиды церкви Рождества Богородицы трапезной палаты Введенского Тихвинского монастыря. Фото Е. Варакина, 2008 г.

Рис. 2.25. Сбивка лопаток в верхней части северного фасада церкви Рождества Богородицы трапезной палаты Введенского Тихвинского монастыря. Фото Е. Варакина, 2008 г.

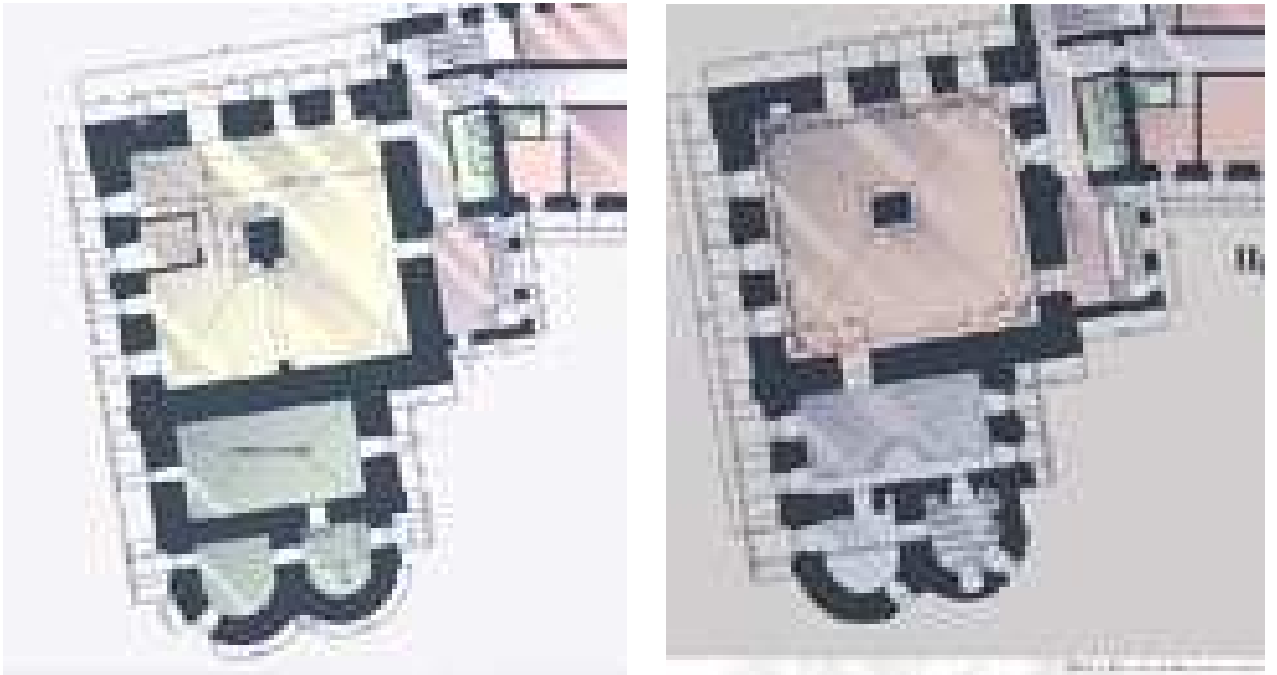

Рис. 2.26. Трапезная с церковью Рождества Богородицы Введенского Тихвинского монастыря. Фрагмент дипломной работы Питаевой О.Т. 2011 г. под руководством канд. арх. Возняк Е.Р. (СПбГАСУ)

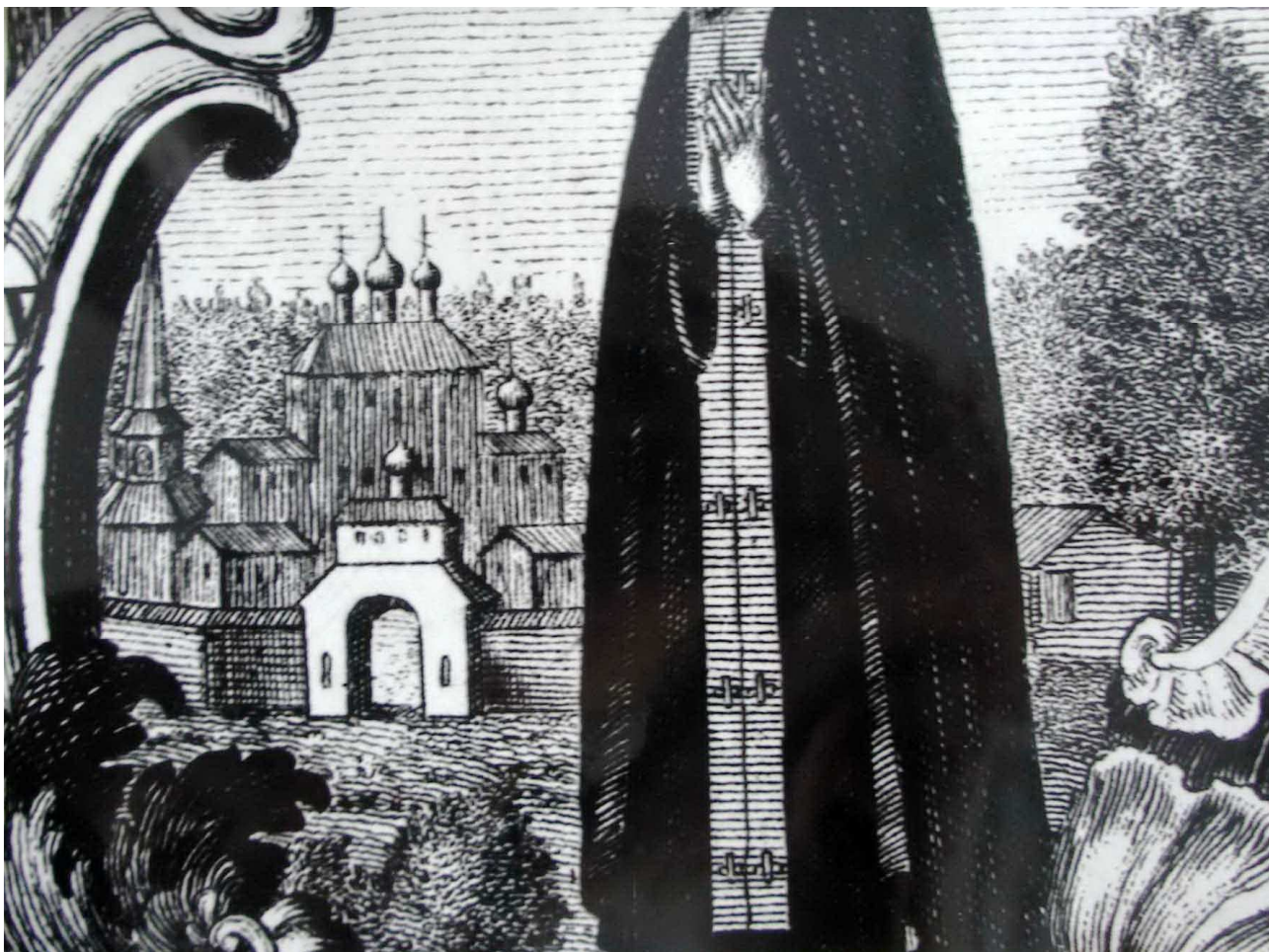
2.27. Гравюра с изображением монастырей Афона, кон. XIX в. Из колл. Е. Варакина.

Рис. 2.28. Надвратная церковь Горицкого монастыря (Переславль-Залесский).
Фото Е. Черныш. 2014 г.

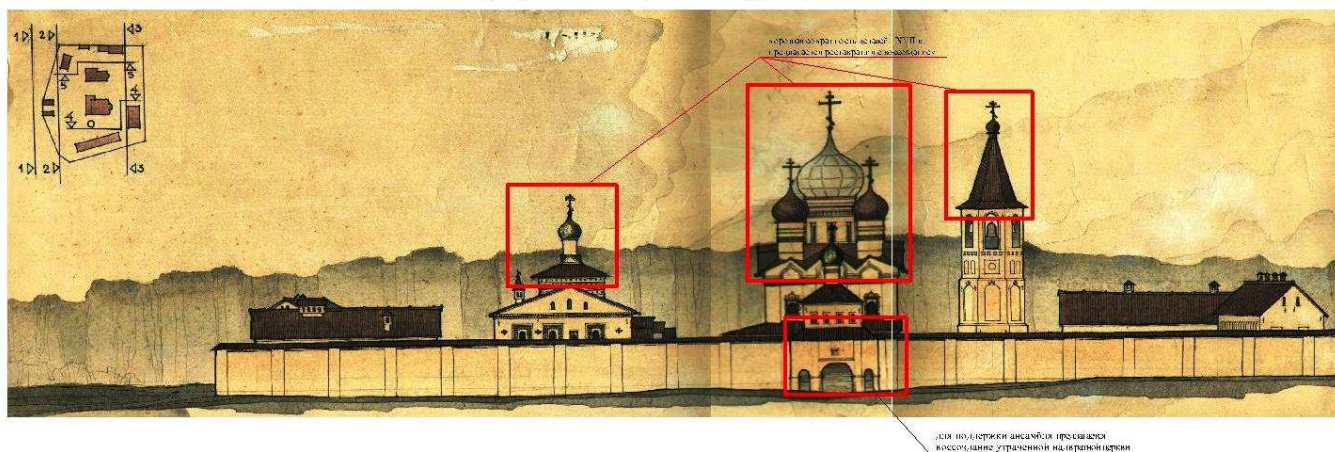

Рис. 2.29. Надвратная церковь Феропонтова монастыря. Фотоальбом Феропонтов
монастырь. <http://www.novodev.narod.ru/ferapontov/ferapontov.html>

2.30. Клеймо с гравюры с видом Большого Тихвинского монастыря 1759 г. Изображение Троицкой Зеленецкой пустыни. Гравюра Г.А. Качалова. [22, с. 283].

Графическая реконструкция на XVII в. 1-1

2.31. Троицкий Зеленецкий монастырь. Надвратная церковь Иоанна Богослова. Реконструкция автора.

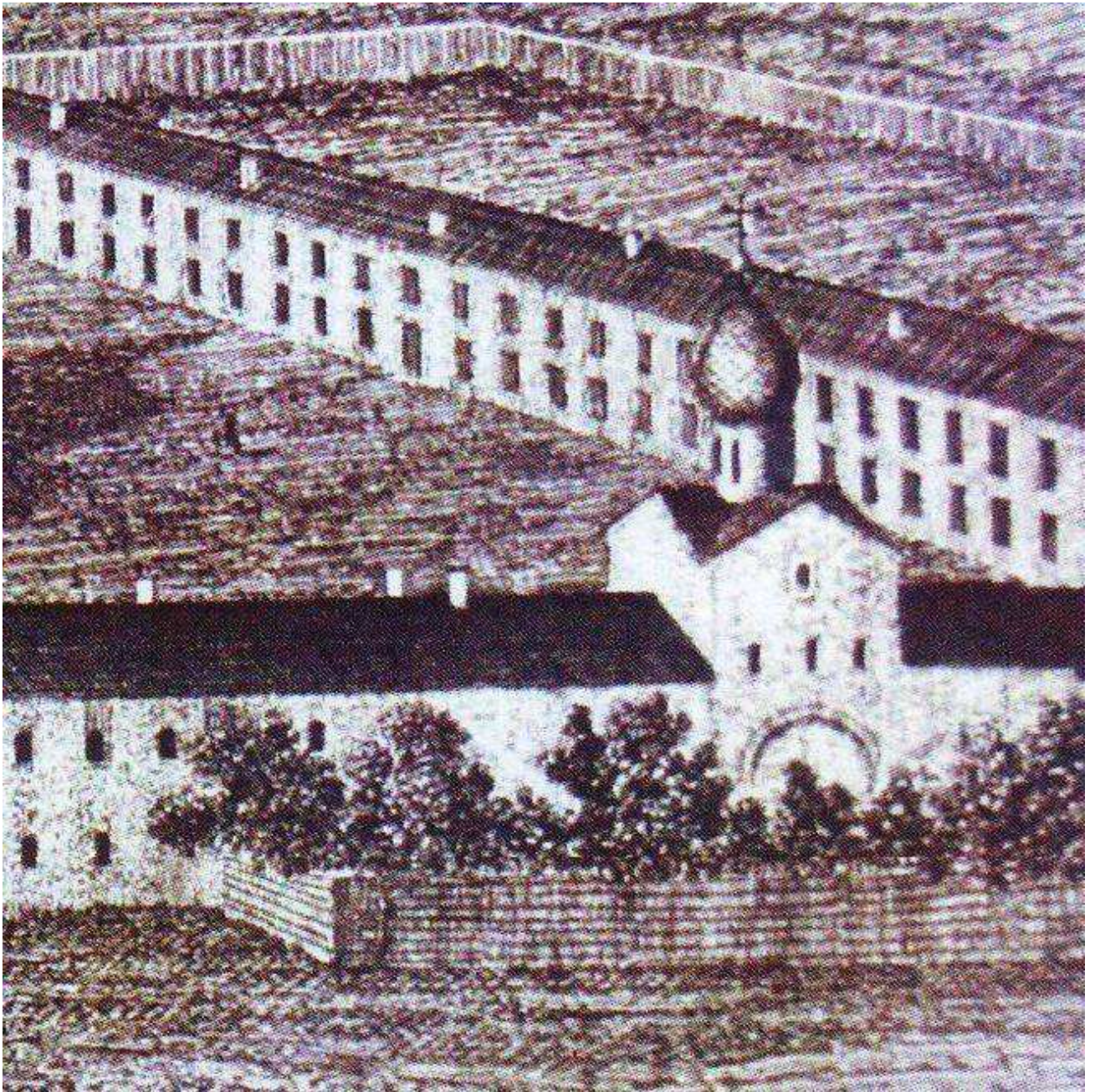

Рис. 2.32. Свято Троицкий Спасо-Преображенский монастырь Олонецкой губернии и уезда. Фрагмент гравюры XIX в. [4, с. 131].

Рис. 2.33. Фрагмент чертежа проекта реставрации Троицкого собора Александрo-Свирского Троицкого монастыря. Автор – А.Н. Милорадович. Архив ОАО СПб НИИП «НИИ Спецпроектреставрация». – Д. 1187, с. 14..

Рис. 2.34. Фасадный изразец (карнизный валик) Троицкого собора Зеленецкого монастыря. Фото 2011 г.

Рис. 2.35. Изразцы в структуре наличника оконного проема Троицкого собора Зеленецкого монастыря. Фото 2011 г.

Рис. 2.36. Наличник оконного проема трапезной палаты Троицкого Зеленецкого монастыря. Фото 2010 г.

Рис. 2.37. Наличники трапезной палаты Троицкого Зеленецкого монастыря. Фото 2011 г.

Рис. 2.38. Наличник оконного проема южного фасада церкви Рождества Богородицы Каргополя, 1683 г. Фото 2011 г.

Рис. 2.39. Церковь Иоанна Предтечи в Толчкове , Ярославль. 1671-1677.
<http://www.roadplanet.ru/home/reports/653/>

Рис. 2.40. Наличник оконного проема центральной апсиды Троицкого собора Зеленецкого монастыря. Фото 2013 г.

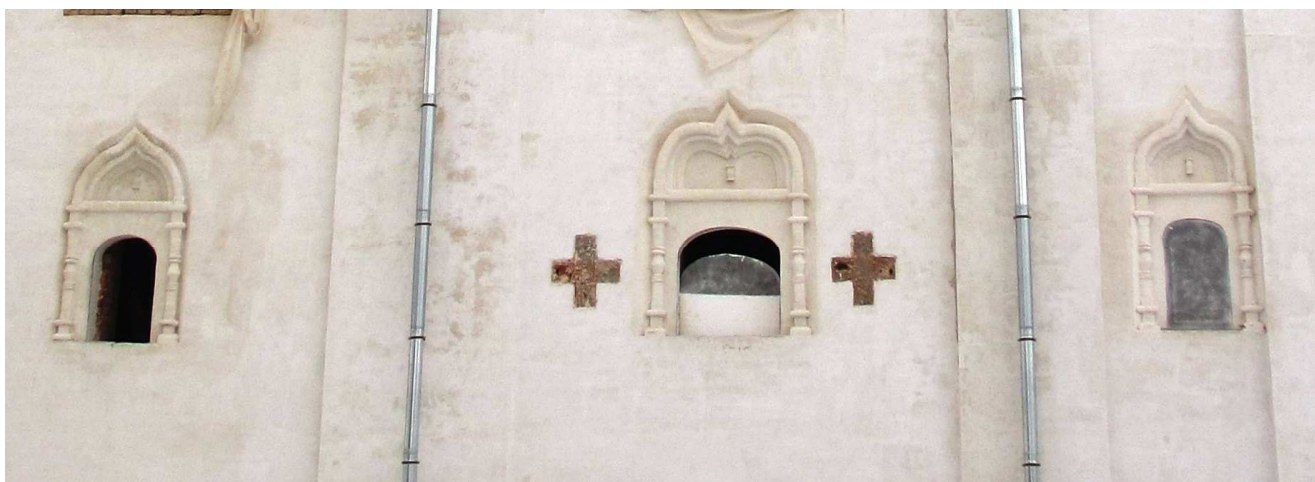

Рис. 2.41. Троицкий собор Зеленецкого монастыря. Наличники оконных проемов южного фасада. Фото 2013 г.

Рис. 2.42. Новгород. Детинец. Корпус Владычного двора. М.К. Каргер. Новгород. Памятники архитектуры XI – XVII веков. Л., 1975. С.106.

Рис. 2.43. Наличники оконных проемов Троицкого собора Александрo-Свирского Троицкого монастыря. Фото 2014 г.

Рис. 2.44. Наличники оконных проемов Спасо-Преображенского собора Александрo-Свирского монастыря. Фото 2014 г.

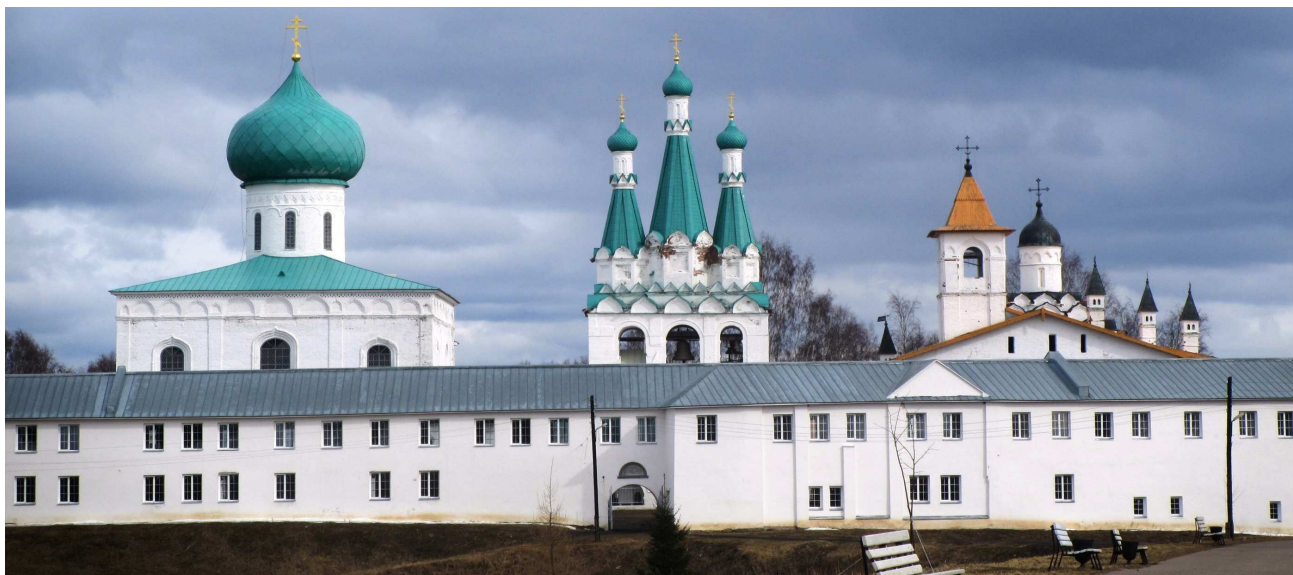

Рис. 3.1. Александро-Свирский Троицкий монастырь. Настоятельские кельи расположены в центре западной линии каре корпусов ограды. Фото автора 2014 г.

Рис. 3.2. Успенский Богородичный Тихвинский монастырь. Житенные кельи расположены в восточной линии корпусов внутреннего каре комплекса. Проектное предложение реставрации ансамбля. (ОАО СПб «НИИ Спецпроектреставрация», Е. Варакин, Т. Пятницкая, Д. Николаева, Е. Черныш. Д. 4813, с. 12).

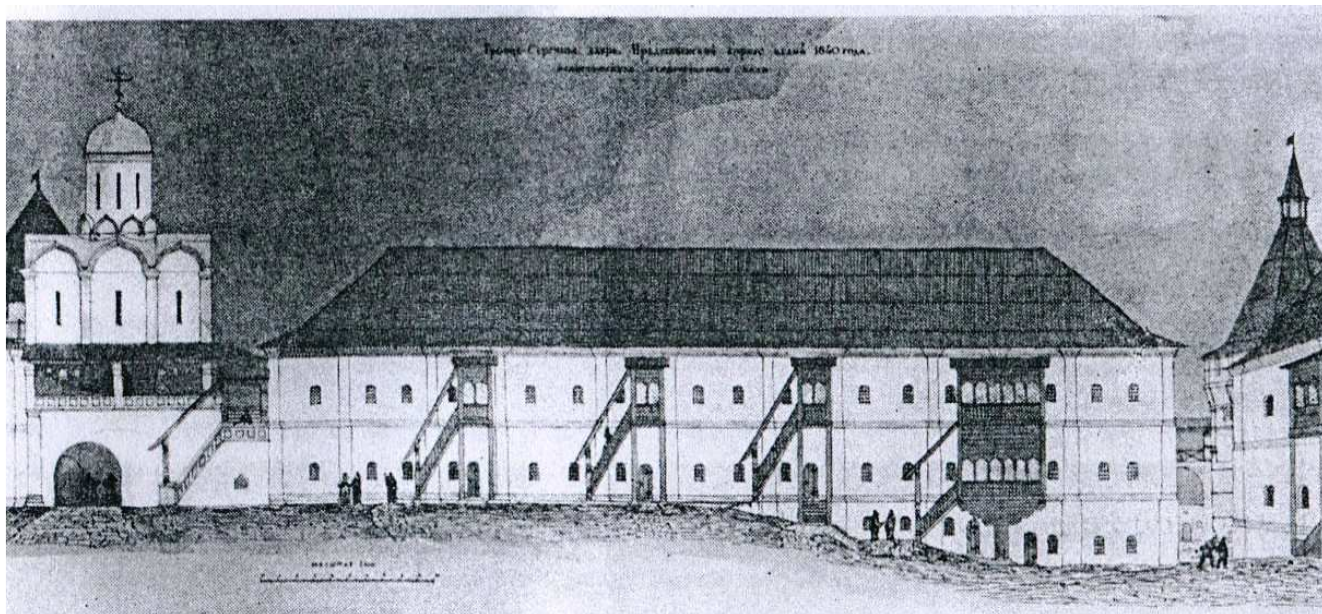

Рис. 3.3. Поэтажная изоляция келий. Троице-Сергиева лавра. Предтеченский корпус келий. Реконструкция В.И. Балдина на 1640-е гг. [40, с. 109].

Рис. 3.4. Поэтажная изоляция келий. Ярославль. Спасо-Преображенский монастырь. Келейный корпус. Фото Е. Черныш. 2014 г.

Рис. 3.5. Иверский Валдайский монастырь. Казначейские кельи. Восточный фасад (на соборный двор). Дифференциация декора фасадов. Фото 2007 г.

Рис. 3.6. Иверский Валдайский монастырь. Казначейские кельи. Западный фасад (на хозяйственный двор). Дифференциация декора фасадов. Фото 2007 г.

Рис. 3.7. Успенский Тихвинский монастырь. Северный фасад. Поэтажная дифференциация декора. Фото автора, 2012 г.

Рис. 3.8. Спасо-Прилуцкий монастырь (Вологда). Келья при трапезной палате. Фото автора, 2014 г.

Рис. 3.9. Продухи в верхней (чердачной) части келейных корпусов. Кельи западной ограды Спасо-Прилуцкого монастыря. Фото 2014 г.

Рис. 3.10. Продухи в верхней (чердачной) части келейных корпусов. Успенский Тихвинский монастырь. Южные кельи. Фото 2013 г.

Рис. 3.11. Троицкий Зеленецкий монастырь. Южные братские кельи. Фото 2014 г.

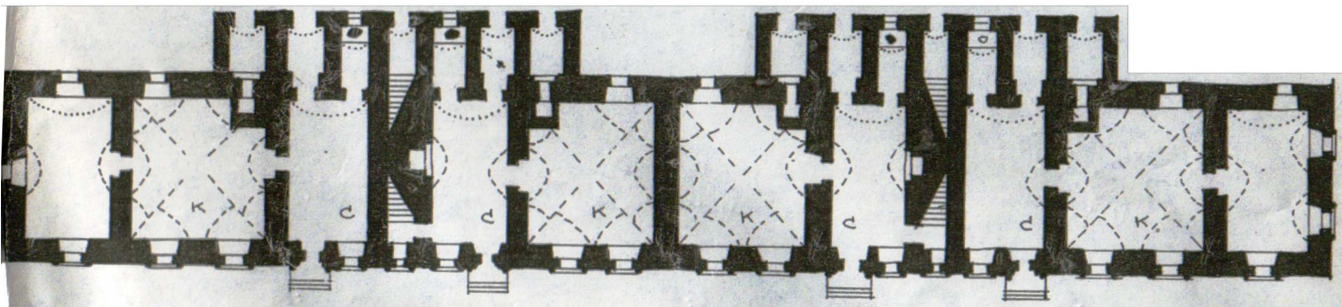

Рис. 3.12. Троицкий Зеленецкий монастырь. Южные братские кельи.
План 1 этажа, реконструкция автора.

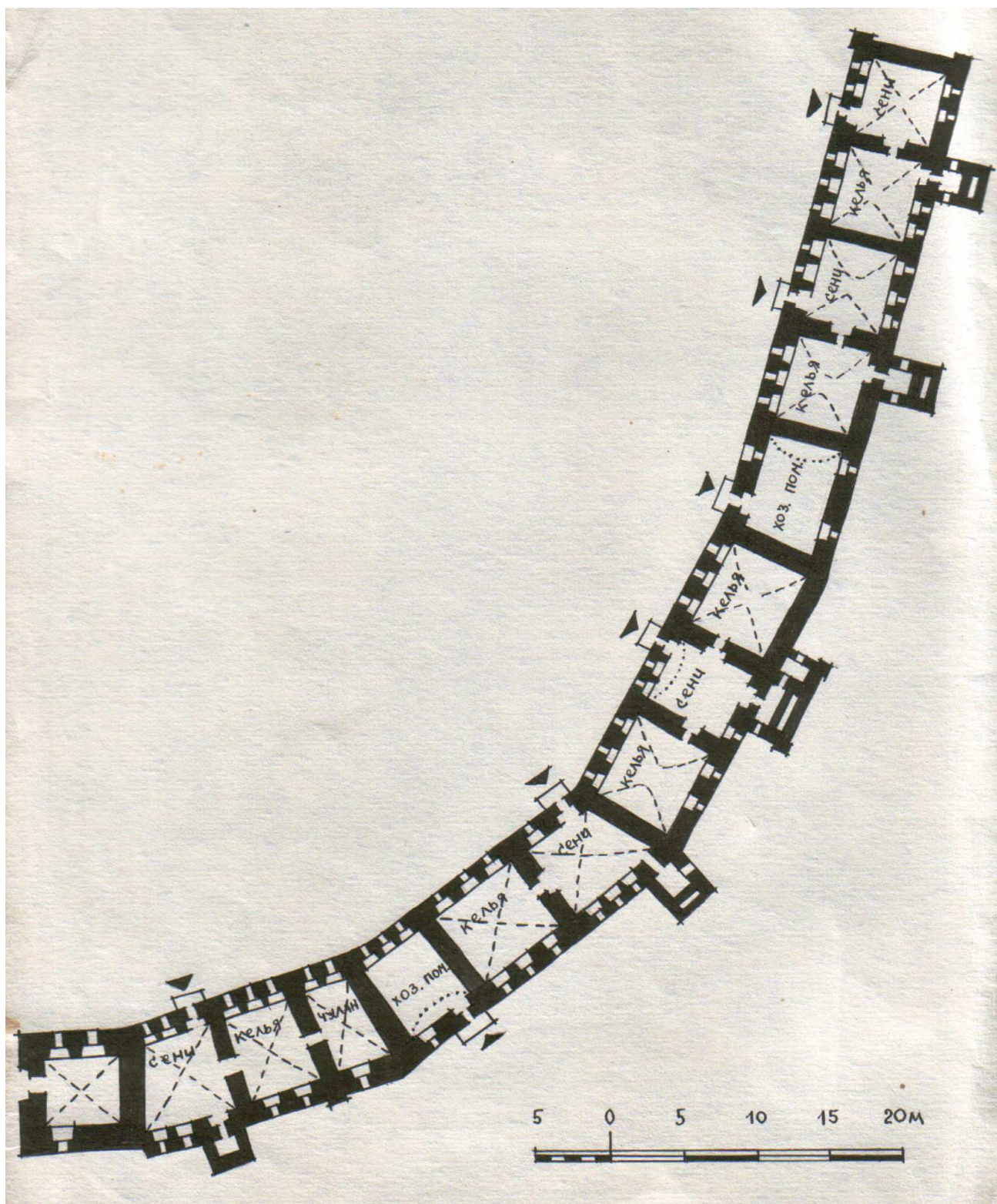

Рис. 3.13. Пафнутьев-Боровский монастырь (Боровск). Юго-восточные братские кельи. Реконструкция В.Н. Меркеловой. – Пафнутьев-Боровский монастырь (Краткий обзор исследований и реставрации 1955-1975 гг.). / Реставрация и исследования памятников культуры. М., 1982. С. 186.

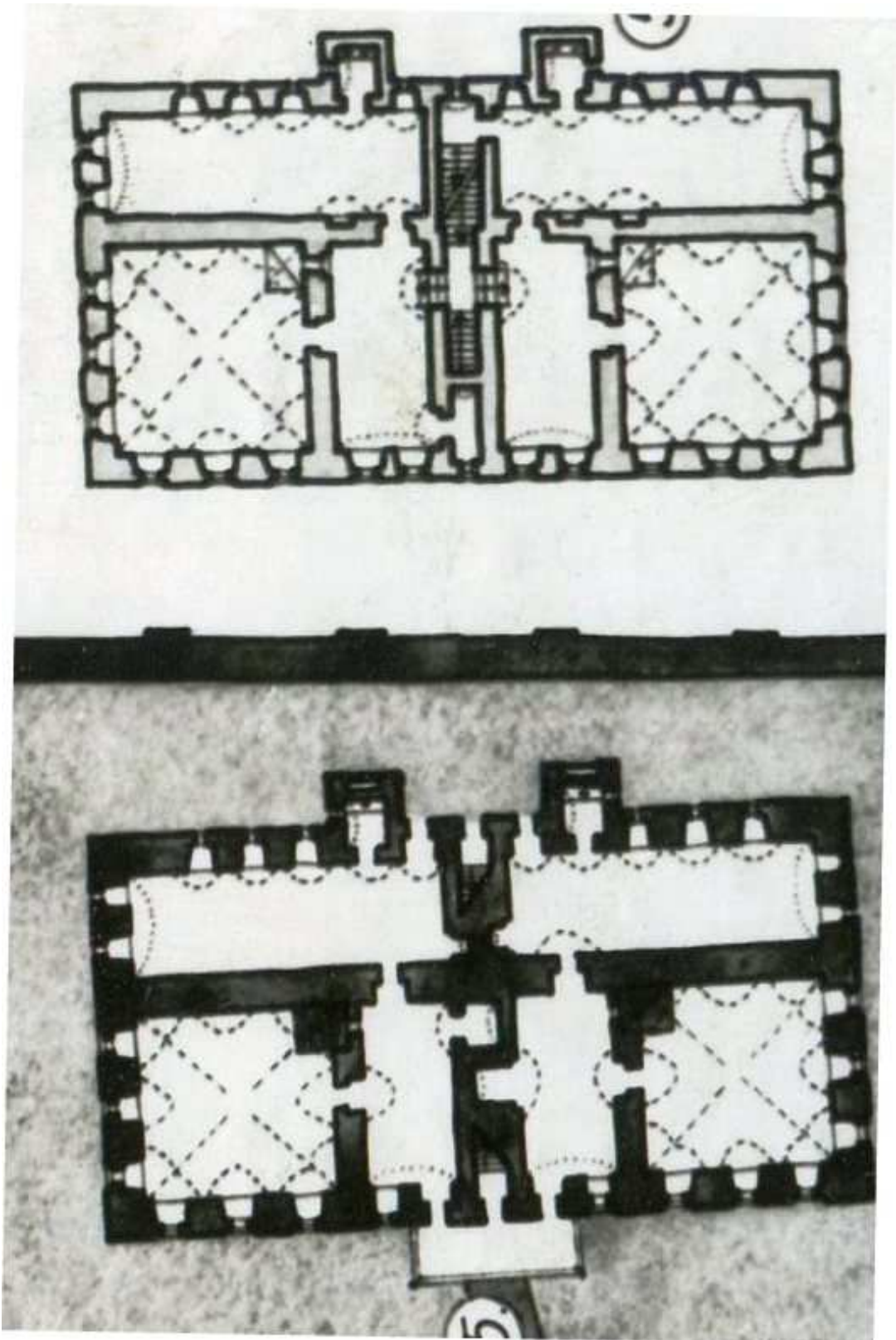

Рис. 3.14. Троицкий Зеленецкий монастырь. Восточные братские кельи.
Реконструкция автора на 1680-е гг.

Рис. 3.15. Западная линия братских келий Александро-Свирского Троицкого монастыря, восточный фасад. Фото 2014 г.

Рис. 3.16. Западная линия братских келий Александро-Свирского Троицкого монастыря, интерьеры. Фото 2014 г.

Рис. 3.17. Успенский Тихвинский монастырь. Декор келейных корпусов. Фото 2013 г.

Рис. 3.18. Никольская церковь с больничными палатами (1669 г.).
Спасо-Евфимиев монастырь Суздаля. Фото Е. Черныш. 2014 г.

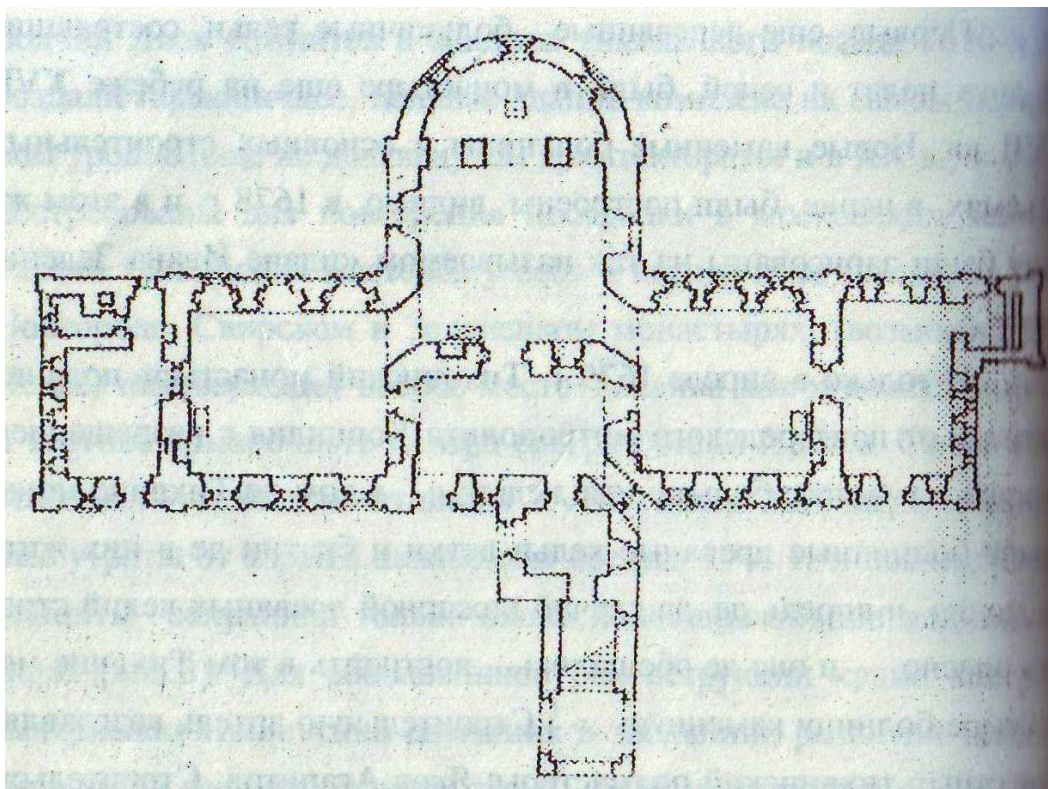

Рис. 3.19. Больничные кельи с с церковью апостола Андрея Первозванного. Реконструкция на 1678 г. арх. Е. Варакина [60, с. 150].

Рис. 3.20. Больничные кельи с церковью Иакова Боровичского Валдайского Иверского монастыря. Западное крыльцо на 2 этаж с палатами. Фото 2007 г.

Рис. 3.21. Троице-Сергиева лавра. Больничные кельи с церковью Зосимы и Савватия Соловецких (1637 г.). Фото Е. Крюковой, 2014 г.

Рис. 3.23. Ново-Иерусалимский монастырь. Больничные кельи (1698 г.)
Фото Ю. Булкина, 2008 г. <http://sobory.ru/photo/?photo=52803>

Рис. 3.24. Ново-Иерусалимский монастырь. Больничные кельи. Фото © Мочалов Артём aka ToM ШленУ

Рис. 3.25. Пафнутаев-Боровский монастырь. Больничные кельи с церковью Ильи (XVII в.) В.Н. Меркелова. Пафнутаев-Боровский монастырь. // Реставрация и исследования памятников культуры. М., Стройиздат, 1982, с. 186.

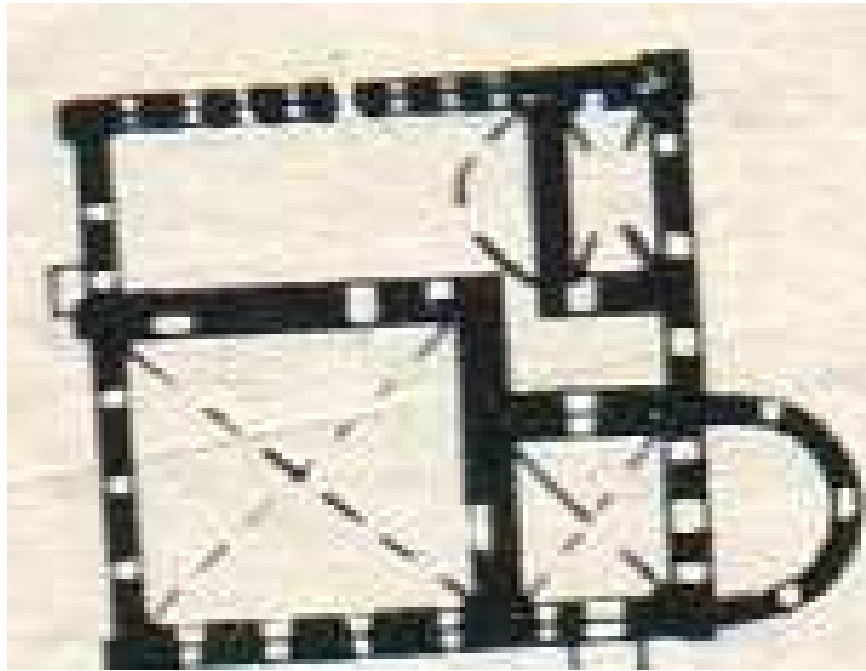

Рис. 3.26. Пафнютьев-Боровский монастырь. Больничные кельи с церковью Ильи (XVII в.), реконструкция плана В.Н. Меркеловой. Пафнютьев-Боровский монастырь. // Реставрация и исследования памятников культуры. М., Стройиздат, 1982, с. 191.

Рис. 3.28. Валдайский Иверский монастырь. Больничные кельи с трапезной и церковью Иакова Боровичского. Фото 2011 г.

Рис. 3.29. Успенский Тихвинский монастырь. Больничные кельи с церковью апостола Андрея Первозванного. Проект реставрации арх. Е. Варакина. 2004 г. (ОАО СПб «НИИ Спецпроектреставрация», Е. Варакин, Т. Пятницкая, Д. Николаева, Е. Черныш. Д. 4813, с. 12).

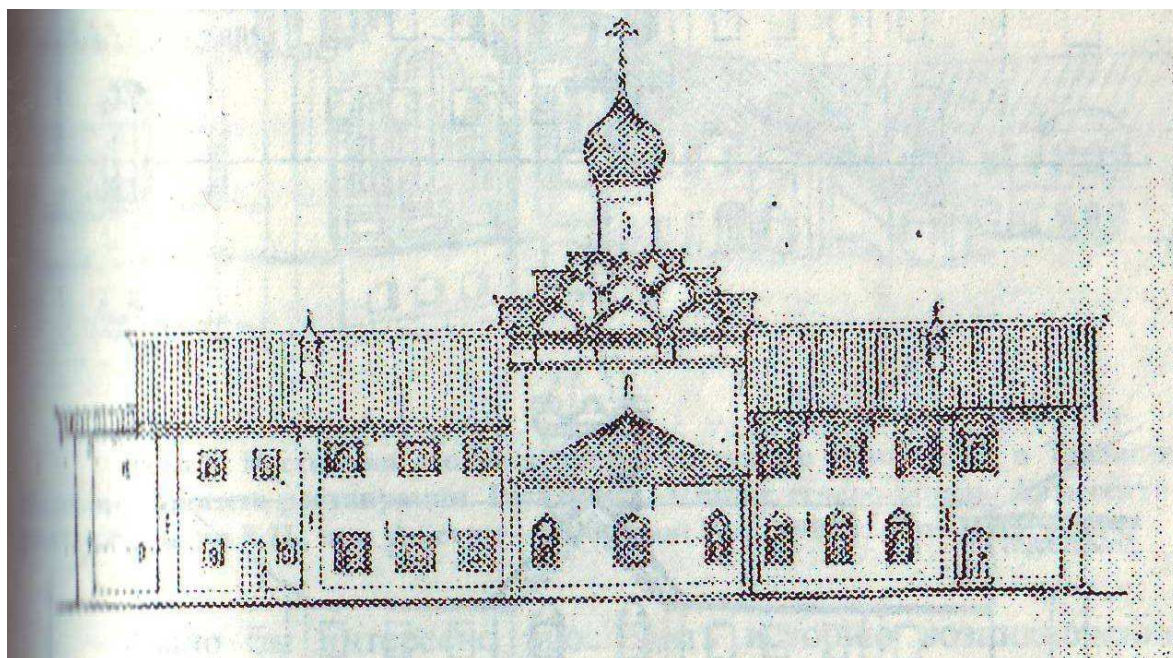

Рис. 3.30. Успенский Тихвинский монастырь. Больничные кельи с церковью апостола Андрея Первозванного. Реконструкция на 1678 г. арх. Е. Варакина.

Рис. 3.31. Успенский Тихвинский монастырь. Больничные кельи с церковью апостола Андрея Первозванного. Фрагмент восточного фасада. Фото 2012 г.

Рис. 3.32. Больничная церковь Иоанна Дамаскина Александро-Свирского Троицкого монастыря. Фото 2014 г.

Рис. 3.34. Успенский Богородичный Тихвинский монастырь. Архимандричьи кельи в западной линии внутреннего каре зданий, с юга от Святых ворот с надвратной церковью Вознесения. Проектное предложение реставрации ансамбля. (ОАО СПб «НИИ Спецпроектреставрация», О. Боровицкая, Е. Варакин, Д. Николаева, Е. Черныш).

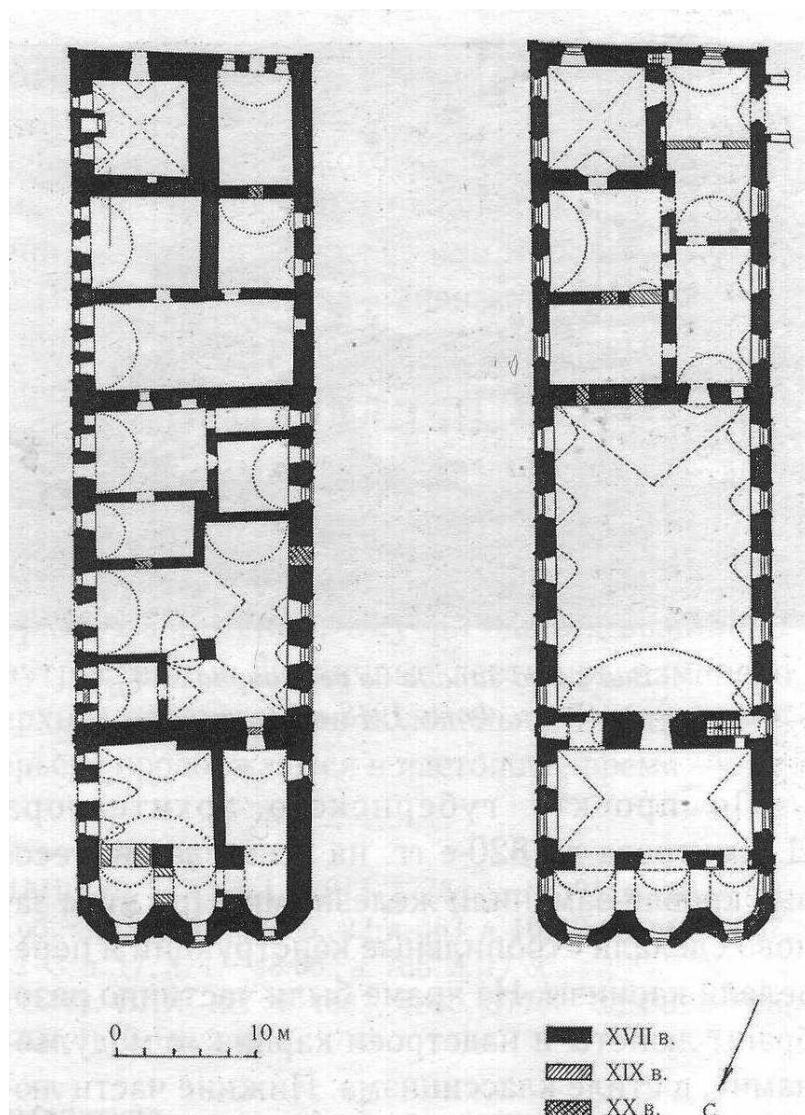

Рис. 3.35. Николо-Вязищский монастырь. Настоятельские кельи при трапезной палате с церковью Вознесения. Планы этажей. [118, с. 333].

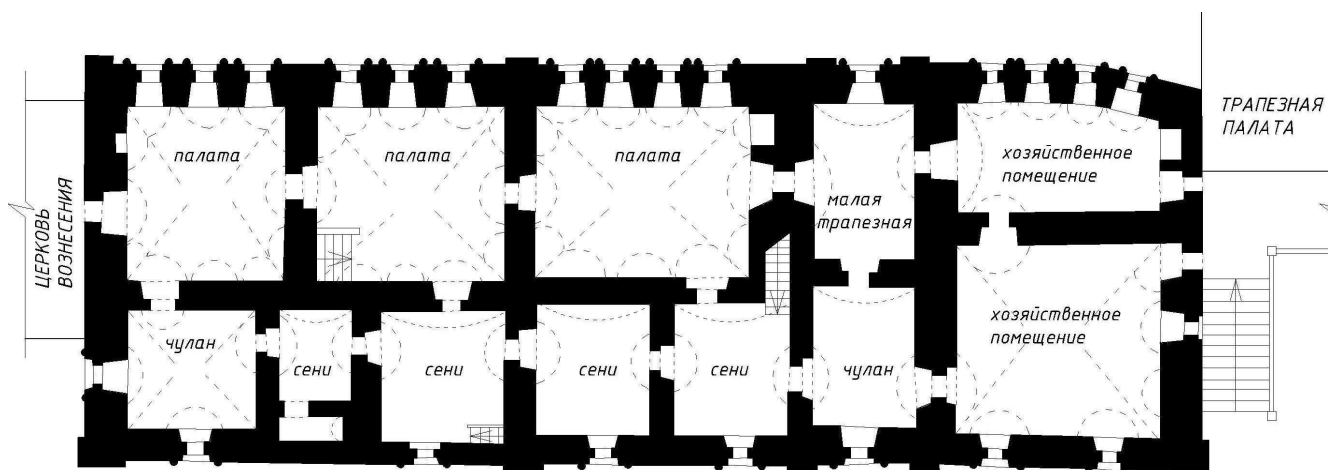

Рис. 3.36. Успенский Богородичный Тихвинский монастырь. Архимандричьи кельи. План 2 этажа. Реконструкция автора на 1686 г.

Рис. 3.37. Вологда. Архиерейское подворье. Первое гражданское каменное здание в Вологде. Палатка в центральной части здания – аналог утраченной палатки Архимандричьих келий Успенского Тихвинского монастыря. Фото 2014 г.

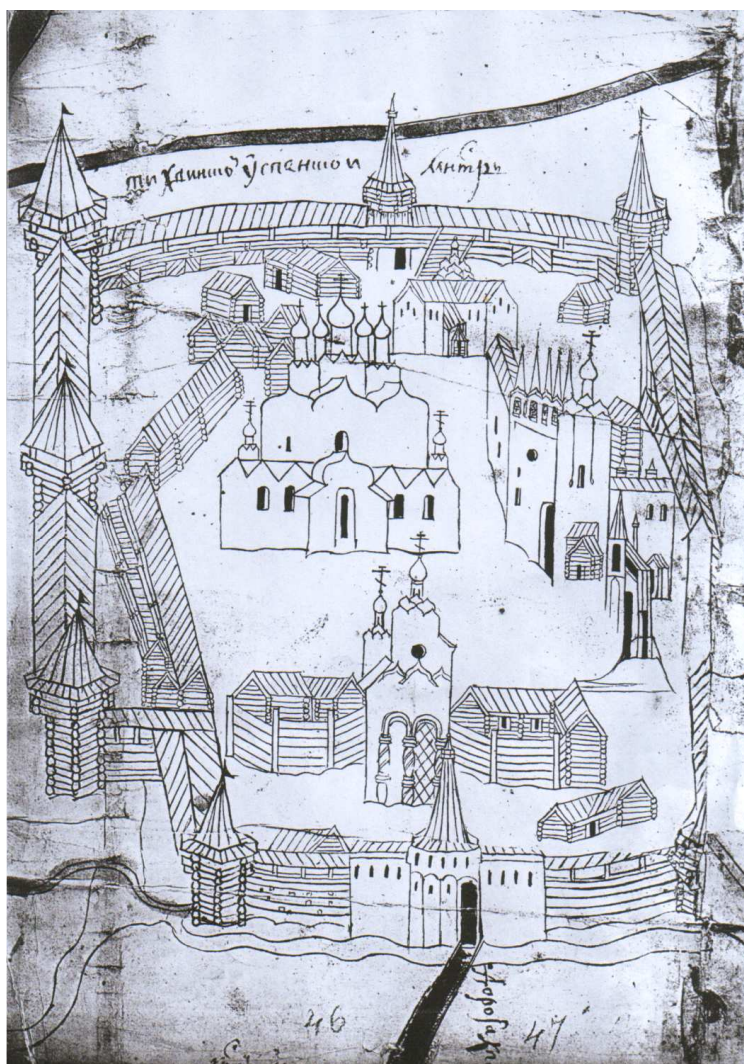

Рис. 3.39. Большой Успенский Тихвинский монастырь. Фрагмент чертежа спорных земель Тихвинских Успенского и Введенского монастырей. 1679 г. [18, с. 18].

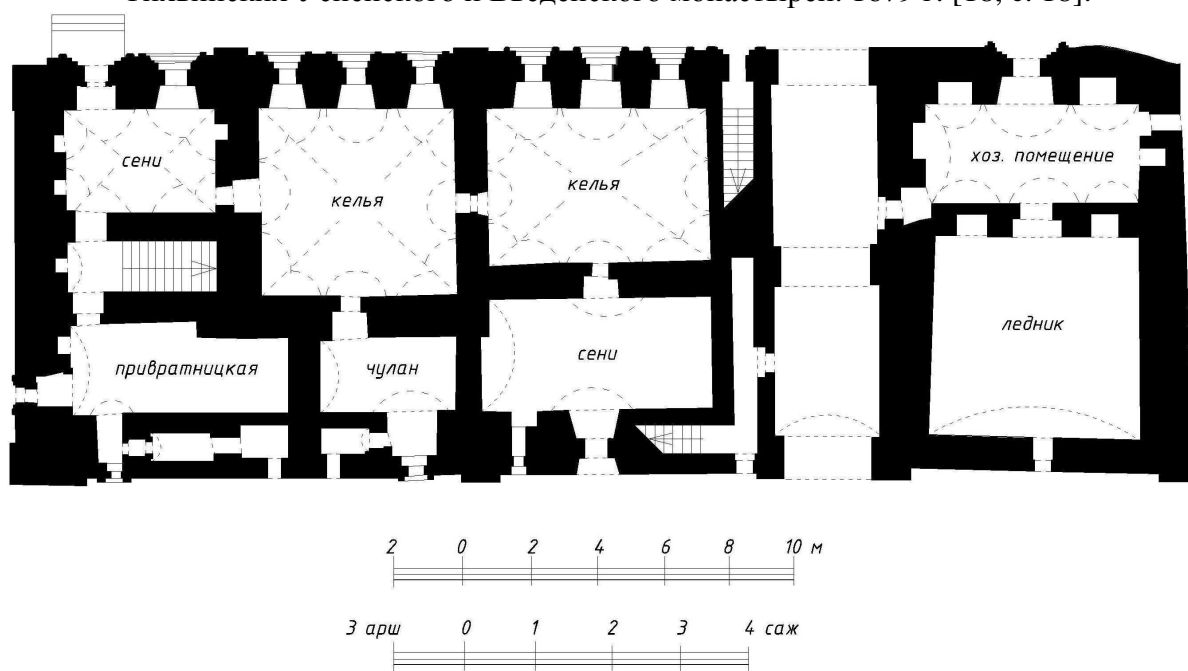
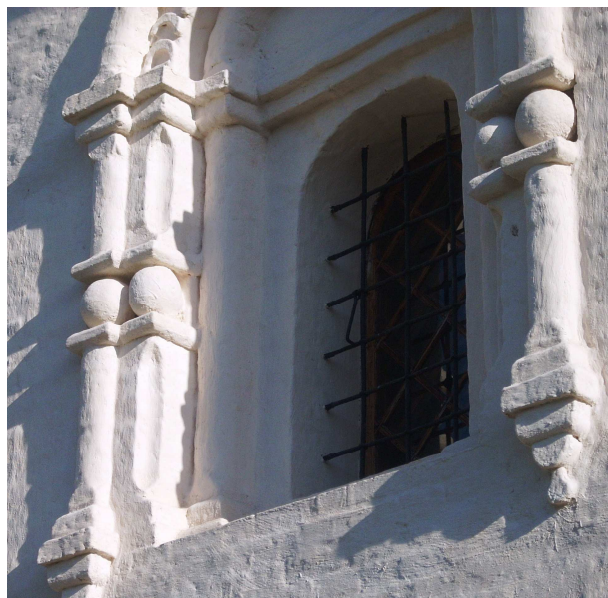

Рис. 3.40. Успенский Богородичный Тихвинский монастырь. Архимандричьи кельи. План 1 этажа. Реконструкция автора на 1686 г.

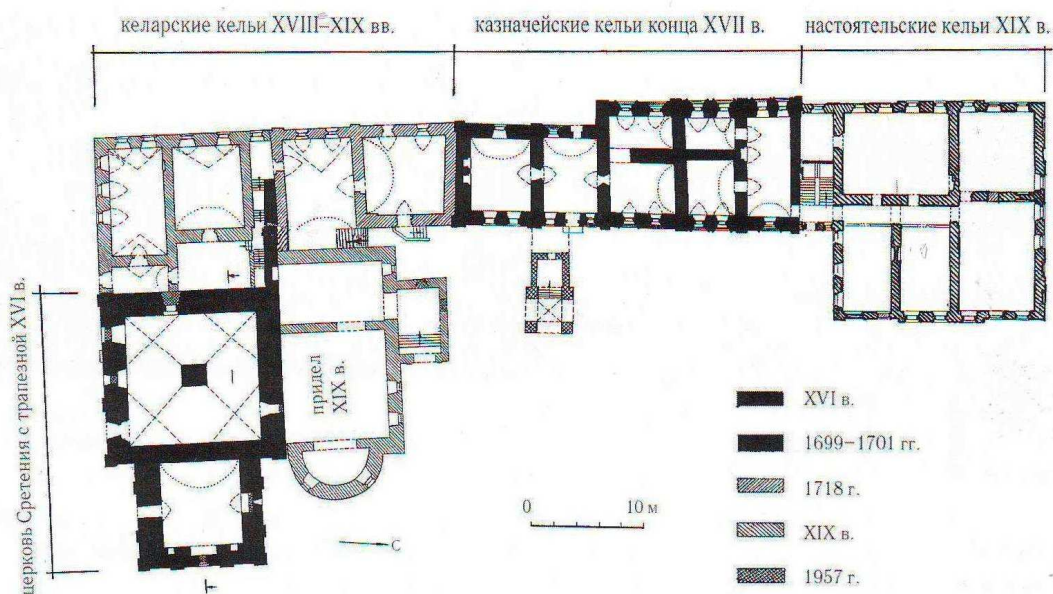

Архимандричьи кельи

Казенные кельи

Рис. 3.41. Успенский Богородичный Тихвинский монастырь. Сравнение кирпичного декора Архимандричьих и Казенных келий. Фото 2013 г.

Западный корпус (келарские, казначейские и настоятельские кельи) и церковь Сретения с трапезной. План 1 этажа

Рис. 3.42. Антониев-Рождественский монастырь (Новгород). [118, с. 241].

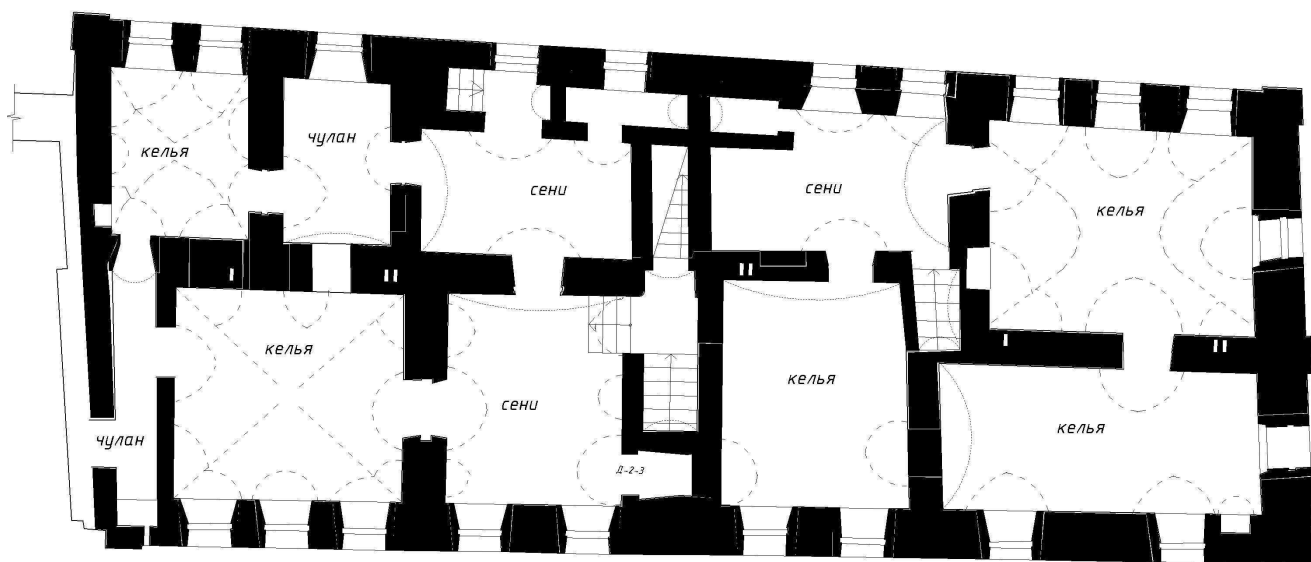

Рис. 3.43. Успенский Богородичный Тихвинский монастырь. Келарские кельи.
План 2 этажа. Реконструкция автора на 1688 г.

Рис. 3.45. Троицкий Зеленецкий монастырь. Казначейские (северные) кельи. Фото 2013 г.

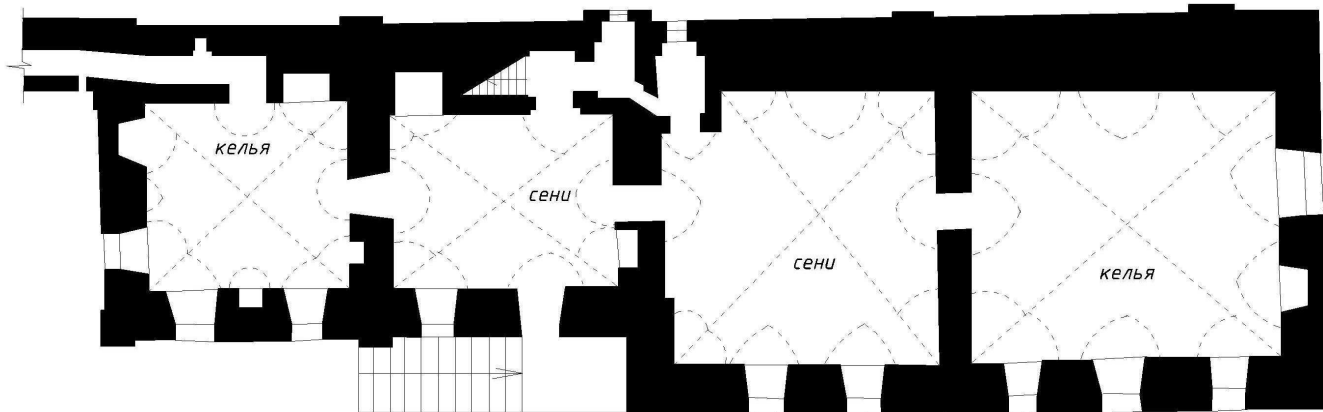

Рис. 3.46. Троицкий Зеленецкий монастырь. Казначейские (северные) кельи. План 2 этажа. Реконструкция автора.

Рис. 3.47. Успенский Богородичный Тихвинский монастырь. Келарские кельи. Фото 2010 г.

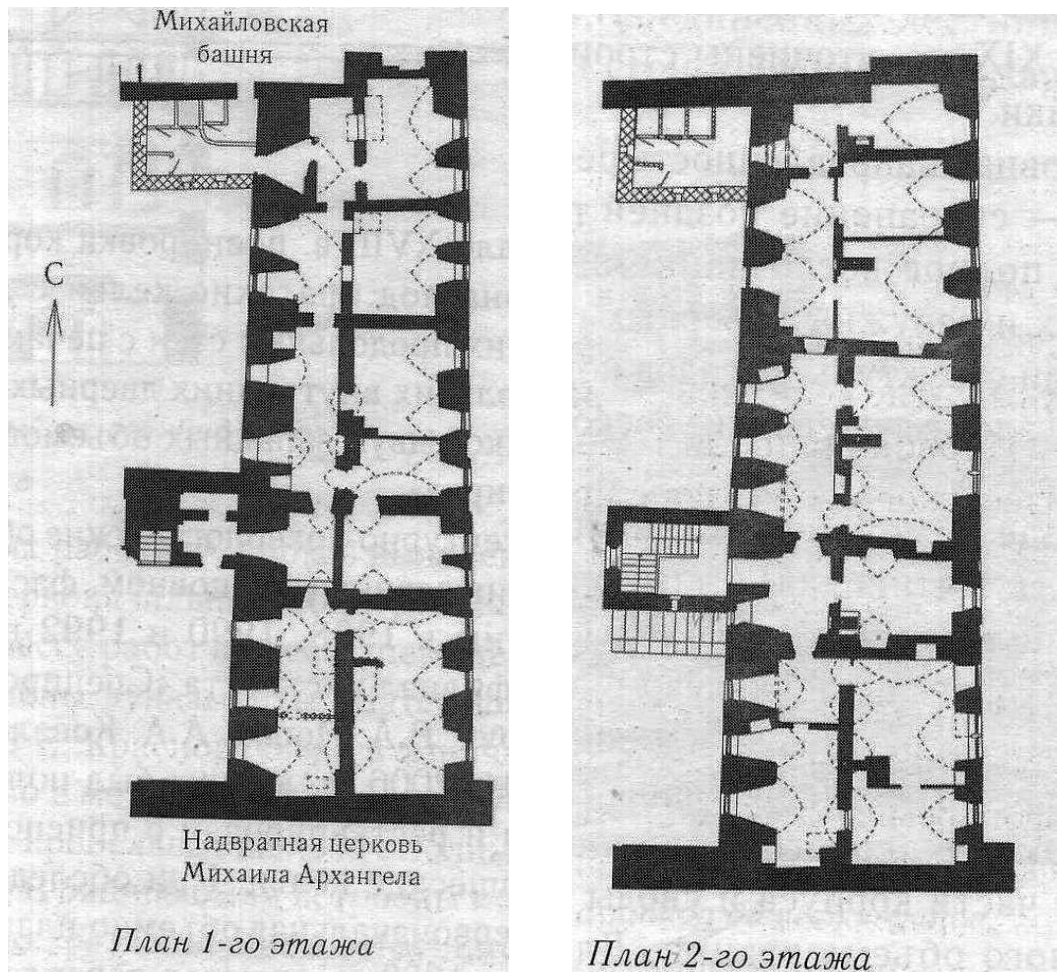

Рис. 3.48. Валдайский Иверский монастырь. Казначейские кельи. Реконструкция автора.

Рис. 3.49. Казенные кельи Успенского Тихвинского монастыря. Фото 2011 г.

Рис. 4.1. Свято-озерный Валдайский Иверский монастырь. Фото 2007 г.

Рис. 4.2. Панорама Воскресенского монастыря. 2010 г. [74, с. 254].

Рис. 4.3. Синозерская пустынь (Вологодская область), процесс воссоздания. Фото 2009 г.

Рис. 4.4. Входная зона Валдайского Иверского монастыря после реконструкции. Фото 2008 г.

Рис. 4.5. Горницкий монастырь, Переславль-Залесский. Стихийная автостоянка.
Фото Е. Черныш. 2014 г.

Рис. 4.6. Зонирование территории Спасо-Прилуцкого монастыря. Фото 2014 г.

Рис. 4.7. Валдайский Иверский монастырь.

Инженерные сооружения для монастыря, выполненные на монастырской оградой на месте и в формах бывшего Коровьего двора. Фото 2007 г.

Рис. 4.8. Успенский Тихвинский монастырь. Котельная для монастыря, находящаяся за территорией комплекса. Фото 2013 г.

Рис. 4.9. Генплан Введенского Тихвинского монастыря. Фрагмент дипломной работы Пятаевой О.Т. 2011 г. под руководством канд. арх. Возняк Е.Р. (СПбГПУ)

Рис. 4.10. Хозяйственный южный двор Успенского Тихвинского монастыря. Фото 2013 г.

Рис. 4.11. Хозяйственный двор Саввино-Сторожевского монастыря (Подмосковье).
Фото Е. Черныш 2014 г.

Рис. 4.12. Процесс приспособления восточного корпуса Александра-Свирского Троицкого монастыря. Фото 2014 г.

Рис. 4.13. Внедрение новых конструкций при приспособлении келейных корпусов Александра-Свирского Троицкого монастыря. Фото 2014 г.

Рис. 4.14. Валдайский Иверский монастырь. Воссоздание пристроек братского корпуса. Фото 2007 г.

Рис. 4.15. Успенский Тихвинский монастырь. Южные братские кельи. Воссоздание пристроек. Фото 2014 г.

Рис. 4.16. Валдайский Иверский монастырь. Помещения кухни в исторических хозяйственных помещениях трапезной палаты. Фото 2007 г.

Рис. 4.17. Валдайский Иверский монастырь. Устройство холла перед конференц-залом над историческими хозяйственными помещениями трапезной палаты. Фото 2007 г.

Рис. 4.18. Успенский собор Богородичного Успенского Тихвинского монастыря. Интерьер, фресковая живопись XVIII века. Фото 2014 г.

Рис. 4.19. Троицкий собор Александрo-Свирского Троицкого монастыря. Интерьер, фресковая живопись XVIII века. Фото 2014 г.

Рис. 4.20. Главы Троицкого собора Свято-Троицкого Зеленецкого монастыря после реставрации. Фото 2014 г.

Рис. 4.21. Успенский Богородичный монастырь в Тихвине. Воссоздание пятиглавого завершения Крестовоздвиженской церкви – одновременно и градостроительное воссоздание городской доминанты. Фото 2014 г.

Рис. 4.17. Троицкий собор Антониев-Дымского монастыря. Фото 2011 г.
<http://www.town812.ru/dymy.html>

Таблица I.									
Классификация монастырских комплексов по церковно-каноническим признакам									
№ п/п	Наименование региона и монастыря	Система подчиненности				Состав обитателей		Владение вотчинами	
		лавы	патриаршие	митрополичьи	пустыни	мужские	женские	вотчинные	безвотчинные
	Юго-восточное Приладожье								
1	Александро-Свирский Троицкий			■		■		■	
2	Антониев-Дымский			■		■		■	
3	Введено-Оятский			■			■	■	
4	Введенский (Тихвин)			■			■	■	
5	Николо-Беседный (Тихвин)			■		■			■
6	Николо-Боровинский (Тихвин)			■		■			■
7	Никольский (Старая Ладога)			■		■			■
8	Свято-Троицкий Зеленецкий				■	■		■	
9	Успенский Богородичный (Тихвин)			■		■		■	
10	Успенский (Старая Ладога)			■			■		■
	Новгород и новгородская земля								
11	Антониев-Рождественский			■		■		■	
12	Николаевский Вяжищенский			■		■		■	
13	Свято-Духов			■		■		■	
14	Свято-Озерный Валдайский Иверский		■			■		■	
15	Спасо-Преображенский Хутынский			■		■		■	
16	Троицкий Михаило Клопский			■		■		■	
	Москва и московская земля								
17	Воскресенский Новоиерусалимский		■			■		■	
18	Высокопетровский			■		■		■	
19	Знаменский			■		■		■	
20	Лужецкий Ферапонтов (Можайск)			■		■		■	
21	Николо-Перервинский		■			■		■	
22	Ново-Голутвин (Коломна)			■			■	■	
23	Ново-Девичий			■			■	■	
24	Ново-Спасский			■		■		■	
25	Саввино-Сторожевский (Звенигород)			■		■		■	
26	Свято-Успенский (Александров)			■			■	■	
27	Симонов			■		■		■	
28	Троице-Сергиева лавра	■				■		■	

Северные и центральные регионы									
29	Богородицкий Житенный (Осташков)			■		■		■	
30	Воскресенский (Углич)			■		■		■	
31	Елецкий Свято-Успенский (Чернигов)			■		■		■	
32	Кирилло-Белозерский			■		■		■	
33	Крестный (Кий-остров)		■			■		■	
34	Михаило-Архангельский (Великий Устюг)			■		■		■	
35	Николаевский Антониев (Красный Холм)			■		■		■	
36	Пафнутьев-Боровский (Боровск)			■		■		■	
37	Свято-Троицкий Данилов (Переславль-Залеский)			■		■		■	
38	Свято-Троицкий Ипатьев (Кострома)			■		■		■	
39	Свято-Успенская Флорищева пустынь				■	■		■	
40	Рождества Богородицы (Солотча)			■		■		■	
41	Спасо-Преображенский (Соловецкий архипелаг)		■			■		■	
42	Спасо-Прилуцкий (Вологда)			■		■		■	
43	Спасский (Ярославль)			■		■		■	
44	Филиппо-Ирапский (Вологодская область)				■	■			■

Таблица II.				
Классификация монастырских комплексов по ландшафтно-территориальным признакам				
№ п/п	Наименование региона и монастыря	Монастырь с посадом (городской)	Монастырь вблизи посада (пограничный)	Монастырь в ландшафте (лесной)
	Юго-восточное Приладожье			
1	Александро-Свирский Троицкий			■
2	Антониев-Дымский			■
3	Введено-Оятский			■
4	Введенский (Тихвин)	■		
5	Николо-Беседный (Тихвин)		■	
6	Николо-Боровинский (Тихвин)		■	
7	Никольский (Старая Ладога)	■		
8	Свято-Троицкий Зеленецкий			■
9	Успенский Богородичный (Тихвин)	■		
10	Успенский (Старая Ладога)	■		
	Новгород и новгородская земля			
11	Антониев-Рождественский		■	
12	Николаевский Вяжищенский			■
13	Свято-Духов	■		
14	Свято-Озерный Валдайский Иверский			■
15	Спасо-Преображенский Хутынский		■	
16	Троицкий Михаило Клопский			■
	Москва и московская земля			
17	Воскресенский Новоиерусалимский			■
18	Высокопетровский	■		
19	Знаменский	■		
20	Лужецкий Ферапонтов (Можайск)			■
21	Николо-Перервинский		■	
22	Ново-Голутвин (Коломна)	■		
23	Ново-Девичий	■		
24	Ново-Спаский	■		
25	Саввино-Сторожевский (Звенигород)			■
26	Свято-Успенский (Александров)	■		
27	Симонов	■		
28	Троице-Сергиева лавра			■
	Северные и центральные регионы			
29	Богородицкий Житенный (Осташков)	■		

30	Воскресенский (Углич)	■		
31	Елецкий Свято-Успенский (Чернигов)	■		
32	Кирилло-Белозерский			■
33	Крестный (Кий-остров)			■
34	Михаило-Архангельский (Великий Устюг)		■	
35	Николаевский Антониев (Красный Холм)		■	
36	Пафнутьев-Боровский (Боровск)	■		
37	Свято-Троицкий Данилов (Переславль-Залеский)	■		
38	Свято-Троицкий Ипатьев (Кострома)	■		
39	Свято-Успенская Флорищева пустынь			■
40	Рождества Богородицы (Солотча)		■	
41	Спасо-Преображенский (Соловецкий архипелаг)			■
42	Спасо-Прилуцкий (Вологда)		■	
43	Спасский (Ярославль)	■		
44	Филиппо-Ирапский (Вологодская область)			■

Таблица III.						
Классификация монастырских комплексов по социальной функции						
№ п/п	Наименование региона и монастыря	Монастырь – крепость	Монастырь – мемориал	Монастырь – резиденция	Монастырь – ремесл. торгов.	Монастырь – усадьба
	Юго-восточное Приладожье					
1	Александро-Свирский Троицкий		■	■		■
2	Антониев-Дымский		■			■
3	Введено-Оятский					■
4	Введенский (Тихвин)		■		■	■
5	Николо-Беседный (Тихвин)		■		■	
6	Николо-Боровинский (Тихвин)		■		■	
7	Никольский (Старая Ладога)		■		■	
8	Свято-Троицкий Зеленецкий		■			■
9	Успенский Богородичный (Тихвин)	■	■		■	
10	Успенский (Старая Ладога)		■		■	
	Новгород и новгородская земля					
11	Антониев-Рождественский		■			
12	Николаевский Вяжищенский				■	■
13	Свято-Духов		■		■	
14	Свято-Озерный Валдайский Иверский	■	■	■	■	
15	Спасо-Преображенский Хутынский		■	■		■
16	Троицкий Михаило Клопский		■			■
	Москва и московская земля					
17	Воскресенский Новоиерусалимский		■	■		
18	Высокопетровский		■	■	■	
19	Знаменский				■	
20	Лужецкий Ферапонтов (Можайск)	■				■
21	Николо-Перервинский		■	■	■	
22	Ново-Голутвин (Коломна)				■	
23	Ново-Девичий				■	
24	Ново-Спасский				■	
25	Саввино-Сторожевский (Звенигород)	■	■		■	
26	Свято-Успенский (Александров)				■	
27	Симонов				■	
28	Троице-Сергиева лавра	■	■		■	
	Северные и центральные регионы					
29	Богородицкий Житенный (Осташков)				■	■

30	Воскресенский (Углич)				■	
31	Елецкий Свято-Успенский (Чернигов)		■		■	
32	Кирилло-Белозерский	■	■		■	■
33	Крестный (Кий-остров)	■	■	■		
34	Михаило-Архангельский (Великий Устюг)	■			■	
35	Николаевский Антониев (Красный Холм)				■	■
36	Пафнутьев-Боровский (Боровск)	■			■	
37	Свято-Троицкий Данилов (Переславль-Залеский)		■		■	
38	Свято-Троицкий Ипатьев (Кострома)		■	■	■	
39	Свято-Успенская Флорищева пустынь					■
40	Рождества Богородицы (Солотча)		■			■
41	Спасо-Преображенский (Соловецкий архипелаг)	■	■	■	■	■
42	Спасо-Прилуцкий (Вологда)	■	■	■	■	
43	Спасский (Ярославль)		■		■	
44	Филиппо-Ирапский (Вологодская область)		■			■

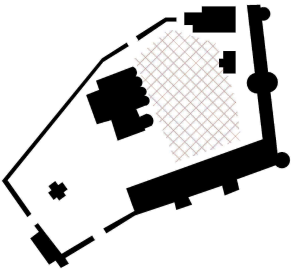
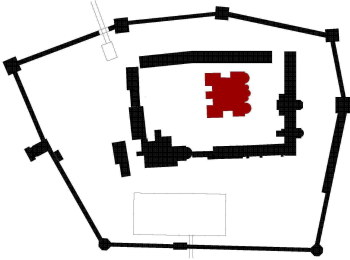
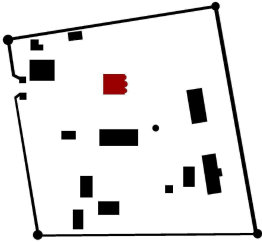
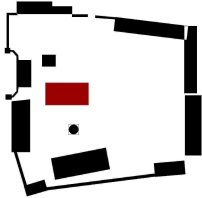
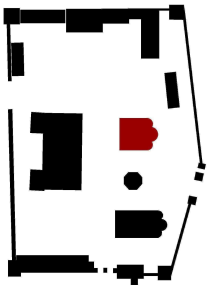
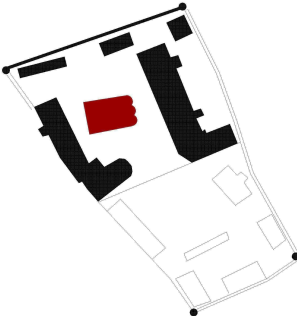
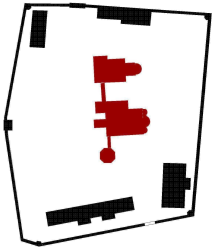
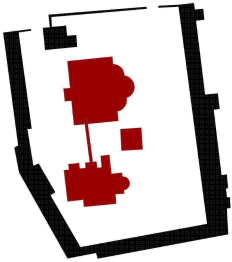
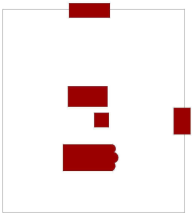
Табл. IV. Классификация планировочной структуры монастырей XVII века по основному звену, формирующему пространственную композицию (стр. 1)			
Монастыри юго-восточного Приладожья			
Пространство соборной площади	Алекса́ндро-Сви́рский Спасо-Преображе́нский монастырь		
			
Монастырский собор	Успенский Богородичный Тихвинский монастырь	Успенский монастырь (Старая Ладога)	Введено-Оятский монастырь
			
	Никольский монастырь (Старая Ладога)	Введенский монастырь (Тихвин)	
			
Группа культовых зданий	Свято-Троицкий Зеленецкий монастырь	Алекса́ндро-Сви́рский Троицкий монастырь	Нико́ло-Бесе́дный монастырь
			

Табл. IV. Классификация планировочной структуры монастырей XVII века по основному звену, формирующему пространственную композицию (стр. 2)

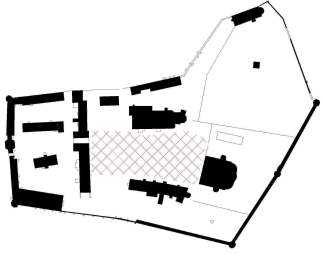
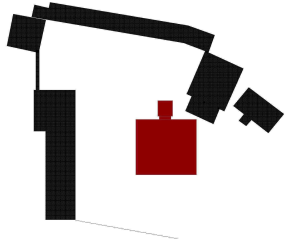
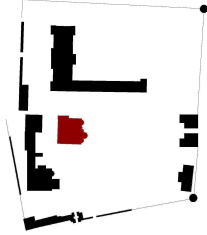
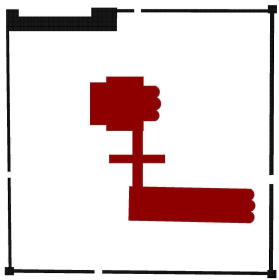
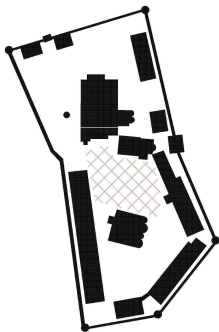
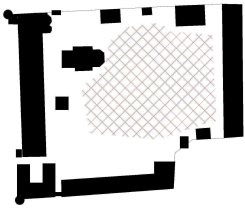
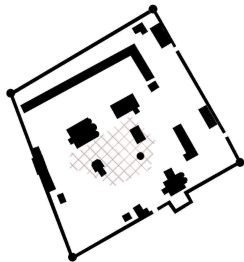
Монастыри Новгорода и новгородской земли			
Пространство соборной площади	Иверский Валдайский монастырь		
			
Монастырский собор	Спасо-Преображенский Хутынский монастырь	Антониев-Рождественский монастырь	
			
Группа культовых зданий	Николаевский монастырь (Вяжищи)		
			
Монастыри Москвы и московской земли			
Пространство соборной площади	Саввино-Сторожевский монастырь	Ново-Голутвин монастырь	Успенский монастырь (Александров)
			

Табл. IV. Классификация планировочной структуры монастырей XVII века по основному звену, формирующему пространственную композицию (стр. 3)

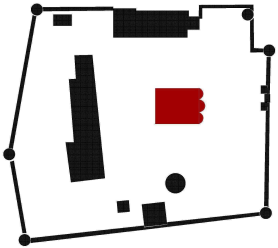
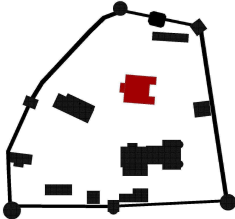
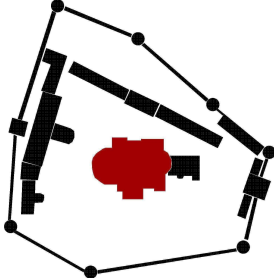
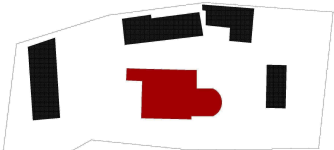
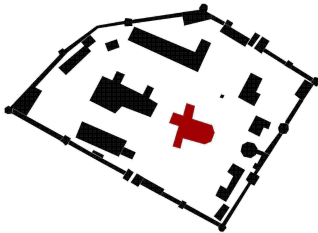
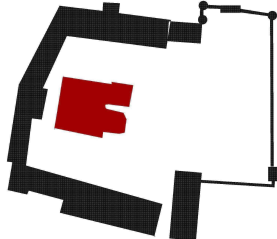
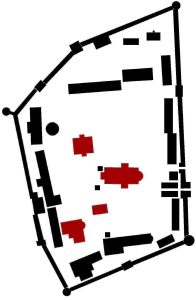
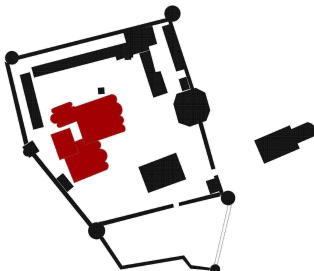
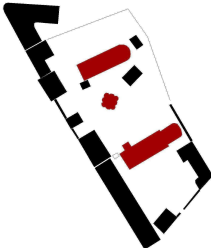
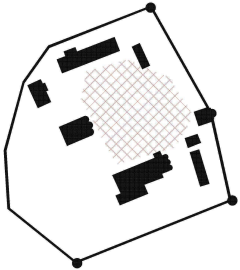
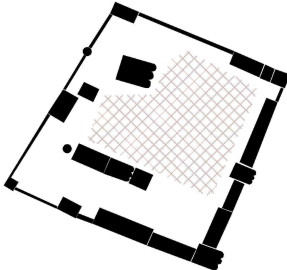
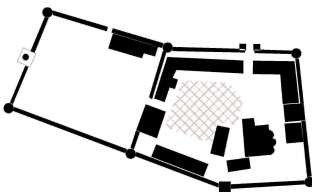
Монастыри Москвы и московской земли				
Монастырский собор	Ферапонтов Лужецкий Можайский монастырь	Симонов монастырь	Новоиерусалимский монастырь	
				
	Знаменский монастырь	Новодевичий монастырь	Никола-Перевинский монастырь	
				
	Группа культовых зданий	Троице-Сергиева лавра	Новоспаский монастырь	Высоко-Петровский монастырь
				
Монастыри центральной и северной России				
Пространство соборной площади	Рождества Богородицы монастырь (Солотча)	Флорищева пустынь	Свято-Троицкий Ипатьевский монастырь	
				

Табл. IV. Классификация планировочной структуры монастырей XVII века по основному звену, формирующему пространственную композицию (стр. 4)

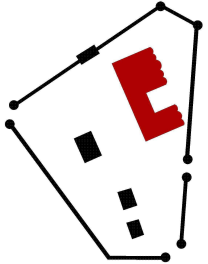
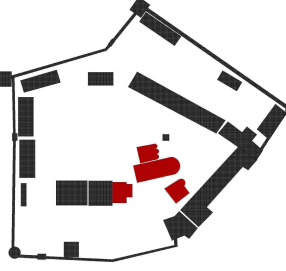
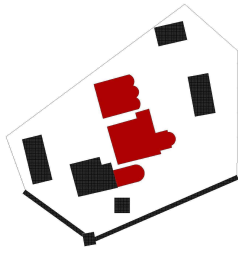
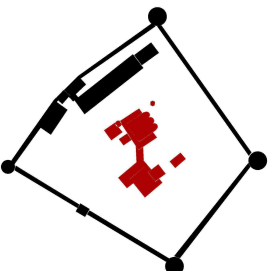
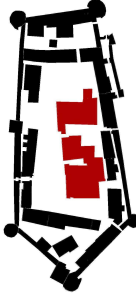
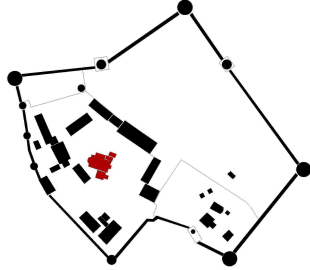
Монастыри центральной и северной России			
Группа культовых зданий	Свято-Воскресенский монастырь (Углич)	Спасо-Преображенский монастырь (Ярославль)	Крестный монастырь (Кий-остров)
			
	Спасо-Прилуцкий монастырь (Вологда)	Спасо-Преображенский Соловецкий монастырь	
			
Монастырский собор	Кирилло-Белозерский Успенский монастырь		
			

Табл. V. Монастырские соборы «круга митрополита Корнилия»

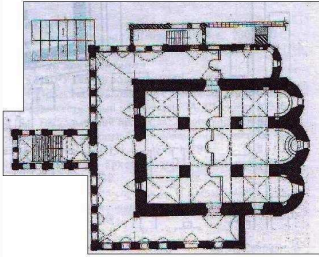

	ПЛАНЫ	ФАСАДЫ	РАЗРЕЗЫ
Знаменский собор в Новгороде. 1682 г.			
Троицкий собор Свято-Троицкого Зеленецкого монастыря. 1685 г.			
Собор Иоанна Предтечи Ивановского монастыря в Старой Лядоге. 1695 г.			
Троицкий собор Александро-Свирского монастыря. 1697 г.			

Табл. VI. Типологические схемы келейных ячеек братских корпусов

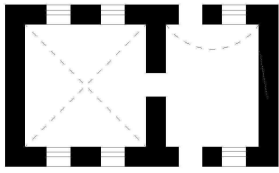
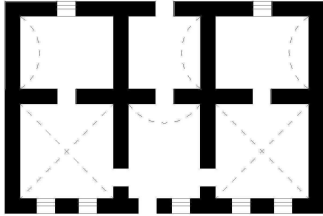
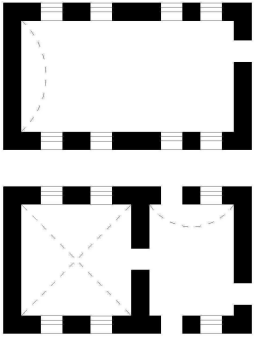
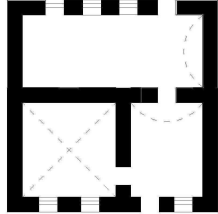
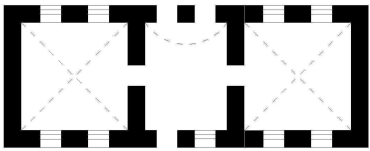
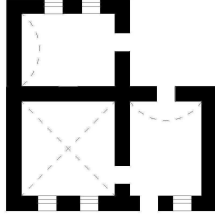

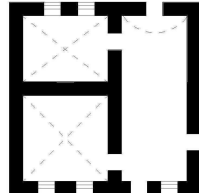
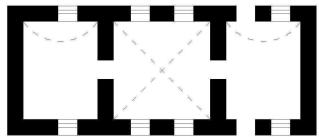
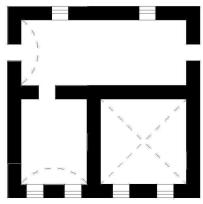
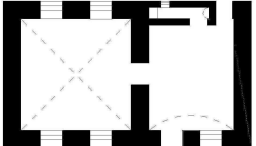
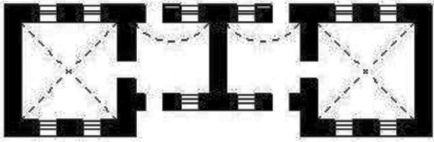
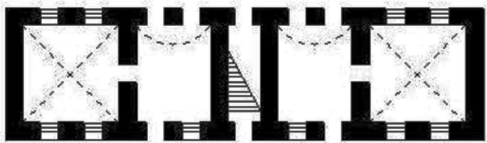
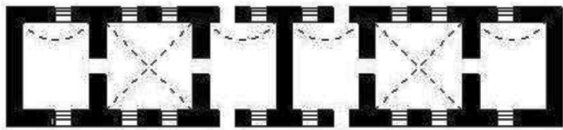

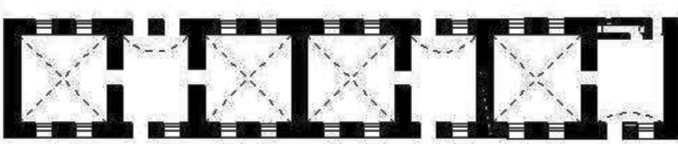
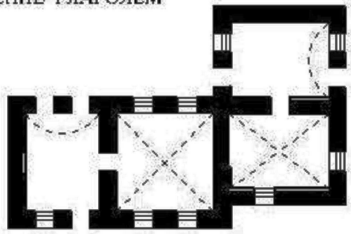
ОДНОПРОЛЕТНЫЕ ЯЧЕЙКИ		ДВУХПРОЛЕТНЫЕ ЯЧЕЙКИ	
КЛЕТСКАЯ ЯЧЕЙКА		СКИТСКАЯ ЯЧЕЙКА	
КЕЛЬЯ-ТРОЙНЯ ДВУХУРОВНЕВАЯ		ЯЧЕЙКА-ПРОЙНЯ (определение В. Балдина)	
КЕЛЬЯ-ДВОЙНЯ (определение М. Красовского)		ЯЧЕЙКА ГЛАГОЛЕМ	
КЕЛЬЯ-ДВОЙНЯ ДЕЛЕНАЯ		Т-ОБРАЗНАЯ ЯЧЕЙКА	
АНФИЛАДНАЯ ЯЧЕЙКА		ЯЧЕЙКА КОРИДОРНОГО ТИПА	
ЯЧЕЙКА С ВНУТРИСТЕННЫМ "НУЖНИКОМ"			

Табл. VII. Варианты соединения келейных ячеек в корпуса

СИММЕТРИЧНОЕ СОЕДИНЕНИЕ	
<p>1 СОЕДИНЕНИЕ БРУСОМ (по М. Красовскому)</p> 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Братские кельи (середина XVII в.) Высокоостровский монастырь, Москва 2. Юго-западные кельи (1660-1680-е гг.) Пафнутьев-Боровский монастырь, Боровск 3. Братские кельи (середина XVII в.) Солдатовский монастырь, Рязань
<p>2 СОЕДИНЕНИЕ ВОКРУГ ЛЕСТНИЦЫ</p> 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Северные кельи (1692 г.) Богородичный Успенский монастырь, Тихвин 2. Южные кельи (1686 г.) Богородичный Успенский монастырь, Тихвин 3. Восточные кельи (1680-е гг.), южные кельи (1680-е гг.) Троицкий Зеленецкий монастырь, Ленинградская область
<p>3 ЗЕРКАЛЬНОЕ СОЕДИНЕНИЕ</p> 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Сестринские кельи (начало XVII в.) Успенский монастырь, Александров
НЕСИММЕТРИЧНОЕ СОЕДИНЕНИЕ	
<p>4 ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОЕ СОЕДИНЕНИЕ</p> 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Северные кельи (1644 г.) Ново-Спасский монастырь, Москва 2. Старый семинарский корпус (конец XVII в.) Никола-Перевинский монастырь, Подольское
<p>5 СЛОЖНОЕ СОЕДИНЕНИЕ</p> 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Братские кельи (конец XVII в.) Знаменский монастырь, Москва 2. Западные кельи (1640-е гг.) Ново-Спасский монастырь, Москва 3. Братская келья (ср. XVII в.) Боровское подворье, Москва 4. Юго-восточные кельи (середина XVII в.) Пафнутьев-Боровский монастырь, Боровск 5. Братские кельи (1696 г.) Дашков монастырь, Переславль-Залесский
<p>6 СОЕДИНЕНИЕ ГЛАГОЛЕМ</p> 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Братские кельи (конец XVII в.) Знаменский монастырь, Москва

1695 г. января 24. Роспись (условие) архимандрита Александро-Свирского монастыря Гермогена с братьею, заключенное с подрядчиком, на постройку каменного Троицкого собора.

7203-го генваря в 24 день. Роспись каменному делу Александрова монастыря архимандрита Ермогена з братиею.

Костромского уезду Великосольской волости деревни Турова окольного Петра Ивановича Потемкина крестьяня ево подрядчики Яков Агафонов, да того ж Костромского уезду Великосольской волости деревни Головины крестьянин Агея Ивановича Сабурова Фома Алексеев, да Ерославского уезду Спасского монастыря крестьянин деревни Ерьславского Анисим Перфильев, того ж Ерославского уезду деревни Сосунихи вдовы Анны Федоровны Опухины крестьянин Никита Киприянов, подрядились они подрядчики в Олонецком уезде в Александровом монастыре ведхую церковь Живоначальные троицы разобрать и подошва, и буд, и каменье вычистить и выбрать начисто, и вновь на том месте вновь рвы выкопать под церковь, и под паперть, и под столпы, и под крыльца и сваями набить, и лежни положить, и выбутить в меру где доведетца. В церкви в длину от царских дверей меж стен до западной стене внутри семь сажень трехаршинных, поперег в церкви меж стен девять сажень с аршином. В олтаре от горного места до царских дверей четыре сажени с аршином, да в жертвеннике полчетверты сажени. На другой стороне также. А под каменное строение рвы копать и подошва учинить в ширину четыре аршина, а в глубину по земли смотря и по месту, и как годно мне архимандриту з братиею, //

чтоб подошва была крепка и впредь была бы прочна. А где либо объявитца ключи или вода, и им подрядчикам и каменщикам воду отвесть. А поперег в исподнем житье с подошвы весть стен сколько понадобится до своду, да два столпа в подошвы весть со всех четырех сторон по полторы сажени, а бутом з

земли вывед как годно мне архимандриту з братиею, и обрезать стены вкруг церкви в трехаршинную сажень, а столпы обрезать по четыре аршина или как годно. А вышина исподнему житию от земли до сводов две сажени, а дверей и окон в исподнем житии зделать сколько понадобится. Да около того церковного строения с трех сторон до олтарные стены и под папертем рвы копать и сваями набить и бутить под столпы, и столпы весть по надобью ж. а паперть от церковная стены учинить на столбах в ширину и с папертной стеною две сажени с аршином. А папертные стены зделать в аршин с четвертью. А те исподние стены житья и с папертьми в перемытчках по одну связь выровнять и укрепить, на чьем бы верхнему житью было б строитца прочно и вечно и впредь в подошвах, и в стенах, и в столпах порухи и раселин и щелей не было б. И все те жития изверстав и спуски свесить и зделать пояс, а средния с церковная стены и олтарные весть два столпа, а промеж олтарными столпами перемытчки перемкнуть и весть стена до верха. И по обе тех столпов сторон учинить две стены до верха и до свода, а в тех стенах учинить проходные лестницы в ризницу и в книгохранительницу, и своды свесить особные, как пристойные, а по конец учинить жира. Стена свесить до своду по конец паперти. А вышина //

церкве от мосту до сводов семь сажен. А в олтаре учинить вышина по размеру, а в паперти от мосту до сводов вышина две сажени без четверти аршина. А под кровлю у церкви верх зделать сверх закомаров сторону по трои бочки. А свези в той церкви в строения в исподния и в верхния житья и в паперть класть деревянные и железные где пристойно. А в церкви ж, и в олтаре, и в ризницы, и в книгохранительницы, и в папертной полатке окна зделать по надобью и по розмеру как годно мне архимандриту, и решетки железныя в окна поставить. А на том церковном строении зделать им под главы пять шей, над олтарем шестая, по розмеру, и в шеях окон зделать сколько понадобится. А в олтаре учинить кладесь от земли вывести труба до верха. И печюры зделать в церкви и в олтаре, где понадобится. А у тое церкви три крыльца зделать против знаменских крилец по подобью. Да у тое же

церкве во всех дверех учинить по четыре огибе да по гусенку, да по жолобу, да по валу, да по полуvalu с подушками. Да в них же учинить дыни, а в окнах и в спусках по клепику да по желобу, а посторонь окон быть тески оловяником с подушками. А в верхних спусках у тех окон против исподних спусков да окон же учинить сандрики три околанные выгибные. А около церкви учинить закомары да вал четвертной и положить пояс, под закомары зубцы, на зубцах вал же, а между валами гулубенки или решетки. А сверж тех спусков учинить другие спуски, кляпик да жолоб, да полка. А в шиях под главами круг всех шей зделать закомары с каймами. А в папертях в перинах ширинки. //

А круг церкви как обложатца лопатки, и в тех лопатках зделать столпы круглые. А в церкви зделать столпы какие мне архимандриту годно. А как оне подрятчики и камешики их тому делу ко рвам и ко всему строению всякие припасы, лес и связи железные и деревянные всякие припасы наши монастырские, а каменщики и работники, и кружалщики их подрядчиков. А водалить им же камешиком из озера своим работником, а что есть плита и камень за монастырем и в монастыре, и то носить им подрятчиком с каменщиком и с работником своим, и лежни за монастырем им же взять, и сваями поправлять и набивать, и подвзезей и кружала и известные творила делать и буд бутить и землю носить и кирпич, и все каменное церковное строение все зделать, и мосты наместить во всех житьях в нижних и в верхних, и земля где понадобитца наносить им же подрядчиком, и на мосты своими работниками. А быть им подрядчикам и каменщикам и своими работниками, двести третьем году марта в первых числах тритцать человек.

А за то церковное строение рядили оне подрятчики у него архимандрита ...¹ А тех денег взяли оне подрятчики наперед ... А хлеб и соль, и квас и им подрятчикам, и каменщиком, и работником все монастырское, а во вторник и четверток подрятчиком и каменщиком четверым по сигу на день. А

¹ В рукописи пропуск

работником есть и пить с нашими монастырскими работниками вместе. А деньги иметь им подрядчиком смотря по делу. //

А то церковное дело старое ветхое разбирать в нынешнем двести третьем году, и рвы копать, и сваями бить, и выбутить, и подошва совсим устроить под всим церковным строеньем в нынешнем же двести третьем году, а чтоб в нынешнем двести третьем году церковному строению мотчания не было. А совсим та церковь построить самым добрым мастерством и подмазать левкасом под лопаткой и отбелить как водитца в двести четвертом году, а та церковь совсим отделать наготово в двести пятом году сентября в первом числе, а у той церкве с лица леса отвалить и прыском отбелить, а к иному ни к какому делу им не отходить и ни у кого не наимыватца. А в той церкве мост мостить плитой, а промежду тех плит на швах больше перста в швах не было бы. А будет у то церкве в десять лет объявятца щели, или разсели, или иная какая порча учинитца, и им та церковь переделать вновь за тем же наймом.

ЛОИИ, ф.3. Александро-Свирский монастырь, оп. 1. № 54, на 5 листах

Подрядные на строительство северных келий Успенского Тихвинского
монастыря

(ООО Предприятие Каменное зодчество. Историческая справка.

Северные братские кельи в ансамбле Тихвинского

Богородичного Успенского мужского монастыря.

Шифр 2107-01-41/04-НИ, С. 44-49)

Подрядная подрядчика-каменщика Якова Агапитова на строительство
каменных келий в Тихвинском Успенском монастыре.

1686 г. марта 28

Се аз Яков Агапитов сын с братьею своею с Ермолою да с Самылою Петровым детми, Тихфинского посаду жилцы, каменщики, подрядилися осме у гсдрей своих властей Тихфина мнстря у архимандрита Макария и у келаря иеромонаха Феодосия, у казначея Марка с братею к каменному строению. В нынешнем во РЧД-м (194) году зделать нам у них, гсдрей своих, в Тихфине мнстре подле ноншних келарских келей к старым деревянным болницам три кельи братцких да трои к ним сени, два отхода каменные все в одной связи а всему тому каменному строению мерою длина двадцат с полусаженю трех аршин, поперечник полпяты сажени. Что каменное строение все сполна делать нам подрядчикам своими мастера и с работником з готового их мастерowego припасу или как они гсдри власти изволят строить. А за то каменное строение взят нам, подрядчиком из мнстрьской казны денег чтыреста пятнадцать рублев...

ЛОИИ, ф.132, оп. 1, карт. № 35, № 38.

Подрядная каменщика Якова Агапитова на строительство келей в Тихвинском Успенском монастыре.

1690 г. ноября 13

Се аз Яков Агапитов сын каменщик с сынешком своим с ывашком посадския жилцы подрядилися осмы в Тихфине мнстре у гсдрей своих властей у архимандрита Евфимия и у келаря иеромонаха Феодосия и у казначея монаха Авфония з братьею зделать мне Якову от крылаского порядку к келарским кельям мерою в длину шестнадцать сажен трехаршинных и со стенами, а во тех штинатцати сажнях зделать три келе да трои сени, а в длину внутри в тех кельях меж стенами по три сажени а сени по сажени а поперечнику противо крыласких келей и ходы вверх зделать поперечными стенами и отходы за стенами поделать а вверху на тех кельях зделать три полаты а в тех кельях и в полатах учинить двери и окна где им понадобится и своды свести а вверх мерою зделать противо келарских келей а сколько в тое каменное дело пойдет кирпичю и извести то все мое Яковлево а возить тот кирпич с сараев к тому каменному делу и известь где она у меня зжена будет их мнстрьския подводы и работники, а зделать мне тот кирпич на их мнстрьской земли, гди мне понадобится а в тое каменное дело в подошву каменье и сваи готовые тесанья и ступа и веревки, а в окна решетки и подставки и петли и связи железныя и деревянныя готовые класть, гди нам понадобится и лес подвязной стойки и тес и кружала зделат и поставить и ополубить их мнстрьским плотникам и всякие деревянныя запасы что понадобится к тому каменному делу и телеги и бочки и ушаты и лошади когда сколько понадобится к каменному делу то все их мнстрьское а возить к тому каменному делу песок и глина и вода на мнстрьских подводах моим Яковлевым работникам а зделать мне Якову тое каменное дело своим иастерам и работникам а будучи мне Якову у того каменного дела есть с мастерам и работникам свое Яковлево а пит нам квас мнстрьский а найму мне Якову взять сыном от того каменного дела у гсдрей

своих властей у архимандрита Евфимия з братьею днг триста пятьдесят рублей да вкладную в дом пречстей бдрцы а наперед того найму взять мне Якову днг пятьдесят рублей а достальныя денги мне Якову имать когда понадобится а делать мне Якову с сыном тое каменное дело ннешнего году а кирпич класть доброй зженой а внутри своды подмазывать и наместить кирпичем и отбелить внутри и по волной стороне и поставить нам подрячиком те келе на срок во «С» (200) году Покрову Престей бдрцы а буде мы подрядчики на тот выше описанной срок того каменного келейного дела не поставим и на нас подрядчиках пеня а пени что оне гддре власти укажут а будет в том каменном деле учинится какая поруха семь лет и мне Якову тоя поруха починивать за тем же наймом и как мы подрядчики тое каменное дело отделаем и нам подрячиком и досталные днги взять вси и сполна и в том им гддрем своим властем сию запись дали в запис писал по повелению отца своего Якова Агапитова сын его Ивашко Яковлев сам своею рукою лета РЧФ 7199 (1690) году ноября в Л (30) день.

ЛОИИ, ф.132, оп. 1, карт. № 40, № 125.

Порядная каменщиков Лариона и Гаврилы Санковых и Игнатия Петрова на строительство каменных келей в Тихвинском Успенском монастыре.

1693 год

Се аз тихвинцы посадцкие люди Ларион и Гаврила Васильевы дети Санковы да аз Игнатей Петров каменщик подрядился есме в Тихфине мнстре у гсдрей своих властей у архимандрита Евфимия у келаря иеромонаха Фаддея з братьею зделати нам подрядчиком у них в Тихвине мнстре каменные полати вновь от крыласких келей где стоят старые багадилни мерою того каменного дела в длину тритцать сажен гсдревых трех аршинных и с стенами, а поперечник таков же как крылаские кельи и с сенми да в тех же тритцати сажнях зделать нам три амбара хлебных мерою тех амбаров учинит как годно толко ободних сводах, а вышиною под одну кровлю против келей Яковлева дела да в той же меры тритцати сажнях зделать кельи сетная да просверенная келья, да меж теми ж кельями зделать сени да в просвиренной келье перебрат стена каменная да на просвиренной же келье учинит полатка с сводам же и на сенях своды зделать, а на анбары зделать сходы две лестницы в стенах на своды да нам же подрятчиком зделать на крыласких кельях от келеи Яковлева дела по старым жилия с сводами учинит то все вышиною под одну кровлю и в новых во всех жильях и в кельях и в сенех и в анбарах делать двери и окна, где понадобится мастерски против Яковлева дела и стены в том каменном деле длинные и поперечные делать толщиною где каковы понадобятся, а запас кирпич и известь в то каменное дело что ни пойдет, то все наше подрятчизкое а возит тот кирпич с сараев к тому делу и известь где она зжена будет их мнстрскими лошадыми и работники и поставит у дела, а делат той кирпич на их мнстрской земли, где нам понадобится в тое каменное дело в подошву камень и щебень и сваи готовые тесаные и ступ и веревки в двери и окна решетки и подставы петли и связи железные и деревянные класт готовые, где нам понадобится лес подвязной стойки и тес и кружала зделат и поставит и опалубит их мнстрскими плотниками и всякие деревянные и железные

запасы что понадобится к тому каменному делу телеги и лошади и бочки и ушаты и гребки то все их мнстрское и лошадей имат сколько когда понадобится песок и глина и вода возит на мнстрских лошадех нашими работниками, а делат нам то каменное дело своими мастерам и работниками, а будучи нам у того дела есть свое, а не мнстрское, только квас мнстрской, а найму нам от того от всего дела взят из мнстрской казны денег пятьсот восемьдесят рублей, а наперед мы того найму взяли из мнстрской казны денег пятьдесят рублей, а достальные денги имат нам ис казны когда нам понадобится, а делати нам то каменное дело в ннешнем в двесте первом году и в двесте втором годах и в то каменное дело класти нам подрядчиком кирпич женой доброй и вывести в творила песка класть по мере не слишком и внутри своды подмазат, а в полатах в верхних и в ысподних житьях намостит кирпичем и обелить внутри и повонной стороне, а то дело нам подрядчиком все сполна поставит к сроку к Покрову просвтей бдцы двесте третьем году, а буде в том каменном деле учинитца какая поруха в пятнатцат лет и нам подрядчиком та поруха починиват с себя за тем же наймом, а буде мы подрядчики того каменного дела против сей записи не зделаем и в слове своем не устоим и на нас подрядчиках властиная пеня а пени что гсдри власти укажут в том мы им сию на себя и запис дали а подрядную запис писал Преображенской дьячек Сенка Иванов лета 7201 (1693) году генваря в 1 день.

ЛОИИ, ф.132, оп.1, карт. № 43, № 1.

Словарь архитектурно-строительных и церковных терминов

АЛТАРЬ (лат. Altaria «altus» – высокий жертвенник). 1. В христианских храмах – стол, на котором совершается таинство богослужения. 2. Наиболее важная для религиозного ритуала восточная часть православного храма, отделенная от его основного пространства алтарной преградой либо иконостасом. Алтарь является символом Небесного мира, в нем проводится литургия.

АМВОН. 1. Выступ солеи перед средней частью иконостаса. Символизирует сретение (встречу) «Неба» и «Земли». 2. Возвышение посреди церкви, на котором совершается торжественное облачение архиерея.

АПСИДА, АБСИДА. Примыкающий к основному объему храма пониженный выступ полукруглой, граненой либо сложной формы в плане, перекрытый полукуполом или сомкнутым полусводом (конхой). Этим термином почти всегда обозначаются алтарные объемы, но в трехчастном алтаре могут быть алтарь, ризница и жертвенник.

БАРАБАН. Цилиндр или многогранник, завершающий объем храма и обычно несущий купол или главу. Если имеет оконные проемы – световой барабан.

ГЛАВА. Купольное или многогранное покрытие барабана (форма шлема, луковицы, шатровая).

ГОРНЕЕ МЕСТО. Возвышенная скамья (седалище) у восточной стены алтаря, за престолом, предназначенное для архиерея и фланкированное сопрестоллиями.

ДИАКОННИК (ризница). Примыкающее с юга к основному объему алтаря (возможно под алтарем) помещение, в котором хранятся облачения священнослужителей и запасная церковная утварь.

ЖЕРТВЕННИК. Примыкающее с севера к основному алтарному объему помещение, в котором совершается начало литургии. Также – стол слева от Горнего места в алтаре.

ЗАКОМАРА (греч. – сводчатая комната). Полукруглое или килевидное завершение прясел церковного здания, примерно соответствующее форме внутреннего свода.

ЗВОННИЦА. Архитектурное сооружение для подвески колоколов, не имеющее столпообразного облика. Может стоять отдельно от храма, быть пристроенным к нему или надстроенным над храмом. Может иметь вид стенки с проемами.

ИЗРАЗЕЦ. Керамический элемент украшения или облицовки стен либо печей, имеющий на тыльной стороне коробчатый выступ для сцепления с кладкой.

ИКОНОСТАС (греч. – образ, изображение и место стояния). Преграда, отделяющая основное пространство православного храма от алтаря и включающая в себя иконы в два и более ярусов. В центре размещаются Царские (или Райские) врата.

КАНОН (греч. – норма, правило). Совокупность твердо установленных правил иконографии, предопределяющих нормы композиции, колорита, систему пропорций либо данный сюжет и тип изображения. В храмовой архитектуре – скорее «каноническая традиция» - образцовые сооружения, отражающие средствами архитектуры богословское содержание храма; следование традициям.

КИНОВИЯ. Тип монастыря с общежительным уставом.

КОЛОКОЛЬНЯ. Башнеобразное сооружение для подвески колоколов в арках верхнего яруса; отдельно от храма или пристроено к нему.

КОНХА (греч. – раковина). Свод в виде четверти сферы. Перекрытие апсиды в форме полукупола или сомкнутого полусвода.

КУПОЛ. Свод, поверхность которого образована вращением кривой вокруг вертикали. Пространственное, обычно полусферическое, покрытие храма. Символизирует «Небо», а подкупольное пространство – «Землю».

ЛАВРА. Крупный православный монастырь с особыми привилегиями, подчиняющийся непосредственно патриарху.

ЛЕТНЯЯ ЦЕРКОВЬ (холодная церковь). Храм, не имеющий отопления и потому предназначенный для богослужения только в теплое время года.

ЛОПАТКА. Не имеющий базы и капители вертикальный ленточный выступ стены, разделяющий или ограничивающий ее поверхность (не ордерная архитектура).

МОНАСТЫРЬ (греч. – уединенное жилище). 1. Религиозная община монахов или монахинь, представляющая собой отдельную церковно-хозяйственную организацию. 2. Территория, на которой расположен архитектурный комплекс, имеющий богослужебные, общественные, жилые и хозяйственные постройки, как правило, обнесенные стеной.

МУРАВЛЕННЫЙ. Покрытый зеленой глазурью.

ПАРУС (пандатив). Конструкция, обеспечивающая переход от прямоугольного основания к круглому в плане купольному покрытию, сферический

треугольник, обращенный острием вниз. Конструктивно различают: балочный, консольный, сталактитовый, ступенчато-консольный, ступенчато-нишевый.

ПОДКЛЕТ. Нижний этаж здания в доордерной русской архитектуре, незначительно заглубленный в землю.

ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА. Изделия из обожженной глины, покрытые глазурью.

ПОРЕБРИК. Орнаментальная горизонтальная полоса на фасаде, образованная одним рядом кирпичей, одинаково расположенных плашмя или на ребро под углом к поверхности стены.

ПРЕСТОЛ. Неподвижный четырехугольный стол в центре алтаря. Символизирует трон Небесного Царя.

ПРИДЕЛ. Дополнительный храм со своим престолом и иконостасом, примыкающий к основному церковному зданию либо включенный в его объем.

РЕТИРАДА. Отхожее место, уборная.

СВОД. Каменная, кирпичная или бетонная конструкция покрытия с криволинейными очертаниями.

СВЯТЫЕ ВРАТА. Главный вход в монастырь, отмеченный надвратной башней с храмом или колокольной.

СКИТ. Отделение монастыря, предназначенное для аскетической жизни монахов. Включает храм или часовню и монашеские кельи.

СОБОР. Главный храм в городе или монастыре, рассчитанный на богослужение архиерея.

СОЛЕЯ (лат. *Solum* – престол, трон). В православном храме – возвышение пола перед алтарной преградой или иконостасом во всю его длину, место для богослужения.

СОПРЕСТОЛИЯ. Симметричные скамьи, примыкающие к внутренней восточной стене алтаря по обе стороны от горнего места.

ТРАПЕЗНАЯ (греч. – стол). 1. Столовая палата в монастыре. Одно из основных сооружений христианского монастыря, включающее зал для совместных трапез монахов, церковь и подсобные помещения – поварню, кладовые и др. Часто – двухэтажное. 2. Пониженная западная часть церковного здания, примыкающая к его главному объему и нередко включающая в себя зимний (теплый) храм.

ТРОМП (перемычный парус). Сводчатая конструкция для перехода от четырехгранного объема к восьмигранному, имеющая вид арки с конической внутренней поверхностью.

ХОРЫ. Балкон, галерея, лоджия или антресоли, расположенные внутри храма, как правило, над западными дверями и предназначенные, в основном, для церковного хора.

ХРАМ (церковь). Здание, предназначенное для молитвенного собрания верующих, совершения Литургии, имеющее алтарь с престолом. Символизирует Царство Небесное, преображенную Вселенную, возвращенный Рай.

ХРАМ КРЕСТОВО-КУПОЛЬНЫЙ. Тип христианского храма, сложившийся в зодчестве Византии и перешедший затем в архитектуру всех православных стран. В классическом варианте представлял собой прямоугольный объем, разделенный 4 столбами на 9 ячеек. Перекрытием служили крестообразно расположенные цилиндрические своды, а над центром храма на подпружных арках возвышался барабан с куполом. Углы между арками заполнялись парусами или тромпами. Система имела трех- и пятинефные варианты. Тип храма возник в VI в. и окончательно сложился к IX-XII вв. в Константинопольской школе.

ХРАМ-ЧАСОВНЯ. Часовня по вместимости (около 20 человек), но имеющая небольшой алтарь

ЦАРСКИЕ ВРАТА. Двухстворчатая особо украшенная дверь в центральной части иконостаса, расположенная напротив престола, через которую во время Литургии выносят святыне Дары для причастия.

ШАТЕР. Покрытие в форме высокой четырехгранной или восьмигранной пирамиды.

**ОТКРЫТОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ПРОЕКТНЫЙ ИНСТИТУТ
ПО РЕСТАВРАЦИИ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ**

"НИИ СПЕЦПРОЕКТРЕСТАВРАЦИЯ"

190000 г. Санкт-Петербург, ул. Декабристов, д. 21

т.312-12-62 т./ф. 325-90-17

e-mail spr_spb@mail.ru

№ _____ от _____

СПРАВКА

о внедрении результатов научно-исследовательской работы
аспиранта СПбГАСУ Пятницкой Т.Н. на тему
«Формирование монастырских ансамблей XVII века юго-восточного Приладожья»

Результаты научно-исследовательской работы аспиранта кафедры архитектурного и градостроительного наследия Санкт-Петербургского Государственного архитектурно-строительного университета Пятницкой Т.Н., касающиеся типологических особенностей построек монастырских ансамблей юго-восточного Приладожья, использованы при проведении натурных исследований и составлении проектов реставрации объектов культурного наследия Богородичного Успенского Тихвинского, Троицкого Зеленецкого, Александро-Свирского и Валдайского Иверского монастырей.

Генеральный директор

Фомин В. В.